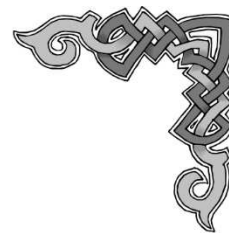

ООО «Наука и образование»

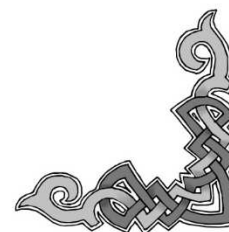
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

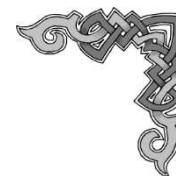

**№ 11
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 11

Часть 1

**(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)**

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

**Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.**

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

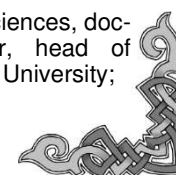
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovlov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забиорович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

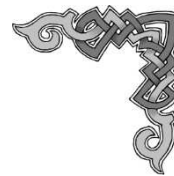
Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Зеленский Владимир Дмитриевич,

Карпова Светлана Геннадьевна.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Омельченко И.В. Демографическая структура тура российского населения	13
Алексеев В.В., Алексеева А.Е. Особенности межнациональных отношений в мультикультурном регионе Севера (на примере Республики Саха (Якутия))	18
Артамонова И.С. Использование современных социальных технологий в экологических социальных проектах	21
Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Оценка тенденций и факторов культурной динамики урбанизированных социобиотехнических систем: по материалам социологического исследования	25
Борисова У.С., Санников Ю.А. Общественные этнокультурные организации: институциональный подход	31
Гришай Е.В., Манацков И.В. Профилактика экстремизма по средствам противодействия деструктивным сектам	35
Долгополов К.А. Факторы, влияющие на криминализацию поведения несовершеннолетних в России	38
Жаде З.А., Хуако З.Ю., Гайдарева И.Н., Ешев М.А. Российская журналистика как инструмент формирования ценностных ориентаций молодого поколения	42
Каспаров А.Р., Стельмах С.А., Колимбет П.С., Семеренко А.С. Исследование социальных конфликтов в современном российском общественном сознании	49
Корчагин С.А. Исследование возможностей влияния систем искусственного интеллекта на социально-политические процессы	53
Круглова Е.Л. Гендерная структура занятых в российской экономике	56
Кубекова А.С., Шагина И.Р., Смахтина Т.А. Дистанционная работа в медицинском университете: гендерные различия преподавателей вуза	62
Ляшенко В.С. Преимущества и недостатки дистанционного обучения при изучении математики	66
Московцева Е.А. Социализация подростков в трансформирующемся социуме	70
Начкебия М.С. Организация процесса принятия управленческих решений в вузе с применением информационно-коммуникационных систем	72
Неделько П.С. Ключевые черты современного российского волонтерства	76
Обрывко Е.И., Стародубцева М.А., Саенко А.А. О некоторых аспектах повышения правовой культуры в вопросах профилактики экстремизма и идеологии терроризма в образовательной среде	81
Омаров А.О., Магомедэминов Н.С., Раджабов Р.Г. Мусульманская религиозная идентичность и культовое поведение дагестанской молодежи	84
Пухно П.С., Лапсарь М.В. Искусство как социальное явление в работах Р. Петерсона, Г. Беккера и П. Бурдьё: опыт социологического анализа	88

Разин М.В., Караваев Е.С., Стурова Н.А. Особенности миграционной ситуации в РФ в период пандемии COVID-19	92
Реутов Е.В., Реутова М.Н. Гражданская активность в системе смысложизненных ориентаций молодежи (на материалах регионального исследования)	96
Ситникова В.В., Васильева Е.В. Организационные основы надомного социального обслуживания граждан пожилого возраста	100
Сумачев А.В. Социально-правовая природа коррупции в сфере образования	104
Тертышникова А.Г., Ларина Т.И. Безопасность глазами иностранных студентов: в России и дома	107
Тюнь А.П. Теоретико-социологический анализ проблем формирования культуры взаимоотношений гражданского населения и полиции	113
Федотов К.В., Прудникова О.А. Социальное управление в системе семейно-ориентированного воспитания в образовательном учреждении	117
Хараева Л.А., Говердовская Е.В., Каспаров А.Р. Здоровьепорождающая сила национального этикета	121
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахина Т.А. Анализ факторов влияния на степень раздражения у преподавателей медицинского университета, работающих дистанционно	124

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Sergey A. Stelmax, Igor V. Omelchenko Demographic structure of the Russian population	13
Vitaly V. Alekseev, Anastasiya E. Alekseeva Peculiarities of interethnic relations in multicultural region of the North (using the example of the Republic of Sakha (Yakutia))	18
Irina S. Artamonova Using modern social technologies in environmental social projects	21
Valentin P. Babintsev, Galina N. Gaidukova, Zhanna A. Shapoval Assessment of cultural dynamics trends and factors in urban sociobiotechnical systems: on materials of a sociological study	25
Uliana S. Borisova, Yuri A. Sannikov Public ethno-cultural organizations: an institutional approach	31
Elena V. Grishay, Igor V. Manatskov Prevention of extremism by means of counteracting destructive sects	35
Kirill A. Dolgopolov Factors influencing the criminalization of juvenile behavior in Russia	38
Zuriet A. Zhade, Zaur Yu. Khuako, Inna N. Gaidareva, Marat A. Eshev Russian journalism as a tool for forming value orientations of the younger generation	42
Asker R. Kasparov, Sergey A. Stelmax, Pavel S. Kolimbet, Alina S. Semerenko Exploring social conflicts in modern russian social studies	49
Sergey A. Korchagin Study of the possibilities of the influence of artificial intelligence systems on socio-political processes	53
Elena L. Kruglova Gender structure of employees in the russian economy	56
Alia S. Kubekova, Inna R. Shagina, Tatyana A. Smakhtina Distance work at a medical university: gender differences of university teachers	62
Victoria S. Lyashenko Advantages and disadvantages of distance learning in studying math	66
Evgenia A. Moskovtseva Socialization of teenagers in a transforming society	70
Maya S. Nachkebiya Organization of the management decision-making process at the university with the application of information and communication systems	72
Pavel S. Nedelko Key features of modern Russian volunteering	76
Evgeniya I. Obryvko, Maria A. Starodubtseva, Arina A. Saenko On some aspects of increasing the legal culture in the issues of preventing extremism and ideology of terrorism in the educational environment	81
Arif O. Omarov, Najmudin O. Magomedeminov, Rustam G. Radzhabov Muslim religious identity and cult behavior of dagestan youth	84
Pyotr S. Pukhno, Margarita V. Lapsar Art as a social phenomenon in the works of R. Peterson, G. Becker and P. Bourdieu: the experience of sociological analysis	88

Mikhail V. Razin, Evgeny S. Karavaev, Natalia A. Sturova Features of the migration situation in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic	92
Evgeny V. Reutov, Marina N. Reutova Civil activity in the system of meaningful orientations of youth (on the materials of a regional research)	96
Victoria V. Sitnikova, Elena V. Vasilyeva Organizational foundations of home-based services for the elderly	100
Alexey V. Sumachev Socio-legal nature of corruption in education	104
Anastasia G. Tertyshnikova, Tatiana I. Larina Safety through the eyes of foreign students: in Russia and at home	107
Andrey P. Tyun Theoretical and sociological analysis of problems of culture formation of relationships of civil society and police	113
Konstantin V. Fedotov, Olesya A. Prudnikova Social management in the system of family-oriented education in an educational institution	117
Leorena A. Haraeva, Elena V. Goverdovskaya, Asker R. Kasparov Health-born power of national etiquette	121
Inna R. Shagina, Alia S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina Analysis of factors of influence on the degree of irritation in teachers of a medical university working remote	124

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
философии и социологии,
Институт права и национальной
безопасности Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС)
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

кандидат технических наук,
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
sergej.stelmax@mail.ru

Омельченко Игорь Владимирович

магистрант факультета политологии,
председатель,
Общественная наблюдательная комиссия
Ростовской области
igorom111@yandex.ru

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Аннотация. На протяжении многих лет проявляется неблагоприятная тенденция сокращения российского населения. С 1993 года его численность сократилась, несмотря на вхождение Крыма в состав Российской Федерации. Произошло увеличение городского и сокращение сельского населения. В статье на основе статистических данных авторами анализируется демографическая структура российского населения, его численность, естественное движение, территориальное размещение, половой и возрастной состав, а также выясняются причины сложившейся демографической ситуации в стране.

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Philosophy and Sociology,
Institute of Law and National Law
Security of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service in the President
of the Russian Federation (RANEPa)
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of laboratory,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and State Services under
the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Sergey A. Stelmax

Candidate of Technical Sciences,
Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and State Services under
the President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

Igor V. Omelchenko

Master of Political Science,
Chairman,
Public Monitoring Commission
Rostov region
igorom111@yandex.ru

**DEMOGRAPHIC STRUCTURE
OF THE RUSSIAN POPULATION**

Annotation. For many years, there has been an unfavorable trend of reducing the Russian population. Since 1993, its number has declined, despite the entry of Crimea into the Russian Federation. There was an increase in the urban population and a decrease in the rural population. In the article, based on statistical data, the authors analyze the demographic structure of the Russian population, its size, natural movement, territorial distribution, gender and age composition, and also find out the reasons for the current demographic situation in the country.

Ключевые слова: брак, возраст, городское и сельское население, ожидаемая продолжительность жизни, развод, рождаемость, смертность.

Keywords: marriage, age, urban and rural population, life expectancy, divorce, fertility, mortality.

На протяжении многих лет проявляется неблагоприятная тенденция сокращения российского населения [1]. С 1993 года его численность сократилась с 148,6 млн до 146,7 млн человек в 2020 году, несмотря на вхождение Крыма в состав Российской Федерации [2]. Произошло увеличение городского населения с 108,7 млн до 109,5 млн. и сокращение сельского населения с 39,9 млн до 37,2 млн.

Существует три варианта прогноза численности населения – низкий, средний и высокий. В соответствии с низким вариантом, в 2035 году ожидается численность населения в 138 млн 809,6 тыс. человек, средним – 144 млн 270,4 тыс., высоким – 152 млн 681,7 тыс. [3].

Численность постоянного населения на 01 января 2020 года составила 146 млн 748 тыс. 590 человек, в том числе, городского – 109 млн 562 тыс. 470, сельского – 37 млн 186 тыс. 120 чел. [4]. В 58 регионах население сократилось, в том числе, в 37 – за счет естественной убыли и миграционного оттока населения, в 18 – превышения естественной убыли над миграционным приростом, в 3 – превышения миграционного оттока над естественным приростом. В 27 регионах население увеличилось, из них в 8 за счет естественного и миграционного приростов, в 6 – превышения естественного прироста над миграционным оттоком, в 13 – превышения миграционного прироста над естественной убылью. Преобладает городское население, его доля в общей численности населения – 74,66 %, сельского населения – 25,34 %. 339 сельских жителей приходится на 1000 горожан. Прирост численности городского населения составил 108937 человек. Коэффициент общего прироста на 1000 человек равен 1. Вместе с тем была убыль сельского населения – 141067 человек (–3,8), оказавшая влияние на убыль всего населения – 32130 человек (–0,2). Коэффициенты естественного прироста как разность общих коэффициентов рождаемости и смертности на 1000 человек имеют отрицательное значение: –2,2 для всего населения, –1,7 для городского, –3,5 для сельского населения. Коэффициент миграционного прироста на 1000 человек для всего населения был равен 1,9, в том числе, городского – 2,5, сельского – 0,3.

Естественный прирост населения определяется как разница между числом, родившихся живыми и числом умерших. Естественный прирост был в 2013 (24 тыс.) и 2015 году (32 тыс.) [3]. Максимальная естественная убыль населения составила в 2000 году 949,1 тыс. чел. Естественная убыль связана с превышением численности умерших людей над численностью родившихся. Родились 1 млн 481 тыс. 074 человека (на 1000 человек населения 10,1), умерли – 1 млн 798 тыс. 307 (12,3), естественная убыль населения составила 317233 (2,2). [5].

Суммарный коэффициент рождаемости равен 1,579, в том числе, в городском населении – 1,489, сельском – 1,870. Данный коэффициент показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода в 15–49 лет при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости года, для которого вычислены возрастные коэффициенты. Прогнозируется суммарный коэффициент рождаемости на начало 2036 года по низкому варианту 1,509, среднему – 1,700, высокому – 1,890 [3]. Заключено 950167 браков, совершено 620730 разводов. На 1000 населения было 6,5 брака и 4,2 развода, то есть, 653 развода на 1000 браков. 309230 человек родились у женщин вне брака, 20,9 % от общего числа родившихся. Больше всего родили вне брака женщины в возрасте 30–34 года (82383) и 25–29 лет (71121). В 2018 году по возрасту жениха и невесты наибольшее количество браков состоялось в возрасте 25–34 года: по возрасту жениха – 456639 браков, невесты – 386652. Средний возраст женщин, родивших ребенка, 28,7 лет, в городском населении – 29, сельском – 27,8. Следует отметить, что происходит прерывание беременности (аборт). Было сделано 661 тыс. абортов, 19 на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет, 41,5 на 100 родов, 43,4 тыс. абортов у женщин при первой беременности.

Среди причин смертности преобладают болезни системы кровообращения – 46,8 % от общего числа умерших (841207 человек, 573,2 на 100 000 человек населения), новообразования – 16,6 % (соответственно 298699 и 203,5), внешние причины смерти – 7,7 % (137633 и 93,8) [5].

В первом полугодии 2020 года на 1000 человек населения число родившихся составило 9,3, умерших – 13, естественная убыль населения – 3,7; число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся – 4,4 [6]. Пандемия коронавируса увеличивает смертность населения – инфекция вызывает смерть, способствует смерти при сахарном диабете, болезнях органов системы кровообращения, онкологических и других заболеваниях.

Федеральная служба государственной статистики выделила четыре группы смертей от коронавирусной инфекции:

- первая – коронавирус как основная причина смерти;
- вторая – коронавирус как основная причина смерти, но его влияние на смерть пациента еще анализируется;
- третья – коронавирус повлиял на развитие других болезней и способствовал появлению осложнений, ускоривших смерть пациента;

– четвертая – коронавирус диагностирован, но не повлиял на наступление смерти [7].

Состав населения различается по признаку пола. Численность мужчин составила 68 млн 123 тыс. 069 чел., в городском населении – 50 млн 136 тыс. 787 чел., в сельском – 17 млн 986 тыс. 282 чел.; женщин – 78 млн 625 тыс. 521 чел., в городском населении – 59 млн 425 тыс. 683 чел., сельском – 19 млн 199 тыс. 838 чел. [8]. На 1000 мужчин приходилось 1154 женщины, (только в Чукотском автономном округе 962 женщины), городском населении – 1185 женщин, в сельском – 1068 женщин. Численное превышение женщин над мужчинами в составе населения сложилось из-за сохраняющегося высокого уровня преждевременной смертности мужчин.

Средний возраст населения составлял 40,2 года, мужчин – 37,5 года, женщин – 42,6 года. Возрастная структура населения дает возможность разделить население на три категории – моложе трудоспособного возраста, трудоспособный возраст, старше трудоспособного возраста. К категории «моложе трудоспособного возраста» относились 27 млн 442 тыс. 371 человек, в городском населении – 20 млн 028 тыс. 238, сельском – 7 млн 414 тыс. 133 чел. В категории «трудоспособный возраст» – соответственно, 82 млн. 677 тыс. 671 чел.; 62 млн 535 тыс. 208 чел.; 20 млн 142 тыс. 463 чел.; в категории «старше трудоспособного возраста» – 36 млн 628 тыс. 548; 26 млн 999 тыс. 024 чел.; 9 млн 629 тыс. 524 чел.

Удельный вес возрастных групп в общей численности населения следующий: моложе трудоспособного возраста – 18,7 %; трудоспособный возраст – 56,3 %; старше трудоспособного возраста – 25 %. В трудоспособном возрасте доля городского населения составляла 75,6 %, сельского – 24,4 %. 22 млн 699 тыс. 712 человек (15,5 %) находилось в возрасте 65 лет и более, в городском населении – 16 млн 837 тыс. 851 чел.(15,4 %), сельском – 5 млн 861 тыс. 861 чел. (15,8 %). В возрасте 100 лет и старше проживало 22898 человек, мужчин – 7005 чел., женщин – 15893 чел.; в городских поселениях – 19280 чел., сельских – 3618 чел.

Процесс демографического старения населения в большей степени присущ для женщин (67,7 %). В возрастной группе 85 лет и более численность женщин превышает численность мужчин в 3,2 раза. В большинстве регионов существует превышение численности людей старшего возраста в сравнении с людьми моложе трудоспособного возраста. Численность детей и подростков до 16 лет на 9 млн 186 тыс. 177 человек, на 25,1 %, меньше, чем людей старше трудоспособного возраста. 36,6 млн человек находились в пенсионном возрасте.

Показатель демографической нагрузки, выражающий количество людей нетрудоспособного возраста, приходящихся на 1000 жителей трудоспособного возраста, составил 775 человек, в том числе детей и подростков – 332 чел., людей старше трудоспособного возраста – 443 чел., в городском населении – соответственно 752, 320,

432 чел.; в сельском – 846, 368, 478 чел. На начало 2036 года по низкому варианту прогноза ожидается численность людей моложе трудоспособного возраста в 20 млн 104,6 тыс. чел. (14,5 % от общей численности), трудоспособного возраста – 75 млн 496,1 тыс. чел. (54,7 %); старше трудоспособного возраста – 42 млн. 528,8 тыс. чел. (30,8 %); среднему – соответственно 24 млн 600,1 тыс. чел.(16,1 %); 78 млн 289,4 тыс. чел. (54,3 %); 43 млн 306,7 тыс. чел. (30,1 %); высокому – 24 млн 600,1 тыс. (16,1 %); 80 млн 932,9 тыс. (52,8 %); 47 млн 691,2 тыс. чел.(31,1 %) [3]. По низкому, среднему и высокому варианту прогноза ожидаемая продолжительность жизни при рождении может быть. соответственно 75,42, 77,13, 81,67 лет. По всем трем вариантам ожидаемая продолжительность жизни при рождении женщин больше чем мужчин.

В качестве национальной цели развития Российской Федерации на период до 2030 года определено сохранение населения, здоровье и благополучие людей, установлены целевые показатели, характеризующие достижение этой национальной цели:

– обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации;

– повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет [9].

С 1993 года продолжительность жизни при рождении увеличилась с 67,8 до 73,3 лет, мужчин – с 61,9 до 68,2 лет., женщин – с 73,7 до 78,2 лет [2].

На увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения, улучшение демографической ситуации в стране направлена демографическая политика [10].

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года определены цели, принципы, задачи и основные направления, информационное обеспечение и механизмы реализации, объемы и источники финансирования мероприятий Концепции [11].

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 года отмечается, что число рождений падает. Суммарный коэффициент рождаемости составил 1,5, в 2024 году он должен быть 1,7 [12]. В послании предлагаются меры сбережения и приумножения народа, которые реализуются. Это, прежде всего, поддержка семьи:

– ежемесячные выплаты на первых и вторых детей до трех лет семьям, в которые доходы не превышают двух прожиточных минимумов в регионе на человека;

– выплаты на третьего ребенка и последующих детей, ежемесячные выплаты на детей в возрасте от трех до семи лет семьям, чьи доходы не

превышают одного прожиточного минимума на человека, в размере половины прожиточного минимума, с 2021 года – прожиточного минимума.

Среди других мер следует назвать:

– создание 255 тыс. новых мест в яслях до конца 2021 года;

– увеличение материнского (семейного) капитала для семей с двумя детьми до 616 617 рублей;

– выплата государством 450 тыс. за ипотечный кредит семье при рождении третьего ребенка;

Литература:

1. *Понеделков А.В.* Социально-политические аспекты демографических процессов, влияющие на национальную безопасность России / А.В. Понеделков, С.А. Воронцов // *Власть*. 2014. № 7. С. 180–185.

2. Россия в цифрах. 2020. Статистический сборник. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_11/Main.htm

3. Демографический ежегодник России. 2019. Статистический сборник. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm

4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году. Статистический бюллетень. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm

5. Естественное движение населения Российской Федерации. 2019. Статистический бюллетень. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_106/Main.htm

6. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2020 года // *Российская газета*. 2020. 10 сентября.

7. *Игнатова О.* Движение вниз // *Российская газета*. 2020. 24 августа.

8. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 01 января 2020 года. Статистический бюллетень. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm

9. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. № 30. Ст. 4884.

10. *Понеделков А.В.* Местное самоуправление и решение демографических проблем (в мнениях и оценках экспертов) / А.В. Понеделков, С.А. Воронцов; Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской // В сборнике: *Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции*. Сер. «Демография. Социология. Экономика». М., 2019. С. 298–301.

– распространение льготной ставки ипотеки в 6 % годовых на семьи с двумя и более детьми на весь период кредита;

– для молодых семей на Дальнем Востоке реализацию социальной программы ипотеки по ставке 2 %;

– организацию бесплатного горячего здорового питания всех учеников начальной школы с первого по четвертый класс;

– внедрение в 2021 году во всех регионах механизма социального контракта.

Literature:

1. *Ponedelkov A. V.* Socio-political aspects of demographic processes affecting the national security of Russia / A. V. Ponedelkov, S. A. Vorontsov // *Power*. 2014. № 7. P. 180–185.

2. Russia in numbers. 2020. Statistical collection. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_11/Main.htm

3. Demographic Yearbook of Russia. 2019. Statistical collection. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm

4. Number and migration of the population of the Russian Federation in 2019. Statistical Bulletin. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm

5. Natural movement of the population of the Russian Federation. 2019. Statistical Bulletin. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_106/Main.htm

6. Main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in the first half of 2020 // *Russian newspaper*. 2020. September 10.

7. *Ignatova O.* down Movement // *Russian newspaper*. 2020. August 24.

8. Population Of the Russian Federation by gender and age as of January 01, 2020. Statistical Bulletin. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm

9. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474 «On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2020. № 30. Art. 4884.

10. *Ponedelkov A. V.* Local self-government and the solution of demographic problems (in the opinions and assessments of experts) / A. V. Ponedelkov, S. A. Vorontsov; Ed. by S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya // In the collection: *national demographic priorities: new approaches, trends*. Ser. «Demography. Sociology. Economy». M., 2019, P. 298–301.

11. *Ветренко И.А.* Современная российская демографическая политика через призму национальной безопасности / И.А. Ветренко, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3(7). С. 90–96.

12. Помочь тем, кому труднее // Российская газета. 2020. 16 января.

11. *Vetrenko I.A.* Modern Russian demographic policy through the prism of national security / I.A. Vetrenko, A.V. Ponedelkov, S.A. Vorontsov // Bulletin of Omsk University. Series: history of science. 2015. № 3(7). P. 90–96.

12. Help those who find it more difficult // Russian newspaper. 2020. January 16.

Алексеев Виталий Владиславович

кандидат экономических наук,
доцент кафедры журналистики
филологического факультета,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова
vva72@mail.ru

Алексеева Анастасия Егоровна

старший преподаватель
кафедры русского языка
филологического факультета,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова
alnaste@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ
СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**

Аннотация. Сложности в экономике, обусловленные пандемией, не могут не отразиться на социальной жизни населения северных мультикультурных регионов. В Республике Саха (Якутия), на территории которой живут представители различных этнических групп, сложилась достаточно стабильная межнациональная обстановка. Исследование межнациональной ситуации путем опроса трудовых мигрантов и местного населения, проведенное авторами статьи в 2018 и 2020 годах, позволяет выявить динамику в отношениях между представителями различных национальностей в Якутии. Кроме того, появляется возможность своевременно отреагировать на негативные тенденции в развитии межнациональной, межконфессиональной ситуации в республике. Проведенное исследование выявило особенности межнациональных отношений, на которые необходимо обратить внимание органам власти и общественности республики для позитивного развития межнациональных, межконфессиональных отношений в Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: межнациональная обстановка, профилактика экстремизма, исследование, опрос, респонденты, отношения между людьми разных национальностей, конфессии, многонациональный регион, мультикультурный регион.

Исследования, проведенные в 2018 и 2020 годах авторами статьи и коллегами из Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета в рамках проекта «Мультикультурный барометр как инструментальный по профилактике экстремизма в меж-

Vitaly V. Alekseev

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Journalism Philological Faculty,
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosova
vva72@mail.ru

Anastasiya E. Alekseeva

Senior lecturer
Department of the Russian
Language Philological Faculty,
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosova
alnaste@mail.ru

**PECULIARITIES OF INTERETHNIC
RELATIONS IN MULTICULTURAL
REGION OF THE NORTH (USING
THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC
OF SAKHA (YAKUTIA))**

Annotation. The difficulties in economics arrived from the coronavirus problem certainly affected the social life of the people of the northern multicultural regions. In Republic of Sakha (Yakutia), the multinational region in the northeastern part of Russian Siberia, we have the stable and positive relations between different ethnic groups. The research with the goal to examine the dynamic changes in relations between the national groups in Yakutia was conducted by the authors of this article twice, in 2018 and 2020. The research results will be very helpful and useful to prevent possible negative trends in multinational and multicultural republic. The migrants from the post-Soviet republics appeared to be respondents of the research. The research of migrants' and dominant host people was conducted through the survey method. It is believed the results will be really helpful to prevent conflicts, improve the situation in multinational republic.

Keywords: situation, ethnic groups, situation with nationalities, survey, extremism prevention, research, multicultural region, multireligious region, religious, relations between the people of different nationalities.

национальных отношениях в Арктике и на Дальнем Востоке», показали результаты, которые имеют немаловажное значение для оценки уровня отношений коренного населения Республики Саха (Якутия) и трудовых мигрантов из ближнего Зарубежья. Отметим, что проект был

осуществлен при поддержке Фонда президентских грантов.

Как известно, на территории Якутии проживают, помимо представителей двух доминирующих по численности национальностей, якутов и русских, и коренные малочисленные народы Севера, а также представители других этнических групп. При этом в республике сохраняется стабильная спокойная межнациональная обстановка, что является безусловным фактором привлекательности данного региона для мигрантов из стран постсоветского пространства, желающих жить и трудиться на Севере, несмотря на суровые природно-климатические условия. Вместе с тем, возникает потребность в дополнительном изучении межнациональной обстановки в республике, учитывая текущие трудности в развитии экономики и период пандемии, обусловивший негативные изменения на рынке труда.

По результатам социологического исследования можно отметить, что республика остается достаточно привлекательной для мигрантов для проживания и работы. В основном, трудовые мигранты прибыли в Якутск из следующих стран: Кыргызстана (в 2018 году 38 % и в 2020 году – уже 75 %), Узбекистана (в 2018 году 17 % и в 2020 году 20 %), Таджикистана (в 2018 году 8 % и в 2020 году 3 %). В 2018 году также удалось опросить граждан Китайской Народной Республики, которые составили 20 % от общего числа мигрантов. В связи с пандемией, по понятным причинам, в 2020 году мигрантов из Китая для опроса найти не удалось. И в 2018 году, и в 2020 году было опрошено по 100 мигрантов.

Если в 2018 году в первый раз приехали 32 % мигрантов, то уже в 2020 году число впервые прибывших в Якутию составило уже 46 % опрошенных. В 2018 году во второй раз в Якутию прибыли 27 %, а в 2020 году – 31 %. При этом 19 % опрошенных в 2018 году планировали задержаться в Якутии на период в 5 лет.

Наиболее востребованными отраслями для мигрантов следующие отрасли: оптовая и розничная продажа (в 2018 году 54 % и в 2020 году 23 %), строительство (в 2018 году 11 % и в 2020 году 37 %), гостиничный и ресторанный бизнес (в 2018 году 9 % и в 2020 году 26 %), транспорт (в 2018 году 7 % и в 2020 году 7 %). В торговле преимущественно заняты этнические узбеки из Кыргызстана (Ошская область), в строительстве – киргизы и таджики, в транспорте, преимущественно в такси – киргизы. 13 % опрошенных в 2018 и 2020 годах живут с 2017 года, 14 % мигрантов живут с 2018 года.

Мигрантов привлекает уровень заработной платы в регионе. В 2018 году 27 % опрошенных имели заработок от 21 до 30 тысяч рублей, в 2020 году 22 % имели эти же заработки, но уже 26 % задекларировали заработки от 41 до 50 тысяч, а 17 % из них – от 61 до 70 тысяч.

В 2018 году 66 % опрошенных мигрантов были полностью удовлетворены условиями проживания, скорее были удовлетворены, чем нет, 23 %.

Исследование 2020 года показало почти те же резульаты: 67 % мигрантов были удовлетворены, и 30 % – скорее были удовлетворены, чем нет. В 2018 году почти 80 % респондентов были удовлетворены условиями труда, а в 2020 году – уже 92 % мигрантов выразили удовлетворение. В 2018 году были довольны зарплатой 54 % мигрантов, еще 27 % высказали, что «скорее, удовлетворены». В 2020 году ситуация сильно не изменилась: полное удовлетворение выразили 56 % респондентов, скорее, довольными, чем нет, оказались 29 %.

Показательными являются ответы на вопрос о том, почему же иностранцы выбрали Республику Саха (Якутия)? В 2018 году 38 % респондентов отметили, что переехали в Якутию в силу того, что их позвали родственники, которые уже работают в республике, и 22 % опрошенных вняли рекомендациям друзей, уже проживающих в Якутии. В 2020 году 56 % прибывших признались, что из позвали родственники, и 35 % отметили такую причину переезда, как рекомендации друзей.

Отметим, что мигранты указали свой достаточно высокий уровень владения русским языком. В 2018 году 20 % опрошенных посчитали, что владеют русским отлично, и 37 % оценили уровень владения русским языком на «хорошо». В 2020 году только 10 % респондентов отметили знание русского языка как отличное, но, в то же время, 25 % считают свой уровень русского языка хорошим.

Также, следует отметить образование респондентов. По сравнению с 2018 годом значительно снизилось число мигрантов с высшим образованием. Если в 2018 году среди опрошенных было почти 22 % с высшим образованием, то в 2020 году университетскую подготовку имели всего 6 %. В то же время, существенно увеличилось число мигрантов со средним общим образованием. В 2018 году доля окончивших общеобразовательную школу составляла 20 %, то два года спустя эта доля достигла 41 %.

Большинство опрошенных мигрантов в 2018 и 2020 годах – это мужчины, при этом достаточно активного экономического возраста – 25–40 лет.

Практически все мигранты отметили, что имели возможность ежедневно общаться со своими родственниками, земляками, посещать еженедельно места богослужения. При этом взаимодействие с местным населением осуществлялось постоянно в рамках исполнения своих профессиональных обязанностей.

В связи с этим, исследовательский интерес вызывает то, как оценивают межнациональные отношения представители местного населения Республики Саха (Якутия). В 2018 году был опрошен 121 житель республики, а именно, города Якутска и Верхневилуйского района. В основном, это жители экономически активного возраста, с 25 до 60 лет, большинство из которых женщины. Из числа опрошенных жителей 43 % выразили мнение, что они готовы сотрудничать с представителями других национальных групп. 40 % ответили, что с большей долей вероятности смогут сотрудничать

с представителями других национальностей. Ответы на следующий вопрос «Считаете ли Вы возможным в Вашем районе (городе, селе) проявления политического, национального, религиозного экстремизма (беспорядки, неповиновение, террористические акции)?» показывают, что в республике сложилась спокойная, мирная обстановка. Абсолютное большинство респондентов – 87 % – считают, что проявления экстремизма в республике невозможны.

Ситуация с межнациональными отношениями не претерпела значительных изменений в 2020 году. При этом число опрошенных стало гораздо большим – 182 человека, также из Якутска и Верхневилуйского района. Готовность довериться представителям других национальностей и сотрудничать с ними проявили 81 % местных жителей. Также, большинство респондентов – 66,5 % – считает, что в районах их проживания проявления политического, национального, религиозного экстремизма невозможны.

Вместе с тем, следует отметить, что достаточно большое число опрошенных местных жителей считают, что, несмотря на стабильную межнациональную обстановку в республике, данное спокойствие имеет только внешний характер, а внутренне некоторая напряженность сохраняется. Так, в 2018 году 26 % респондентов считали, что отношения внешне спокойные, но существует внутреннее напряжение между представителями различных национальностей, этнокультурных

Литература:

1. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2016. 295 с.
2. *Бутенко И.А.* Анкетный опрос как общение социолога с респондентами. М. : Высшая школа, 2014. 176 с.
3. *Глушченко В.В.* Исследование систем управления: социологические, экономические, прогнозные, плановые, экспериментальные исследования / В.В. Глушченко, И.И. Глушченко. М. : ТОО НПЦ «Крылья», 2014. 416 с.
4. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. М. : КДУ, 2013. 296 с.
5. *Добренков В.И.* Методология и методика социологического исследования / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. М. : Академический Проект, Альма Матер, 2015. 544 с.
6. *Толстова Ю.Н.* Анализ социологических данных. М. : Научный мир, 2015. 352 с.

групп. В 2020 году уже 40 % местных жителей считают, что межнациональные отношения только внешне спокойные при сохраняющемся напряжении.

Также, обращают на себя внимание ответы местных жителей на следующий вопрос анкеты: «Сталкивались ли Вы в Вашем районе (городе, селе) со случаями неприязненного отношения со стороны представителя других национальностей?». Так, в 2018 году 30% опрошенных отметили, что слышали о случаях неприязненного отношения со стороны представителей других национальностей от знакомых. В 2020 году такой же вариант ответа выбрали уже 35 % респондентов.

Последние данные должны быть учтены в деятельности исполнительных и законодательных органов власти региона, а также – органов муниципальной власти. Реализация многих социально-экономических программ в республике требует слаженной работы многих категорий населения, конструктивного взаимодействия между представителями различных национальностей, этнических и конфессиональных групп. В связи с этим, властям республики, представителям общественности необходимо внедрять методы работы, которые будут вдохновлять население – и принимающее, и приезжее – на созидательный совместный труд. Это приобретает особенно важное значение в нынешних условиях пандемии.

Literature:

1. *Batygin G.S.* Lectures on the methodology of sociological research. M. : Russian University of Peoples' Friendship (RUDN), 2016. 295 p.
2. *Butenko I.A.* Questionnaire survey as communication between a sociologist and respondents. M. : Higher School, 2014. 176 p.
3. *Glushchenko V.V.* Study of management systems: sociological, economic, forecasting, planned, experimental studies / V.V. Glushchenko, I.I. Glushchenko. M. : LLP NPC «Wings», 2014. 416 p.
4. *Devyatko I.F.* Methods of sociological research. M. : KDU, 2013. 296 p.
5. *Dobrenkov V.I.* Methodology and Methodology of Sociological Research / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko. M. : Academic Project, Alma Mater, 2015. 544 p.
6. *Tolstova Yu.N.* Analysis of sociological data. M. : Scientific world, 2015. 352 p.

Артамонова Ирина Станиславовна
аспирантка,
Московский городской
педагогический университет
mouseket@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Аннотация. Статья посвящена практическому использованию современных социальных проектных технологий в области экологического образования, воспитания молодежи и подрастающего поколения. Показано практическое применение современных социальных проектных технологий, в том числе, технологии «живого общения, обучения и развития», построенных на основе теории научных исследовательских программ представителя позитивизма и критического рационализма Имре Лакатоса, в сфере экологического образования и воспитания. Рассмотрены особенности использования социально-педагогической программы на примере реализованных социальных проектов «Экошкола», «Эконаука» и «Экотропа Забайкалья».

Ключевые слова: социальное проектирование, социальные технологии, экологическое образование и воспитание, социальный проект, живое общение, обучение и развитие, личность, подросток.

В настоящее время экологическое образование и воспитание подрастающего поколения играет ключевую роль в предотвращении экологических катастроф, а также - формирует экологическую культуру общества. Прививая молодым людям основы экологических и этических норм и ценностей, закладывая гуманное и бережное отношение к природе и ее ресурсам, мы формируем эквайроментальное мышление молодежи, создавая основу качественно нового общества, живущего в гармонии с окружающей средой нашей планеты.

Социальные проекты становятся базой развития современного общества. Инициатива, идущая изнутри различных социальных групп, в том числе, молодежных и подростковых объединений, постепенно меняет структуру управления обществом, вплетая в нее элементы синергичности и эмерджентности. А современные социальные психолого-педагогические технологии позволяют грамотно простроить структуру социального проекта, обеспечить его целостность, развитие и управляемость, а также существенно повысить его эффективность.

Irina S. Artamonova
Graduate student,
Moscow City
Pedagogical University
mouseket@gmail.com

USING MODERN SOCIAL TECHNOLOGIES IN ENVIRONMENTAL SOCIAL PROJECTS

Annotation. The article is devoted to the use of modern social technologies in the field of environmental education and education of young people and the teenagers. It shows the practical use of modern social technologies, including the technology of «live communication, learning and development», based on the theory of scientific research programs of the representative of positivism and critical rationalism Imre Lakatos, in the field of environmental education and upbringing. The features of using the socio-pedagogical program on the example of the implemented social projects «Eco-School», «Ekonauka» and «Ecotropa of Zabaikalia» are considered.

Keywords: social design, social technologies, environmental education and upbringing, social project, live communication, training and development, personality, teenager.

Рассматривая развитие общества через призму социальных идей каждого конкретного человека, социальное проектирование дает нам новые возможности в гармонизации сферы взаимоотношений человека, общества и природы. Экологические проекты, таким образом, становятся необходимой ступенькой развития личности молодого человека, позволяя ему воплотить свои идеи, реализовать на практике свои творческие способности на благо общества и природы в целом. Социальные проекты, построенные по принципам новых инновационных психолого-педагогических технологий, предоставляют каждому возможность принять самое активное участие в решении социальных и экологических проблем. Таким образом, закладывается структура нового общества, в которой личность каждого оказывает влияние на развитие и формирование всех.

Экологические социальные проекты, позволяют минимизировать негативные последствия влияния человека на природу, восстановить экосистему, создать культуру дружественной природе городской среды, обеспечить гармоничное слияние сфер бизнеса, природы, общества,

информационных технологий и современных инновационных решений.

Социальные проекты, на основе которых строилась работа в данном научном исследовании это проекты «Экошкола», «Эконаука» и «Экотропа Забайкалья», были осуществлены на базе Читинского Зоопарка и зоопитомника Амодово, работая с подрастающим поколением Забайкальского края [1]. Каждый из этих социальных проектов имел в своей основе различные, но очень важные и своевременные цели и задачи. Общим для всех этих проектов являлось гармонизирующее взаимодействие человека и природы, – подход, построенный на использовании принципов ведущей социально-педагогической концепции «живого общения, обучения и развития личности в современном обществе и в современном мире». Еще одной, важнейшей составляющей, лежащей в основе данных социальных проектов, была творческая деятельность подрастающего поколения.

В основе творческой деятельности лежат глубокие процессы, соединяющие в себе, осознание проблемы, одновременно с деятельностью преобразования окружающего мира. Чувства молодого человека, обогащенные общением с природой, развивают лучшие, врожденные, корневые качества личности, которые, в свою очередь помогают выявить и исправить недостатки, способствуют самоорганизации, самоосознанию и самообразованию молодого человека. Личное творчество переходит в гармоничное преобразование внутреннего и внешнего, окружающего подростка мира, а задачи образования и воспитания, решаются изнутри, с опорой на лучшие, глубокие свойства личности подростка. В решении данной задачи нам необходима философская составляющая социально-образовательного процесса, говорит в своей монографии Инна Бирич, – «Творчество жизни – это есть, прежде всего, строительство своего идеального образа, проявленного во внешнем мире» [2]

Опираясь на задатки, заложенные в развитии ребенка в процессе образовательной и воспитательной работы, проводимой в рамках данных социальных проектов, было сформировано целенаправленное социально-педагогическое воздействие на подростка, которое позволило выявить и развить его склонности, дарования и направления развития его индивидуальных способностей и возможностей, а также, сформировать гармоничную личность, имеющую в активе необходимые знания, умения, навыки, нравственные и этические ценности.

Деятельность, осуществляемая в рамках данных социальных проектов, способствовала развитию умственного, эмоционального и физического потенциала личности подростка и раскрытию его творческих возможностей. По результатам проведенного анкетирования, 89 % подростков, участвующих в данных проектах, отметили существенное улучшение положительных эмоций; 95 % подтвердили улучшение физических данных; 98 % подростков отметили улучшение умственного потенциала, проявившегося в улучшении показателей высших психических качеств личности, таких

как память, внимание, воображение, воля, восприятие, мышление, речи и социальных эмоций; 100 % участников данных проектов подтвердили, что проекты позволили им раскрыть творческую составляющую личности, что особенно проявилось в создании подростками более 20 собственных экологических мини проектов, представленных ими на итоговой конференции. Данный процесс позволил подростку перенести внешний практический опыт, знания и ценности во внутреннюю структуру формирующейся личности подростка, сформировать его убеждения и ценности. Действуя в рамках гуманистической концепции, данный образовательно-воспитательный процесс оказывал всестороннюю помощь личности подростка в раскрытии его талантов, дарований и способностей.

Использование в данных проектах разработанной нами ранее социально-педагогической технологии, построенной на основе научно-исследовательских программ Имре Локатоса, позволило практически апробировать социально-педагогические методики данной технологии, осуществить процесс трансформации личности подростка, который будет оказывать решающее значение в формировании общества нового типа живущего в гармонии с природой.

Для Забайкальского региона проблема защиты окружающей среды играет первостепенное значение. Антропогенное воздействие промышленности края на окружающую среду является крайне негативным. Уровень загрязнения воздуха в городе Чите превышает принятый в стране максимальный критерий равный 14, среднегодовые концентрации, загрязняющих природную среду веществ, также существенно превышают допустимые нормы. По данным Забайкальского управления гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, большинство водных объектов имеют статус умеренно загрязненных, загрязненных и грязных, например: реки Шилка, Чита и озеро Кенон. Кроме того, природные катастрофы нескольких последних лет, наводнения, паводки, многочисленные лесные пожары тоже оказали значительное отрицательное воздействие на экосистему Забайкальского края.

Подрастающее поколение края, осознавая и переживая на собственном опыте множество экологических проблем, нуждается в экологическом образовании и воспитании. Сохранение природы, восстановление разрушенных экосистем, разработка новых природосберегающих и природоохранных технологий становится, таким образом, первоочередной задачей именно молодого поколения края.

Экологические социальные проекты последних лет, в основу которых были положены современные социальные психолого-педагогические технологии, такие как концепция «Живого общения, обучения и развития», позволили сформировать большую группу активных молодых людей и подростков Забайкальского Края, для которых развитие личности происходит одновременно с установками на приоритет охраны окружающей среды и устранение последствий неблагоприятного

воздействия промышленности и человека на природу. В рамках данных проектов были проведены многочисленные полезные комплексные природоохранные мероприятия на территории города Читы и Читинского района Забайкальского края, такие как:

- изучение деструктивного, загрязняющего вида негативного воздействия, определение источников его интенсивности для природы и человека;
- оценка устойчивости природных систем флоры и фауны края;
- проведение субботников по очистке территории, обустройству природных экологических троп и парковых территорий;
- наблюдение и сохранение многочисленных видов животных и растений края, создание экологических клумб, посадка деревьев;
- создание собственных экологических проектов;
- распространение экологической информации в социальных сетях, проведение экологических мастер-классов, субботников, фестивалей;
- участие в международной экологической конференции.

Оценить результативность социально-экологической деятельности можно на основе реализации системы управленческого мониторинга, методологические основы которого разрабатывались Э.Н. Рычиной [8]. Сформированные ею подходы могут быть использованы для формирования системы взаимосвязанных социальных экологических проектов.

В рассматриваемых в данной работе экологических социальных проектах «Экошкола», «Эконаука» и «Экотропа Забайкалья» произошло формирование и развитие у подростков позитивного эмоционально-нравственного отношения к окружающей природной и социальной среде через систему необходимых экологических знаний, чуткое и заботливое отношения к миру природы, через знакомство с основами научной деятельности и формирование активной жизненной позиции в области экологического образования подрастающего поколения [1]

Данная социально-педагогическая технология выводит на новый уровень организацию управления развития образования и воспитания подрастающего поколения, наиболее эффективно используя все общественные и личностные резервы социальной системы.

Основными задачами, стоящими в рамках данных экологических социальных проектов, является:

- возможность подросткам ощутить себя одновременно и частью природы, и частью социального общества;
- восстановить разрушенные связи между человеком и окружающим миром, а социальным педагогам, – направить свои усилия на формирование

и накопление у подрастающего поколения позитивных эмоций и глубокого опыта взаимодействия с природой и окружающим миром.

Воспитание у подростков гуманного отношения к природе и ее обитателям позволяет сформировать основы экологической грамотности, осуществить посредством предложенной социально-педагогической технологии многогранный комплексный подход к образованию и воспитанию через различные виды практической научной деятельности.

Использование в рамках социальных проектов современных инновационных, развивающих социально-педагогических технологий, составляет важную часть социального обучающего и воспитательного процесса работы с подрастающим поколением. В данных социальных проектах использовались следующие социально-педагогические технологии: *арт-терапия, игротерапия, приключенческая педагогика, кейс-стадии, синквейны, тренинги, конференции, портфолио, создание книг и журналов, выставок своих работ, разработка совместных и индивидуальных проектов, анкетирование, деловая игра, фокус-группа, интервьюирование, тестирование, экспертная оценка (программ, планов мероприятий), анализ кейс-стадии, материалов, СМИ, сайтов даст возможность подросткам не только разрешить многие подростковые проблемы: значительно расширить кругозор, пополнить запас знаний и представлений об окружающем мире, развить навыки коммуникации и решить коммуникативные трудности, компенсировать неуверенность в себе, низкую самооценку и неоправданную зависимость от мнения окружающих, научиться управлять своим поведением, снизить уровень агрессии и эгоизма, повысить уровень доверия к окружающему миру и людям вокруг, но и решить задачи умственного, физического, нравственного, трудового, этического и политехнического воспитания подрастающего поколения.*

Результаты работы с подростками в экологических проектах «Экошкола», «Эконаука» и «Экотропа Забайкалья» позволяют сделать вывод о высокой эффективности использования современных социальных педагогических технологий в социальных проектах. Проекты позволили достичь основной социально-воспитательной цели нашей деятельности, – оказание помощи личности подростка в ее разностороннем развитии, обучении и воспитании как едином интегрированном, целостном процессе, имеющем своей конечной целью гармоничное встраивание подростка в структуру современного общества. Использование в экологических социальных проектах современных новаторских педагогических технологий дало толчок дальнейшему развитию социально значимой проектной экологической деятельности, позволило заложить основы для продолжения работы с молодежью. Ученики «Экошколы» и «Экотропы Забайкалья» стали активными участниками новых социальных экологических проектов, таких как новый проект «Экопарк у Филина», Экологическая IT площадка «Твой Доступ» и многих других.

Подводя итоги проведенной работы, можно констатировать высокую степень значимости экологического образования и экологической культуры

Литература:

1. *Артамонова И.С.* Экошкола : метод. пособие / И.С. Артамонова, Н.М. Кокшарова, Д.Н. Ларченко, И.В. Мейнцер, А.В. Павлова ; Отв. ред. А.В. Павлова. М. : ООО «КолорВитрум», 2018. 68 с.
2. *Бирич И.А.* Культурно-цивилизационная тайна образования. Философский проект : монография. Научное издание. М. : Издательство «Академический проспект», 2018. 276 с.
3. *Гарашкина Н.В.* Социально-педагогический подход к проблеме формирования социальной инициативности молодежи в проектной деятельности // Вестник ТГУ. Тамбов, 2015. Вып. 9 (149).
4. *Кукушина В.С.* Социально-Педагогические технологии : учебное пособие для студентов педагогических специальностей. М. : ИКЦ «МарТ», 2004. 336 с.
5. *Лакатос И.* Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. 1995. № 4. 147 с.
6. *Луков В.А.* Социальное проектирование. Московский гуманитарный университет : Изд. «Флинта», 2006. 240 с.
7. *Рычихина Э.Н.* Мониторинг в системе социального управления муниципальным образованием : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра соц. наук. Современная гуманитарная академия. М., 2010. 47 с.

для современного общества как основы построения будущей гармоничной структуры взаимодействия личности, общества и природы в целом.

Literature:

1. *Artamonova I.S.* Ecoshkola : method. manual / I.S. Artamonova, N.M. Koksharova, D.N. Larchenko, I.V. Meinzer, A.V. Pavlova; Resp. ed. A.V. Pavlova. M. : LLC «ColorVitrum», 2018. 68 p.
2. *Birich I.A.* Cultural and civilizational mystery of education. Philosophical project : monograph. Scientific publication. M. : Publishing house «Akademicheskii Prospekt», 2018. P. 276.
3. *Garashkina N.V.* Socio-pedagogical approach to the problem of forming social initiative of young people in project activities // Bulletin of TSU. Tambov, 2015. Release 9 (149).
4. *Kukushina V.S.* Socio-Pedagogical technologies : textbook for students of pedagogical specialties. M. : ICC «March», 2004. P. 336.
5. *Lakatos I.* the Methodology of scientific research programs // Question of philosophy. 1995. № 4. 147 p.
6. *Lukov V.A.* Social design. Moscow University for the Humanities : Flint publishing house, 2006. 240 p.
7. *Rychikhina E.N.* Monitoring in the system of social control of the municipal education : abstract of the dis. ... for the degree of doctor of social sciences. Modern humanitarian Academy. M., 2010. 47 p.

Бабинцев Валентин Павлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры социальных
технологий и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
babintsev@bsu.edu.ru

Гайдукова Галина Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Шаповал Жанна Александровна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
shapoval@bsu.edu.ru

**ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ
И ФАКТОРОВ КУЛЬТУРНОЙ
ДИНАМИКИ УРБАНИЗИРОВАННЫХ
СОЦИОБИОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы динамики культурных процессов в современных городах в условиях их трансформации в сложные социобиотехнические системы (СБТ-системы). Приводятся результаты социологического исследования, проведенного авторами в 2020 году в городах Белгородской области, включавшего анкетный опрос городского населения (n = 500), экспертный опрос (n = 30), проведение трех фокус-групп с молодежью, работниками учреждений культуры, работниками масс-медиа. Обосновывается вывод о высоком динамизме и формировании потребительско-индустриальной модели городского социокультурного развития на основе системного использования технических возможностей. В то же время, авторами эмпирически подтверждается двойкий характер воздействия информатизации и цифровизации на

Valentin P. Babintsev

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
of Social Technology and Public Service,
Belgorodsky
State National Research University
babintsev@bsu.edu.ru

Galina N. Gaidukova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Social Technology and Public Service,
Belgorodsky
State National Research University
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Zhanna A. Shapoval

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Social Technology and Public Service
Belgorodsky
State National Research University
shapoval@bsu.edu.ru

**ASSESSMENT
OF CULTURAL DYNAMICS TRENDS
AND FACTORS IN URBAN
SOCIOBIOTECHNICAL SYSTEMS:
ON MATERIALS
OF A SOCIOLOGICAL STUDY**

Annotation. The article deals with the dynamics of cultural processes in modern cities under the conditions of their transformation into complex sociobiotechnical systems (SBT-systems). The results of the sociological research conducted by the authors in 2020, in the cities of Belgorod region, which included a questionnaire survey of the urban population (n = 500), expert interviews (n = 30), three focus groups with young people, workers of culture, workers of mass-media. The conclusion about high dynamism and formation of a consumer-industrial model of urban socio-cultural development based on the systematic use of technical capabilities is substantiated. At the same time, the authors empirically confirm the dual nature of the impact of informatization and digitalization on urban culture: they increase the availability of cultural values and socio-cultural events, but at the same time «draw» residents, mostly

городскую культуру: они повышают доступность культурных ценностей и социально-культурных мероприятий, но одновременно «затягивают» жителей, в большей степени молодежь, в виртуальное пространство, заменяют собой человеческое общение, реальное посещение культурных объектов.

Ключевые слова: город, культура, городская культура, социодинамика культуры, городской метаболизм, социобиотехническая система.

young people, into the virtual space, replace human communication, real visits to cultural objects.

Keywords: city culture, urban culture, socio-dynamics of culture, urban metabolism, sociobiotechnical system.

В современных условиях города под воздействием процессов глобализации трансформируются в социобиотехнические системы (СБТ-системы) – системы высокого уровня сложности, возникающие на основе интеграции технико-технологических, биохимических и социальных элементов, функционирование которых определяется метаболическими процессами [5]. Городской метаболизм допустимо рассматривать как циклический обмен продуктами функционирования технико-технологической, биохимической и социальной подсистем по алгоритму: «вход» (аккумуляция «веществ», питающих город) – «преобразование» (разложение «веществ» на простые и одновременное образование и потребление сложных «веществ») – «выход» (выброс отходов «процессов жизнедеятельности в окружающую среду») – «трансформация отходов» [5, с. 21]¹.

В ходе гибридизации городов и их трансформации в сложные СБТ-системы изменения происходят во всех сферах жизнедеятельности городского социума, в том числе, и в сфере культуры, даже с учетом сравнительно низкой социодинамики культурных процессов, обусловленной длительностью изменений составляющих культурное ядро ценностно-смысловых комплексов и традиций. Городская культура функционирует как открытая система, и этот процесс с неизбежностью также приобретает «метаболический» характер.

Динамика городской культуры в условиях гибридизации городов в СБТ-системы связана, с одной стороны, с изменениями традиционных способов самоорганизации культуры на основе массового внедрения информационных и цифровых технологий, виртуализации, использования в творческом процессе рекреационных технологий и методик, «экологизации» культурного пространства в результате распространения идеи социально-экологического метаболизма [см., напр. 2]. С другой стороны, происходит насыщение культурным содержанием природо-преобразующих практик, что выражается, в частности, в эстетизации городской архитектурной среды и использовании технологии тактического урбанизма, повышении роли дизайнера и внедрении оригинальных дизайнерских решений во всех сферах городской жизни, развитии культуры здоровьесбережения как наиболее приемлемой модели поведения в рискованной социальной среде.

Таким образом, изменения в сфере городской культуры, с одной стороны, являются результатом целенаправленной или стихийной деятельности людей (культурных практик); с другой стороны, они задают новые условия для этих практик, стимулируя культурное творчество. Естественно, что последствия трансформации сферы культуры по-разному проявляются в жизнедеятельности и массовом сознании конкретных социальных групп.

С целью выявления и оценки перспектив культурных изменений городской среды как следствия ее метаболизации, а также, особенностей социокультурной рефлексии превращения города в сложную СБТ-систему, характерной для наиболее активных в культурном пространстве групп населения, в январе-феврале 2020 года авторами данной статьи было проведено социологическое исследование в трех городских округах Белгородской области: г. Белгород, г. Губкин, г. Новый Оскол. Исследование включало массовый опрос городских жителей (n = 500) (квотные признаки – пол, возраст), экспертный опрос (30 экспертов, критерии отбора – стаж научно-исследовательской работы в сфере социологии культуры; наличие научных публикаций по проблемам социологии культуры и социологии города), 3 фокус-группы (молодежь, работники учреждений культуры, работники масс-медиа).

Ключевые тенденции в социодинамике городской культуры мы рассматриваем как следствие трансформации городов в социобиотехнические системы. Как показало исследование, эксперты, в целом, поддерживают точку зрения авторов о превращении современного города в сложную СБТ-систему под влиянием процессов глобализации и информатизации: треть опрошенных экспертов полностью согласилась с данным утверждением (33,3 %), еще 56,7 % согласны частично, оговариваясь, что все зависит от специфики города. Отдельными экспертами также было высказано частное мнение о том, что для малых городских агломераций этот процесс еще впереди, препятствием выступает низкая информатизация таких поселений.

К основным проявлениям превращения городов в СБТ-системы респондентами были отнесены следующие: усложнение и интенсификация внутренних коммуникаций (50,0 %), возрастание значений сетевых форм самоорганизации жизни (50,0 %),

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социокультурные

следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» (№ 19-011-00345).

усиление взаимного влияния социальных, биологических, технических и технологических факторов (43,3 %) (рис. 1).

Как показали результаты проведенных фокус-групп, их участники вне зависимости от возраста и профессиональной принадлежности в большей или меньшей степени воспринимают город как единый организм: *Никита (работник СМИ, 29 лет): «Город можно рассматривать как единый организм, который работает, но со сбоями –*

немножко больной, но организм»; Илья (студент, 19 лет): «Город – это единое целое, по крайней мере он к этому стремится. Город превращается в такую большую сеть, где все могут друг с другом взаимодействовать без всяких препятствий»; Виктория (работник сферы культуры, 35 лет): «Город – сложная структура взаимосвязанных элементов, комплекс хозяйства и экономики, науки и техники, искусства и культуры».

Рисунок 1 – Распределение ответов экспертов на вопрос: «Если Вы согласны с утверждением, что современные города превращаются в сложные СБТ-системы, то в чем это выражается? (не более 2 вариантов ответа)»

Среди факторов, объединяющих городское пространство, респондентами наиболее часто отмечались коммунальные сети, культурно-досуговые учреждения, библиотеки, арт-объекты, ландшафтный дизайн, спортивные мероприятия, общегородские праздники. В то же время, особенности менталитета, пассивность жителей, отсутствие важных элементов социальной инфраструктуры, архитектурный облик города, общественный транспорт и транспортная инфраструктура были выделены как параметры, фрагментирующие городское пространство. Тем не менее, участники фокус-групп сходятся во мнении, что, всё же, в настоящее время в городе преобладают объединяющие факторы: *«просто, почва у этого объединения может быть разная: либо негативная и все объединяются для того, чтобы*

протестовать; либо позитивная» (Анастасия, работник СМИ, 26 лет).

Абсолютное большинство экспертов (80,0 %) согласилось с мнением о том, что в настоящее время происходят качественные изменения городской культуры. К основным проявлениям таких изменений были отнесены (рис. 2): реализация культурных процессов через массовое использование информационных технологий и гаджетов (40,0 %); потребительско-развлекательный характер культурной деятельности (36,7 %); виртуальный характер культурных практик (26,7 %). Практически каждый четвертый эксперт указал на формирование гибридных областей культуры и рост субкультурного многообразия, а каждый пятый – на коммерциализацию культуры.

Рисунок 2 – Распределение ответов экспертов на вопрос: «Если в настоящее время происходят качественные изменения городской культуры, то в чем это проявляется?» (выберите не более 2 вариантов ответа)

К числу основных факторов, определяющих развитие городской культуры, эксперты отнесли

городские традиции (средний балл фактора 7,4), коммерциализацию (6,4), характер культурных

запросов населения (6,4), государственную политику в сфере культуры (6,3) и развитие современных информационных технологий (6,3). Экспертами также было отмечено влияние массового внедрения технических средств в культурный процесс (средний балл 5,87), виртуализации

социальной реальности (5,77) и муниципальной политики в сфере культуры (5,77). В наименьшей степени, по мнению экспертов, на развитие современной городской культуры влияют экологизация (4,6), позиция элиты (5,2) и активность городской интеллигенции (5,60) (рис. 3).

Рисунок 3 – Распределение ответов экспертов на вопрос: «Оцените значение факторов, определяющих развитие городской культуры (от 1 до 10 баллов)»

Участниками фокус-групп к основным содержательным изменениям в городской культуре за последние 5–7 лет были отнесены повышение «клиентоориентированности» производителей культурных услуг, рост культурного разнообразия, появление новых культурных течений, трендов, строительство и реконструкция учреждений культуры, внедрение современных технологий. Типичны были следующие оценки: «Появилось много независимых производителей культурных смыслов: театров, культурных площадок, различных заведений» (Никита, интернет-блогер, 30 лет); «Производители культурных продуктов стали больше прислушиваться к запросам, предлагать продукт, который знаком аудитории и в котором она нуждается» (Анастасия, работник СМИ, 26 лет); «Культурная среда Белгорода стала больше отвечать запросам населения для активного – творческого и интеллектуального – отдыха» (Наталья, работник сферы культуры, 42 года).

Оценивая характер влияния на сферу культуры фактора широкого применения информационных технологий и гаджетов, участники исследования не пришли к единому мнению. Так, 36,6 % массового опроса (городские жители Белгородской области) отмечают, что их применение сделало культуру более востребованной, противоположной точки зрения придерживаются 43,4 %. Мнение горожан о последствиях влияния на сферу культуры информационных технологий оказалось двояким: доли респондентов, негативно и позитивно оценивающих влияние ИКТ на культурный процесс в городе оказались практически равными (44,0 и 48,2 % соответственно).

Подавляющее большинство (66,8 %) респондентов, допускающих позитивное влияние технологий на культурный процесс, связывают это преимущественно с повышением доступности культурных ценностей, почти каждый третий – с ростом возможности непосредственно обсудить и оценить результаты культурной деятельности, а также появлением новых видов искусства на

основе ИТ. Более половины (58,2 %) опрошенных горожан, допустивших отрицательные последствия технологизации культуры, в качестве такового указали на резкий рост объемов некачественной и недостоверной информации – «культурного мусора», и еще около трети отметили деградацию традиционных форм создания и потребления культурных ценностей (33,6 %) и превращение культуры в товар (30,5 %). Заметно реже респонденты отмечали в качестве негативного последствия распространение «пиратства» (23,6 %).

Участниками фокус-групп к позитивным изменениям культурного процесса в городе в результате внедрения информационных и цифровых технологий были отнесены повышение доступности культурных услуг, информации о культурных событиях (и в частности, в условиях пандемии коронавируса), активизация культурного процесса: «применение гаджетов и цифровых технологий делают этот процесс более массовым, более доступным, но и более индивидуальным» (Никита, работник СМИ, 29 лет); «Во время пандемии новые технологии дали возможность проводить онлайн-концерты, виртуальные экскурсии» (Светлана, работник сферы культуры, 40 лет). К негативным следствиям участники исследования, в основном, отнесли уменьшение реального общения: «Мы переходим в виртуальный мир, меньше становится живого общения. Мнение свое высказывается в комментариях в социальных сетях. В реальной жизни люди становятся более закрытыми» (Диана, студент, 19 лет). В то же время, респонденты отмечали, что новые технологии скорее дополняют, чем заменяют традиционные культурные продукты: «Даже если мы максимально все цифровизируем, люди не перестанут выходить на реальные мероприятия, так как есть еще потребность именно в живом общении» (Анастасия, работник СМИ, 26 лет); «Никакая, даже самая качественная трансляция не способна дать этих эмоций, особенно, если речь идет о спектакле или концерте, где каждый чувствует дыхание своего

соседа по зрительному залу, воспринимает энергию, которую транслируют исполнители (Наталья, работник сферы культуры, 42 года).

Таким образом, респонденты отмечают, что культура в информационном обществе становится более доступной, подчеркивая возможность онлайн-технологий удовлетворить культурные потребности, особенно в период карантина. Но доступность культуры не делает ее автоматически более востребованной. В данном случае, полученные нами данные коррелируют с преобладающей в настоящее время среди исследователей позицией в отношении амбивалентного влияния информационных технологий на социокультурные процессы [см., например: 1; 3; 4]. Так, по оценке Ф.Н. Гурова, «недостаточно лишь предоставить доступ к информации, например, с помощью оцифровки «открыть» онлайн все музеи. Чтобы раскрылся весь познавательный и эвристический потенциал этого инструмента информатизации, у зрителя должна быть развита способность осмысленно воспринимать произведения искусства» [3, с. 84].

В целом, экспертное сообщество достаточно оптимистично смотрит на перспективы развития культуры современного города: треть опрошенных высказались за активное дальнейшее развитие культурных процессов; 36,7 % склонились к мнению о сохранении в прежнем состоянии; ситуационный характер протекания культурных процессов поддержали 23,3 % респондентов, и только 3,3 % отметили тенденцию к деградации культуры.

Участники фокус-групп продемонстрировали еще более, чем эксперты, оптимистичную позицию. Развитие городской культуры им видится в позитивном ключе и в качественном, и в количественном отношении. Количественное – в появлении новых культурно-досуговых центров, новых видов услуг, в том числе онлайн. Качественное развитие, по мнению участников фокус-групп, предполагает дальнейшее внедрение информационных технологий («развитие в сторону информатизации, цифровизации» – Александр, студент, 20 лет); дифференциацию культурных продуктов, повышение их доступности, привлекательности («повышение уровня доступности и привлекательности культурных благ, развитие виртуальных и дистанционных форм, ресурсной базы» – Наталья, работник сферы культуры, 25 лет); внедрение инноваций («внедрение инновационных форматов музейно-выставочной, театральной и кинодеятельности и др.» – Ксения, работник сферы культуры, 27 лет).

В то же время, высказывались мнения участников исследования о позитивных изменениях в уровне

культуры горожан и будущих поколений. В частности, отмечались: переход от роста количества проводимых культурных мероприятий к росту качества культуры («возможно, чем больше будет проводиться культурных мероприятий, тем изменения будут заметнее в культуре горожан» – Татьяна, работник сферы культуры, 38 лет); появление более качественных культурных продуктов в ответ на изменения культурных запросов («У детей стартовая площадка уже лучше, чем была у нас. Они будут еще более требовательными к качеству культурного продукта» – Ольга, работник СМИ, 39 лет); а также, рост гуманности молодых горожан («Они уже сразу более толерантные, в хорошем смысле – это «базовая» настройка. Они уже чуть гуманстичнее изначально» – Ольга, работник СМИ, 39 лет).

Негативные изменения в сфере культуры в ближайшем будущем участники фокус-групп связывали, в основном, с последствиями виртуализации: «потерей истоков традиционной русской культуры и вливания зарубежного контента» – Наталья, работник сферы культуры, 25 лет); потерей молодежной аудитории учреждениями культуры и дефицитом молодых кадров («в учреждениях культуры в штатах организаций практически отсутствует молодежь» – Олеся, работник сферы культуры, 30 лет).

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о динамизме городского социокультурного развития. Городской метаболизм в силу концентрации субъектов социального взаимодействия, интенсивности взаимодействия между ними, характеризуется достаточно высокой скоростью вещественных, энергетических и духовных обменов, что, с одной стороны, определяется массовым применением в рамках городского пространства техники и технологий; с другой стороны, интенсивностью социальных контактов, позволяющей продуцировать, обсуждать и внедрять инновационные, по сути, артефакты, в том числе, и в сфере культуры. Полученные данные позволяют говорить о формировании потребительско-индустриальной модели культурного развития на основе системного использования технических возможностей. В то же время, влияние цифровых технологий, виртуальных социальных сетей на культурный процесс весьма неоднозначно. Они, с одной стороны, расширяют возможности приобщения человека к культурным ценностям, позволяют вовлекать все большее количество людей в социально-культурные мероприятия, но, в то же время, «затягивают» жителей, в большей степени молодежь, в виртуальное пространство и виртуальную жизнь, заменяют собой человеческое общение, реальное посещение культурных объектов.

Литература:

1. Гуров Ф.Н. Информатизация общества: амбивалентный характер социальных изменений // Ценности и смыслы. 2018. № 6(58). С. 83–96.

Literature:

1. Gurov F.N. Informatization of the society: the ambivalent nature of social change // Values and meanings. 2018. № 6(58). P. 83–96.

2. *Ермолаева П.О.* Социально-экологическая «устойчивость через изменения» российских городов: поиск теоретико-методологических перспектив / П.О. Ермолаева, О.А. Башева, О.Н. Яницкий, Ю.В. Ермолаева, И.Б. Кузнецова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 80–94.

3. *Запорожец О.Н.* Люди в сетевых пространствах города: о предварительных результатах проекта «Медиа и технологии в современном городе» / О.Н. Запорожец, Е.Г. Лапина-Кратасюк // Шаги-Steps. 2015. Т. 1. № 1. С. 232–241.

4. *Федорищенко П.А.* Социальные смыслы виртуальной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 237–242.

5. *Яницкий О.Н.* Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.

2. *Ermolaeva P.O.* Socio-ecological «sustainability through changes» of Russian cities: search for theoretical and methodological perspectives / P.O. Ermolaeva, O.A. Basheva, O.N. Yanitsky, Yu.V. Ermolaeva, I.B. Kuznetsova // Monitoring public opinion: Economic and social changes. 2019. № 2. P. 80–94.

3. *Zaporozhec O.N.* In online spaces people of the city: preliminary results of the project «Media and technology in the modern city» / O.N. Zaporozhec, E.G. Lapina-Kratasyuk // Steps. 2015. T. 1. № 1. P. 232–241.

4. *Fedorishchenko P.A.* Social meanings of virtual reality // Socially-humanitarian knowledge. 2014. № 12. P. 237–242.

5. *Yanickij O.N.* The metabolic concept of the modern city // Sociological science and social practice. 2013. № 3. P. 16–32.

Борисова Ульяна Семеновна
магистрант,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова
ulsem2012@mail.ru

Санников Юрий Андрианович
учитель истории и обществознания,
Егеньская основная
общеобразовательная школа,
Томпонский район,
Республика Саха (Якутия)
yura.sannikov.95@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. С помощью системы некоммерческих общественных объединений люди могут совместно решать общие проблемы, удовлетворять и защищать свои потребности и интересы во всех областях общественной жизни. Создание и развитие общественных организаций все чаще выдвигается в качестве эффективного способа решения проблем современного общества. В статье представлено исследование общественных этнокультурных организаций с точки зрения институционального подхода в социологии. Проанализированы результаты анкетного опроса, проведенного в период с 02 апреля по 28 мая 2019 года в Якутске среди участников общественной этнокультурной мужской организации «УсТумсуу» (№ = 100).

Ключевые слова: общественная этнокультурная организация, «УсТумсуу», Саха, социальный институт, этническая социализация и ресоциализация.

С помощью системы некоммерческих общественных объединений люди могут совместно решать общие проблемы, удовлетворять и защищать свои потребности и интересы во всех областях общественной жизни. Создание и развитие общественных организаций все чаще выдвигается в качестве эффективного способа решения проблем современного общества. Например, национальные якутские организации «Саха омук» и «Саха кэскилэ», Ассоциация коренных малочисленных народов Севера сыграли значительную роль в политическом развитии Якутии в 1990-е годы [6].

В отечественной науке общественные организации рассматриваются как образования, имеющие культурную природу, как важные социальные акторы и определяющий компонент гражданского общества [3].

Uliana S. Borisova
Undergraduate,
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosova
ulsem2012@mail.ru

Yuri A. Sannikov
Teacher of History and Social Studies,
Yegenskaya Basic
General Educational School,
Tomponsky district,
Republic of Sakha (Yakutia)
yura.sannikov.95@mail.ru

PUBLIC ETHNO-CULTURAL ORGANIZATIONS: AN INSTITUTIONAL APPROACH

Annotation. Through a system of non-profit public associations, people can jointly solve common problems, meet and protect their needs and interests in all areas of public life. The article presents a study of public ethno-cultural organizations from the point of view of the institutional approach in sociology. The results of a questionnaire survey conducted in the period from April 2 to may 28, 2019 in Yakutsk among participants of the public ethno-cultural men's organization «Us Tumsuu» (№ = 100) are analyzed.

Keywords: public ethno-cultural organization, «Us Tumsuu», Sakha, social Institute, ethnic socialization and resocialization.

Исследователи отмечают, что само «общество живет в человеке» как часть его внутреннего бытия. При этом человек ориентируется не на общество, в целом, а на собственную референтную группу [2]. Общественные организации, будучи устойчивыми групповыми системами, согласно теории социальных систем Т. Парсонса, имеют определенный статус членства и характеризуются внутренней дифференциацией своих участников по выполняемым ими функциям, а также четко обусловлены и другими независимыми переменными – ценностями, нормами и ролями [9].

Деятельность любой общественной организации, по Р. Мертону, представляет собой сочетание следствий намеренных действий и действий неосознаваемых, она выполняет как явную, так и латентную функции [1]. По теории Н. Лумана, все

добровольные объединения можно рассматривать как самореферентные, или аутопойетические, системы, самоорганизующиеся, которые организуют собственные границы и свои внутренние структуры, имеют самонаправленный характер [8].

Общественная организация, согласно теории структуризации Э. Гидденса, представляет собой сочетание действия и структуры, категорий, которые не могут существовать, а, следовательно, и изучаться отдельно друг от друга [5].

По мнению П. Бурдьё, при изучении общественных организаций нужно определить место той или иной добровольной ассоциации в социальном пространстве, проанализировать габитус участников объединения, то есть, совокупность их установок, с помощью которых они находят и осмысливают взаимосвязи социальной реальности [4].

Изучение сути деятельности общественной организации «УсТумсуу» и ее влияния на духовную жизнь якутского общества, группы, личности, на социокультурное пространство региона представляется весьма актуальным. Речь идет, в конечном счете, о социальноантропологическом аспекте социокультурного подхода.

Автономная некоммерческая организация «Центр гражданско-патриотического воспитания молодежи Республики Саха (Якутия) «Три» (в переводе «Ус») является молодой организацией, официально зарегистрирована 16 февраля 2018 года, насчитывает более 20000 участников.

Общественная организация «УсТумсуу» объединяет в себе только мужское население региона, которое своим примером и профилактическими работами воспитывает патриотов и молодежь, решает различные социальные проблемы, а также удовлетворяют потребности, которые не в силах решить, или удовлетворить государство и другие традиционные организационные структуры. Важнейшей составляющей «УсТумсуу» являются сплочение народа вокруг традиционных верований, культуры и обрядов народа саха. Общественная организация «УсТумсуу» образует «третий» сектор общественной жизни (наряду с правоохранительными органами и местной организацией АарАйыы Итэ5Элэ (Религия Аар Айыы), которая имеет статус религиозной НКО, зарегистрирована в 2011 году, филиалы АарАйыы и Тэгэлэ зарегистрированы в Якутске, Нюрбе и Сунтаре.

Организация «УсТумсуу» тесно сотрудничает с правоохранительными органами и местными властями для достижения своих целей и задач. Вместе с правоохранительными органами участники «УсТумсуу» проводят рейды на регулярной основе, занимаются благотворительностью, помогая престарелым, инвалидам, сиротам и людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, посещают детские дома, исправительные учреждения, наркодиспансеры и т.д.

«УсТумсуу» как социальный институт регулирует взаимоотношения между членами организации и проводит социальный контроль, основанный на сотрудничестве и взаимном уважении, транслирует нормы, ценности и образцы поведения, способствует ослаблению социальной напряженности в обществе, возможности самореализации и самоактуализации индивидов в рамках общественного объединения.

Общественная организация «УсТумсуу» имеет ценности, установки и образцы поведения; символические культурные признаки, в числе которых могут быть названы эмблема организации, акт о ее формальной регистрации; помещение, где происходят собрания членов добровольного объединения; общая идеология и такие принципы, как свобода союзов, свобода слова, независимость от власти и бизнеса, равенство всех перед законом.

Религиозная обрядность – наиболее устойчивый элемент религии. Обрядовые стереотипы сохраняются сильнее, чем система религиозных идей. Начиная с 1960-х годов Айыы шаман Владимир Кондаков изучал исконную якутскую веру – «Религия АарАйыы». Согласно традиционной религии Айыы якуты считают себя детьми Бога (Танара) и Родственниками Айыы. Человеку необходимо жить в гармонии с природой и с другими людьми.

Каждое воскресенье в полдень в Центре духовной культуры Дом Арчы (дом духовенства и национальной культуры саха) собирается внушительное количество мужчин, чтобы принять участие в совместном традиционном обряде благословения – обряде алгыс, обращение к божеству Юрюн Аар Тойону. Алгысчит в национальной одежде просит у духов и богов благополучия и удачи. Подобные обрядовые мероприятия, мужской алгыс проводятся в Мегино-Кангаласском, Таттинском, Чурапчинском и Хангаласском улусах.

В период со 02 апреля по 28 мая 2019 года в Якутске был проведен анкетный опрос среди 100 участников общественной организации «УсТумсуу».

Социально-демографические характеристики участников общественной организации «УсТумсуу»: все мужчины (100 %). По национальности: 95 % саха, представители малочисленных народов Севера и другие – 5 %

Распределение по возрасту: от 18 до 30 лет (57 %), от 31–45 лет (26 %), от 46 лет и старше (17 %). То, что в организации много молодежи подтверждается и другими исследованиями: 43,7 % из 300 молодых респондентов – членов этноориентированных объединений также состояли в общественной организации «УсТумсуу». При этом испытывают чувства интереса – 77 %, гордости – 53 %, вдохновения – 42 % и удовлетворения – 38 % [7].

Распределение по месту рождения: 24 % родились в столице региона – городе Якутске, 74 % – выходцы из сельской местности, районов и городов

республиканского значения. Отметим, что в республике высокая внутрирегиональная миграция. В социологии новых горожан называют «сельские горожане» или «городские деревенщины».

По социальному положению: 58 % – работают, 23 % – учатся, 10 % – безработные, 7 % – пенсионеры, 2 % – не указали. Распределение по семейному положению: 42 % – не состоят в браке, 34 % – женаты, 12 % в гражданском браке, 8 % – разведены, 4 % – вдовец. Детей имеют 56 % опрошенных мужчин. Распределение по уровню образования: 63 % имеют высшее образование, 23 % – среднее специальное, 14 % – среднее.

Из 100 респондентов считают себя участником общественной организации «УсТумсуу» 50 % респондентов, 32 % не считают себя участником, остальные 18 % затруднились ответить. При этом другие молодые респонденты – члены этноориентированных объединений испытывают чувства интереса – 77 %, гордости – 53 %, вдохновения – 42 % и удовлетворения – 38 % [7].

74 % опрошенных мужчин узнали об общественной организации «УсТумсуу» из социальных сетей и СМИ, 26 % – от знакомых. Повлияли на выбор и вступление в общественную организацию «УсТумсуу» информация в СМИ и социальных сетях для 35 % участников, для 30 % – мероприятия, проводимые общественной организацией, на 15 % – семья и родственники, 11 % – друзья, 9 % ответили – утрата жизненных ориентиров, интереса к жизни.

После обряда благословления Алгыс мужчины чувствуют благословление на дальнейшее развитие (42 %), благодарение и обращение к богествам Айыы и духам (32 %), очищение от плохого (23 %), покой и отключение от суеты (17 %), ответ на свой внутренний вопрос (11 %) ¹.

Сутью общественной организации «УсТумсуу»? 47 % опрошенных видят, что это – сохранение исконных традиций, культуры и обычаи народа саха, 29 % отметили, что «УсТумсуу» представляет и защищает интересы народа саха, 28 % общественная организация сплачивает народ вокруг традиционных верований. 27 % – это социализация населения, воспитание патриотической молодежи, 22 %² – объединяет мужское население, помогают им обрести сторонников и единомышленников.

Ответы на вопрос «Какие стороны деятельности общественной организации «УсТумсуу» Вам больше всего нравятся?» распределились следующим образом:

– сохранение исконных традиций, культуры и обычаи народа саха (29 %);

– сплочение народа вокруг традиционных верований (27 %);

– воспитание правильного, доброго и трудолюбивого человека (20 %);

– мужской обряд благословения «Алгыс» (13 %);

– профилактические и общественные работы (6 %);

– исключительно мужская организация (5 %).

Большинство респондентов (65 %) согласны с мнением, что верующих становится больше, 24 % затрудняются ответить, а остальные 11 % не согласны с этим мнением.

Считают себя верующим человеком 62 % респондентов мужчин, колеблются между верой и неверием – 19 %, считают себя не верующими – 8 %, затруднились с ответом – 7 %, считают себя атеистами 4 %.

Среди считающих себя верующими 66 % выбирают традиционное верование народа саха (Аар Айыы), другие 28 % считают себя верующими, но не могут отнести себя к какому – либо вероисповеданию, а остальные указали другие религии, в том числе, православие – 6 %.

Поддерживают религиозное разнообразие, положительно относятся к другим религиям 35 % опрошенных мужчин, относятся положительно, но не ко всем 32 %, нейтральное отношение – 32 %, относятся отрицательно (1 %).

54 % опрошенных респондентов точно уверены, что деятельность общественной организации «УсТумсуу» приносит пользу для улучшения жизни населения, 38 % скорее согласны с этим мнением, затруднились ответить 8 %.

Мы считаем, что деятельность общественной организации «УсТумсуу» можно рассматривать как субъект социокультурного действия, социокультурную общность и как социальный институт выполняет следующие основные функции:

1) функцию социального контроля;

2) функции этнической и гендерной социализации и ресоциализации, транслирует социально и культурно значимые нормы и ценности (работа с детьми и подростками, изменение мировосприятия взрослых, особенно мужчин саха) и функции поддержания нравственно-психологической атмосферы;

3) выступает как подсистема гражданского общества, основными признаками которой являются автономная деятельность, социальный диалог и партнерство, взаимодействие.

Таким образом, отметим, что общественная организация «УсТумсуу» в настоящее время находится в переходном состоянии как организация, удовлетворяющая духовные потребности населения, постепенно занимает свою «нишу» в структуре общественного самоуправления.

¹ Больше 100 %, так как выбирали несколько вариантов ответа.

² Больше 100 %, так как выбирали несколько вариантов ответа.

Литература:

1. Американская социологическая мысль / Сост. Е.И. Кравченко; Под ред. В.И. Добренкова. М. : Изд-во МГУ, 1994. 495 с.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М. : Медиум, 1995. 323 с.
3. Бортникова Т.Г. Общественные объединения этнических групп как социальный институт : монография. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 224 с.; Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88–94; Скобелина Н.А. Общественные движения как объект социологического анализа // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2010. № 1(11). С. 51–57.
4. Пьер Бурдьё. Социология политики / Пьер Бурдьё; Сост., Общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко; Пер. с фр. Е.Д. Вознесенская и [др.]. М. : Socio-Logos, 1993. 333 с.
5. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2003. 528 с.
6. Григорьев С.А. Национально-культурные объединения Якутии в общественно-политической истории региона конца XX – начала XXI веков // Научный диалог. 2017. № 12. С. 297–308.
7. Колодезникова О.В. Молодежь Саха в этноориентированных общественных объединениях как тенденция в молодежной субкультуре (на примере г. Якутск) // Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей II Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Пенза, 2020. С. 204–207.
8. Луман Н. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004. 232 с.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000. 880 с.

Literature:

1. American sociological thought / Comp. E.I. Kravchenko; Ed. by V.I. Dobrenkov. M. : MSU publishing House, 1994. 495 p.
2. Berger P. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. M. : Medium, 1995. 323 p.
3. Bortnikova T.G. Public associations of ethnic groups as a social institution : monograph. Tambov : Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2003. 224 p.; Zdravomyslova E.A. Sociological approaches to the analysis of social movements. 1990. № 7. P. 88–94; Skobelina N.A. Social movements as an object of sociological analysis // Bulletin of Volgograd state university. Series 7, Philosophy. 2010. № 1(11). P. 51–57.
4. Pierre Bourdieu. Sociology of politics / Pierre Bourdieu; Writer, General Revision and Preface by N.A. Shmatko; transl. from French E.D. Voznesenskaya and [oth.]. M. : Socio-Logos, 1993. 333 p.
5. Giddens E. Organization of society: an essay on the theory of structuration. M. : Academic Project, 2003. 528 p.
6. Grigoriev S.A. National and cultural associations of Yakutia in the socio-political history of the region of the late XX – early XXI centuries // Scientific dialogue. 2017. № 12. P. 297–308.
7. Kolodeznikova O.V. Youth of Sakha in tooriistavabrik voluntary associations as the trend in youth subculture (on the example of Yakutsk) // Science and education: current issues, achievements and innovations. Collection of articles of II International scientific-practical conference : in 2 hours. Penza, 2020. P. 204–207.
8. Luman N. Society as a social system. M. : Logos, 2004. 232 p.
9. Parsons T. On the structure of social action. M. : Academic Project, 2000. 880 p.

Гришай Елена Васильевна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
ev-grishai@mail.ru

Elena V. Grishay

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
ev-grishai@mail.ru

Манацков Игорь Валентинович

кандидат философских наук,
доцент,
преподаватель кафедры
социально-экономических
и гуманитарных дисциплин,
Краснодарское высшее
военное авиационное училище
летчиков имени А.К. Серова
ev-grishai@mail.ru

Igor V. Manatskov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Lecturer of the Department
Social and Economic and Humanities,
Krasnodar Higher
Military Aviation School Pilots
named after A.K. Serov
ev-grishai@mail.ru

**ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА
ПО СРЕДСТВАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ДЕСТРУКТИВНЫМ СЕКТАМ**

**PREVENTION OF EXTREMISM
BY MEANS OF COUNTERACTING
DESTRUCTIVE SECTS**

■ ■ ■
Аннотация. В данной статье авторами рассматриваются проблемы эффективной национальной антитеррористической системы противодействия идеологии терроризма и экстремизма в Российской Федерации, взаимодействия силовых структур с традиционными религиозными конфессиями, к примеру, как на Северном Кавказе, где террористическая угроза сохраняется на достаточно высоком уровне, взаимодействие представителей антитеррористической службы с традиционным исламом и православием является многолетним и устойчивым.

■ ■ ■
Annotation. This article examines the problems of an effective national anti-terrorist system of countering the ideology of terrorism and extremism. The interaction of power structures with traditional religious confessions, for example, as in the North Caucasus, where the terrorist threat remains at a fairly high level, the interaction of representatives of the anti-terrorist service with traditional Islam and Orthodoxy is long-term and stable.

■ ■ ■
Ключевые слова: деструктивные секты, экстремизм, терроризм, террористическая идеология, религиозные конфессии, православие, традиционный ислам.

■ ■ ■
Keywords: destructive sects, extremism, terrorism, terrorist ideology, religious confessions, Orthodoxy, traditional Islam.

■ ■ ■
В настоящее время очевидно, что для развития эффективной национальной антитеррористической системы противодействия идеологии терроризма необходима консолидация усилий властных и силовых структур, с одной стороны, и гражданского общества – с другой [1]. То есть, необходимо создать такие условия, при которых каждый гражданин и каждая структура – политическая, общественная – должны найти свое место в процессе противодействия террористической идеологии [2].

■ ■ ■
достаточно высоком уровне, взаимодействие представителей антитеррористической службы с традиционным исламом и православием является многолетним и устойчивым. Эти отношения постоянно развиваются, что проявляется в организации и проведении масштабных антитеррористических форумов, в которых принимают участие крупные российские эксперты, религиозные деятели двух конфессий – традиционного ислама и православного христианства, представители силовых структур и общественных организаций. Проводится большая работа в школах, вузах, организуются выездные пропагандистские акции в областные населенные пункты с участием мусульманских священников и даже самого муфтия для проведения просветительских бесед с

местным населением. Сейчас как никогда необходима консолидация традиционных для России религий, необходимо прикладывать больше усилий для укрепления межконфессиональных связей. Такое сотрудничество, особенно с российскими мусульманами, способствует противостоянию экстремизму и терроризму [3].

На наш взгляд, противодействие экстремизму и терроризму должно осуществляться по средствам СМИ, телевизионных передач, социальных реклам и художественных фильмов. Совсем недавно вышел художественный фильм о террористах-смертниках «Рядом с нами», название которого подчеркивает, что все эти ужасы – взрывы, кровь, боль, смерть – происходят ни где-то там, далеко, это происходит здесь и сейчас – рядом с нами. Об этом нужно всегда помнить, потому что «страусиная позиция» в данном случае может погубить и вас, и ваших близких.

Если говорить о деятельности, запрещенной в нашей стране террористической организации ИГИЛ или ДАИШ, то по всем своим параметрам эта организация (никакое это, конечно, не государство, как позиционируют свою военизированную группу террористы) попадает под формат псевдоисламской и, вообще, псевдорелигиозной тоталитарной деструктивной секты. То есть, как и во всех других тоталитарных сектах, здесь имеет место вербовка с применением вполне определенных психотехник, манипуляция сознанием с помощью тех же психологических приемов и гипноза, психологическое давление, запугивание, жестокие расправы, которые используются на фоне идеологической подготовки, изобилующей вырванными из контекста цитатами писания из Корана.

Об абсолютной псевдорелигиозности ДАИШ заявляют все авторитетные мусульмане в мире, в том числе, в России.

Проблема заключается в том, что потенциальная террористическая угроза исходит и от других псевдорелигиозных сект, не только от ДАИШ. Так, по данным главного научного сотрудника ВНИИ МВД России профессора Игоря Юрьевича Сундиева, ежегодно в России фиксируется порядка 1,5 тыс. новых религиозных организаций, при этом из них признаются экстремистскими и запрещаются около 300–400 в год [4]. Но это совсем не значит, что другие секты не представляют никакой угрозы, просто их деятельностью некогда заняться.

Русская православная церковь давно предупреждает о реальной угрозе псевдорелигиозного экстремизма. Этой серьезнейшей проблеме в 2000-х годах были посвящены две крупные (не считая множество региональных форумов) Международные научно-практические конференции: Екатеринбургская («Тоталитарные секты – угроза религиозного экстремизма», 2002 г.) и Саратовская (Неопятидесятнические секты в России: угроза религиозного экстремизма», 2005 г.).

Идея насаждения на российской территории тоталитарного сектантства, имеющего преи-

мущественно зарубежное происхождение (мормоны, сайентологи, иеговисты, неопятидесятники), не нова. С помощью деструктивных сект и культов легко разобщить народ и очень удобно им управлять.

Выше отмечалось, что понятие «исламский след» в нынешней войне, объявленной террористами ДАИШ миру, является не совсем верным, а вот другое понятие «украинский фактор», используемое для обозначения подрывной деятельности сектантов в России, – вполне.

Речь идет о миссионерах с украинской пропиской, которые никому не дают покоя, особенно последние три года. С недавнего времени на территории Украины организуются многочисленные конференции, саммиты на которых готовят специалистов для «миссионерской» работы на территории Российской Федерации. Совсем недавно в Харькове и Киеве проходили «глобальные лидерские саммиты» неохаризматиков, или неопятидесятников. На такие мероприятия приезжают лидеры неопятидесятнического движения со всего мира, а также, бывшие и действующие политические деятели, бизнесмены из США, которые выступают проводниками внешней американской политики в области религий. На данном саммите, в рамках которого осуществлялась подготовка очередной партии миссионеров для России, была, например, супруга Билла Гейтса, основателя корпорации «Майкрософт», был президент автомобильной корпорации «Форд», возглавлявший ее с 2006 по 2014 г. – Алан Малалли. В другие годы в этих форумах принимали участие бывшие советники президента США Барака Обамы, Джон Маккейн, помощники бывшего руководителя концерна «General Electric», банка «Bank of America», студии «Уолт Дисней». Основная тематика выступлений политиков и полит-технологов перед миссионерами – использование миссионеров в информационной войне, уверения в том, что их миссионерская проповедь на территории России будет способствовать единению с братьями во Христе, которые поддерживают «евромайданные ценности», «богословие майдана» [5]. Цель этих мероприятий – максимальное вовлечение россиян в украинские религиозные движения, переформатирование сознания россиян и т.д.

Помимо конференций, действуют еще и центры подготовки миссионеров. Например, в городе Славинске Донецкой области работают школы миссионеров. В них люди не только получают богословские знания, но и овладевают навыками маскировки, пересечения минных полей, а также, другими немиссионерскими знаниями с помощью специальных кураторов-инструкторов. Школы работают на базе местной неопятидесятнической организации «Добрая весть» (пастор Петр Дудник), ассоциации «Эмануил», которая сейчас занимается вербовкой переселенцев на Украину из Крыма и Донбасса. В последствие, курсанты (именно так их и называют) школы направляются на территорию Крымской республики, Российской Федерации, а также Ростовской и Белгородской областей. Задачей, которая стоит перед выпускниками, является открытие новых идеологических центров.

Российские эксперты, представители наших силовых органов, отмечают, что заезжие проповедники выступают на грани призывов к свержению государственной власти, ищут среди своих последователей сторонников, которые готовы выезжать в зону АТО. В Кирове, Челябинске, Москве появляются журналистские расследования и телевизионные сюжеты о том, как пастор-неопятидесятник вербует адептов секты в незаконные вооруженные формирования «Правый сектор» и т.д.

Все тоталитарные секты, особенно неопятидесятнические, прилагают максимум усилий, чтобы проникнуть в органы власти, с целью иметь возможность не только подружиться с сильными мира сего, но еще и попытаться самим занять ключевые позиции в окол властных структурах.

Знаменитый религиовед профессор Александр Леонидович Дворкин отмечал: «Известно, что одной из главных движущих сил украинской смуты была киевская секта неопятидесятников «Посольство Божье» (известны десятки названий неопятидесятнических организаций, но суть одна). Именно она вывела на Майдан около

15 тысяч адептов, выступающих вместе с оппозицией за приход к власти Виктора Ющенко». Александр Леонидович Дворкин и другие религиоведы утверждают, что российские неопятидесятники вполне могут организовать «оранжевую революцию».

Президент Российской Федерации заявляет, что для эффективного противодействия террористической угрозе необходимы решительные и слаженные действия всего мирового сообщества, и основную роль призваны сыграть специальные службы и правоохранительные органы. Да, это так. Но многое зависит и от каждого из нас. Как мы поведем себя в той или иной ситуации, так, соответственно, и будут развиваться события. Нельзя бездействовать. Вот почему цитата англичанина Эдмунда Бёрка, является очень актуальной, который говорил, что «для торжества зла необходимо только одно условие – чтобы хорошие люди сидели, сложа руки».

В то же время, важной задачей государства является воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, любви к Родине.

Литература:

1. *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2001. С. 345.
2. *Агапов П.В.* Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики / П.В. Агапов, К.В. Михайлов // СПС «Консультант плюс».
3. Современные системы безопасности – антитеррор. Материалы конгрессной части XIII Всероссийского специализированного форума (24–25 мая 2017 г.)
4. *Сундиев И.Ю.* Флешмоб-по экстремистки. Данные Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, 2008.
5. Материалы семинара-совещания Опыт противодействия распространению учений и практик тоталитарных деструктивных культов (сект) на территории РФ при участии краснодарского отделения Общероссийской ОО «Матери против наркотиков»: теоретический и практический аспекты, 18 июля 2017 г.

Literature:

1. *Antonyan Yu.M.* Terrorism. Criminological and criminal law research. M., 2001. P. 345.
2. *Agapov P.V.* Criminal liability for assisting terrorist activities: trends in modern criminal policy / P.V. Agapov, K.V. Mikhailov // SPS «Consultant Plus».
3. Modern security systems – antiterror. Materials of the congress part of the XIII All-Russian Specialized Forum (May 24–25, 2017)
4. *Sundiev I.Yu.* Flash mob against extremists. Data of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.
5. Materials of the seminar-meeting Experience of countering the spread of teachings and practices of totalitarian destructive cults (sects) on the territory of the Russian Federation with the participation of the Krasnodar branch of the All-Russian NGO «Mothers against drugs»: theoretical and practical aspects, July 18, 2017.

Долгополов Кирилл Андреевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский
федеральный университет
nadal06@mail.ru

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ
НА КРИМИНАЛИЗАЦИЮ ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на изменения подростковой преступности в России. Основное внимание уделяется факторам, являющимся специфическими для российского общества. Объектом исследования является подростковая преступность в России. Предметом исследования является совокупность социальных процессов и явлений, прямо и косвенно способствующих криминализации поведения несовершеннолетних в России. Целью исследования является краткий анализ социальных процессов и явлений, прямо и косвенно способствующих криминализации поведения несовершеннолетних в России. Задачами исследования выступают: рассмотрение проблемы криминализации поведения несовершеннолетних в России; выявление социальных процессов и явлений, прямо и косвенно способствующих криминализации поведения несовершеннолетних в России. В статье выявляются социальные факторы, влияющие на криминализацию поведения несовершеннолетних в России. Рассматриваются факторы, обусловленные особенностями подросткового возраста. В качестве основного фактора рассматривается отношение к преступности российского общества в целом. Серьезный масштаб криминализации российского общества оказывает влияние на подростковую возрастную группу, что в силу возрастных особенностей способствует криминализации ее поведения, при этом влияние данного фактора распространяется на всех подростков российского общества, независимо от круга их социального окружения. Делается вывод об отсутствии оснований выделения отдельных подростковых групп риска в России в отношении совершения преступлений.

Ключевые слова: российское общество, подростковая преступность, фактор, подросток, подростковые группы риска.

В России за последние несколько лет резко снизилось количество несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы. По словам специалистов, за последние двадцать лет количество несовершеннолетних,

Kirill A. Dolgopolov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
Criminal Law and Proceedings,
North Caucasian Federal University
nadal06@mail.ru

**FACTORS INFLUENCING
THE CRIMINALIZATION
OF JUVENILE BEHAVIOR IN RUSSIA**

Annotation. The article discusses factors influencing changes in teenage crime in Russia. The focus is on factors that are specific to Russian society. The object of the study is teenage crime in Russia. The subject of the study is a set of social processes and phenomena that directly and indirectly contribute to the criminalization of the behavior of minors in Russia. The aim of the study is a brief analysis of social processes and phenomena that directly and indirectly contribute to the criminalization of the behavior of minors in Russia. The tasks of the study are to consider the problem of criminalizing the behavior of minors in Russia; Identification of social processes and phenomena directly and indirectly contributing to the criminalization of juvenile behaviour in Russia. The article identifies social factors affecting the criminalization of the behavior of minors in Russia. Factors due to the peculiarities of adolescence are considered. The main factor is the attitude towards crime of Russian society as a whole. The serious scale of criminalization of Russian society affects the adolescent age group, which, due to age characteristics, contributes to the criminalization of its behavior, while the influence of this factor extends to all adolescents of Russian society, regardless of their social environment. It is concluded that there are no grounds for identifying individual teenage risk groups in Russia in relation to the commission of crimes.

Keywords: Russian society, teenage crime, factor, teenager, teenage risk groups.

отбывающих наказание в местах лишения свободы, снизилось почти в 20 раз [5].

Тем не менее, следует понимать, что несовершеннолетние зачастую в настоящее время

освобождаются от уголовной ответственности и не подвергаются аресту в случае избрания меры пресечения в силу своего возрастного статуса. Таким образом, резкое снижение количества несовершеннолетних заключенных еще не означает снижения количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

В России проблема преступности несовершеннолетних стоит достаточно остро из года в год. Согласно статистике, в 2004 году каждое восьмое, а в 2005 – каждое одиннадцатое преступление совершено несовершеннолетними или при их участии [3]. До нынешнего времени количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, колебалось:

– серьезный рост абсолютного показателя преступности несовершеннолетних в период с 2013 по 2015 год сменялся определенным снижением в 2018, 2019 годах [9];

– специалисты отмечают смену фаз роста фазами стабилизации, а через небольшой период – наступление фазы роста преступлений, как правило, на повышение [7].

Психологами особо отмечается особенность подросткового периода. Бурный физиологический рост, половое созревание, озабоченность тем, как он выглядит перед другими – вот основные вопросы, волнующие подростка. В этих условиях, как известно, меняются статусы агентов первичной социализации. Данный феномен достаточно изучен, мы же останавливаемся на нем, чтобы отметить: в той или иной степени, влиянию этого фактора подвержены практически все подростки.

Далее, молодежная среда болезненно реагирует на негативные моменты кризисного состояния общества. Кризисные явления в обществе, приводящие к стремительному снижению уровня жизни, оказывают свое негативное влияние, прежде всего, на подростков, поскольку именно несовершеннолетние являются одной из наиболее «уязвимых» частей общества [1]. Причины «уязвимости» состоят в характерных для несовершеннолетнего возраста особенностях – в неустоявшейся психике, несформированной до конца ценностно-нормативной системе, отсутствующих у взрослого населения.

Не имея возможности законным путем удовлетворять свои потребности, многие подростки начинают добывать необходимые вещи и продукты в меру своих сил и возможностей, зачастую, путем совершения преступления. Сказывается и катастрофическое положение с организацией досуга детей и подростков по месту жительства.

Далее, крайне существенным моментом предстает стремление подростков к личной безопасности. Групповая принадлежность, постоянное общение с членами своей компании служат надежной гарантией неприкосновенности, развивая при этом индивидуалистические настроения, это – группоцентризм, приоритет насильственных способов решения конфликтных ситуаций, рост агрессивности, разрекламированный СМИ.

Более того, указанные моменты служат надежной гарантией достижения некоего психологического комфорта, который приобретается и поддерживается за счет повышенного уважения со стороны сверстников из-за принадлежности к группе.

Также, фактором, влияющим на подростка, является отношение к преступности российского общества, в целом. Общественное мнение в России по отношению к заключенным проявляется неоднозначно: в его структуре нашли себе место и осуждение, и любопытство, и сочувствие. Следует также учитывать исторически случавшиеся периоды достаточно масштабного и глубокого противостояния общества и государства. Анализ влияния данных факторов позволяет говорить о складывании в российском обществе определенной криминальной субкультуры, черты которой часто проявляются в повседневной жизни: учеными отмечаются проявления определенных элементов в повседневном поведении россиян, которые характерны для социально-психологического типа заключенного. При этом следует отметить, что данные элементы достаточно глубоко усвоены обществом в силу значительного количества человек, на протяжении десятилетий отбывавших наказание в местах лишения свободы. Данные представители общества транслировали ценности и нормы поведения тюремного сообщества обществу, в целом. Анализ влияния данных факторов на общество говорит о том, что в российском обществе данная категория людей вызывают не положительное, но, в значительной степени, сочувственное отношение, не как к оступившимся и нуждающимся вследствие этого в помощи члены общества, а скорее, как к пострадавшим от власти людей.

При этом вновь надо отметить, что указанный фактор оказывает влияние не только на отдельных подростков, чьи социальные круги культивируют образцы поведения, свойственные тюремной субкультуре, а на всех подростков российского общества. Действие данного фактора не ограничивается этими кругами, его влияние распространяется на все информационное пространство общества, не встречая системных препятствий [6].

Далее, тотальный дефицит в Советском Союзе вынуждал советских граждан прибегать к неправовым практикам для получения доступа к приобретению нужной продукции. При этом ситуацию усугубляло недоверие общества государству, поскольку внутренняя политика обосновывалась идеологическими положениями, не учитывая социальных предпочтений населения. Такая система отношений между государством и обществом, в свою очередь, приводила к тому, что предпочтение неправовых практик закону распространялось не только на приобретение товаров народного потребления, но и решение других социальных проблем. В результате, альтернативные законным социальные механизмы решения проблем «по блату» стали в значительной степени преобладать над собственно правовыми. Согласно данным исследований, проведенных в начале нынешнего века, большинство россиян (58,5 %) предпочитают в случае противоречия

закона здравому смыслу ориентироваться на здравый смысл [8, с. 223]. В настоящее время, согласно статистике, по сравнению с 2000-ми, не произошло кардинальных изменений в отношении количества совершаемых преступлений, равно как и в отношении квалификации деяний: данные показатели остаются на примерно одном уровне, за исключением «вспышки» с 2005 по 2008 годы. Таким образом, вряд ли позиции российских граждан по указанному вопросу существенно изменились.

Данная проблема может быть рассмотрена в рамках подхода Э. Дюркгейма к вопросу аномии. В этой связи, с социологической точки зрения актуальным является вопрос об общественных причинах данного явления. Формулируя понятие «аномия», Э. Дюркгейм обозначил нормативный контроль со стороны общества как порог, за которым поведение становится девиантным [4, с. 98]. Следует отметить, что в свое время, взгляды Э. Дюркгейма на девиантное поведение способствовали тому, что ученые в вопросах причин девиантного поведения стали обращать внимание, прежде всего, на социальные факторы. В случае же с советской системой, нормативный порог общества по отношению к необходимости обращения в быту к правовым практикам являлся достаточно условным.

Помимо этого, отношение к закону проецируется людьми и на отношение к государственным органам, прежде всего, к органам контроля. Пожалуй, ни одна профессия не имеет в народе столько нелицеприятных прозваний, как полиция. Подобное негативное отношение к правоохранительным органам формируется не только у несовершеннолетних, воспитывающихся в неблагополучных семьях и, как принято говорить, составляющих, так называемые, «группы риска», а у подростков из любой семьи.

Указанные нами признаки глубокой криминализации российского общества влияют не на

отдельных подростков, имеющих проблемы с семейным воспитанием. Поскольку криминализация пронизывает все слои российского общества, она накладывает свой отпечаток на мировоззрение практически всех подростков. Рабочий может не совершать квартирных краж, но нередко выносит с завода произведенную продукцию. Прораб не занимается грабежом, но частенько приторговывает «на стороне» стройматериалами. Народный депутат не занимается бандитизмом, но нелегально занимается предпринимательством. Таких примеров, к сожалению, можно привести великое множество, ими наполнено все наше общество. Но парадокс заключается в том, что люди вовсе не считают себя преступниками. Большинство граждан не совершают убийств, грабежей, краж, изнасилований и т.д., а менее значительные правонарушения, как бы, не в счет. Человек – не важно, рабочий или депутат – совершая такое «незначительное», на его взгляд, деяние, не считает себя нарушителем закона, но при этом он подает пример сыну, который также будет считать себя вправе совершать подобное, ведь он следует примеру близкого, авторитетного для него человека.

Таким образом, создаются условия, при которых образец преступного поведения имеет перед собой общая масса подростков независимо от того, к какому социальному слою они принадлежат. Указанные факторы, с одной стороны, непосредственно оказывают прямое влияние на несовершеннолетних, с другой стороны, свидетельствуют о серьезной криминализации российского общества, охватывающей все возрастные группы, включая несовершеннолетних. Отсюда недостаточно оснований говорить о «неблагополучных группах» или «группах риска» несовершеннолетних в отношении возможности склонности к совершению преступлений, поскольку устойчивое влияние выявленных факторов приводит к подверженности практически каждого российского подростка риску включенности в криминальные отношения.

Литература:

1. *Богданов С.В.* Законодательные инициативы Н.С. Хрущева по борьбе с экономической преступностью и коррупцией в СССР / С.В. Богданов, В.Н. Орлов // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 206–217.
2. *Власова Э.Д.* Роль институтов гражданского общества в реализации молодежной политики // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 273–281.
3. *Волконская Е.К.* Тенденции преступности несовершеннолетних (2004–2013 гг.) // Lex Russica (Русский Закон). 2015. № 9. С. 50–59.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 575 с.
5. *Емельянов И.* Влияет ли жестокость наказания на снижение уровня преступности? /

Literature:

1. *Bogdanov S.V.* Legislative initiatives of N.S. Khrushchev on the fight against economic crime and corruption in the USSR / S.V. Bogdanov, V.N. Orlov // Bulletin of the archivist. 2012. № 3. P. 206–217.
2. *Vlasova E.D.* The role of civil society institutions in the implementation of youth policy // Humanities and social sciences. 2014. № 5. P. 273–281.
3. *Volkonskaya E.K.* Trends in juvenile delinquency (2004–2013) // Lex Russica (Russian Law). 2015. № 9. P. 50–59.
4. *Durkheim E.* On the division of social labor. Sociology method. M. : Nauka, 1991. 575 p.
5. *Emelyanov I.* Does the severity of punishment affect the reduction of the crime rate? / I. Emelyanov,

И. Емельянов, Е. Афонина. URL : <https://www.stav.kp.ru/daily/26703/3728078/> (дата обращения 25.09.2020).

6. *Королькова Л.Н.* Роль семьи как фактор, компенсирующий подростку десоциализирующее влияние социального окружения // НаукаПарк. 2011. № 2(3). С. 35–37.

7. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Под общей ред. А.И. Гурова. М. : ВНИИ МВД России, 2000.

8. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М. : ИНФРА-М, 2001. Т. XIV. 418 с.

9. Сколько преступлений в 2016 году совершили подростки. URL : <https://www.the-village.ru/village/city/situation/256155-criminal> (дата обращения 22.09.2020).

E. Afonina. URL : <https://www.stav.kp.ru/daily/26703/3728078/> (date of application 09/25/2020).

6. *Korolkova L.N.* The role of the family as a factor compensating the adolescent for the desocializing influence of the social environment // NaukaPark. 2011. № 2 (3). P. 35–37.

7. The crime situation in Russia at the turn of the XXI century / Ed. A.I. Gurov. M. : VNII MIA of Russia, 2000.

8. *Oleinik A.N.* Prison subculture in Russia: from everyday life to state power. M. : INFRA-M, 2001. Vol. XIV. 418 p.

9. How many crimes were committed by teenagers in 2016. URL : <https://www.the-village.ru/village/city/situation/256155-criminal> (date of application 09/22/2020).

Жаде Зуриет Анзауровна

доктор политических наук,
профессор,
заведующая кафедрой теории и истории
государства и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
zhadezura@yandex.ru

Хуако Заур Юсуфович

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
timur_khuako@mail.ru

Гайдарева Инна Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Адыгейский государственный университет
alay_1968@mail.ru

Ешев Марат Альбекович

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
maratusik@yandex.ru

Zuriet A. Zhade

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of Department of Theory and History
of State and Law and Politology,
Adyghe State University
zhadezura@yandex.ru

Zaur Yu. Khuako

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law and Politology,
Adygeya State University
timur_khuako@mail.ru

Inna N. Gaidareva

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Adygeya State University
alay_1968@mail.ru

Marat A. Eshev

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Theory and History
of State and Law and Politology,
Adygeya State University
maratusik@yandex.ru

**РОССИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается роль журналистики, средств массовой информации и коммуникации в формировании ценностных ориентаций в молодежной среде. Отмечается, что во все времена молодежь становилась и становится объектом изучения и влияния различных политических сил. Интерес к молодежной среде активизируется в период конфликтных ситуаций, напряженности, противостояния, беспорядков. Для новой России молодежная политика является фундаментальной задачей. Актуальность данной статьи диктуется возрастанием роли журналистики, средств массовой информации и коммуникации в формировании молодого поколения в контексте упрочения государственно-гражданской идентичности и национально-государственных интересов. Учитывая, что в современном мире основными источниками информации для молодежи в большинстве случаев становится интернет-издания, социальные сети, многократно возрастает

**RUSSIAN JOURNALISM AS A TOOL
FOR FORMING VALUE ORIENTATIONS
OF THE YOUNGER GENERATION**

Annotation. The article examines the role of journalism, mass media and communication in the formation of value orientations in the youth environment. It is noted that at all times, young people have become the object of study and influence of various political forces. Interest in the youth environment is activated during conflict situations, tensions, confrontations, and riots. For the new Russia, youth policy is a fundamental task. The relevance of this article is dictated by the increasing role of journalism, mass media and communication in the formation of the young generation in the context of strengthening the state-civil identity and national-state interests. Given that in the modern world, the main sources of information for young people in most cases are online publications and social networks, the importance of Russian journalism in performing its traditional functions-informational, educational, and educational – is growing many times.

значение российской журналистики в выполнении своих традиционных функций – информационной, просветительской, воспитательной.

Ключевые слова: российская журналистика, средства массовой информации и коммуникации, молодежная аудитория и среда, молодежная политика, гражданская позиция, ценностные ориентации, альтернативные источники информации, традиционные источники информации.

Молодежь в значительной степени определяет будущее общества, горизонты и перспективы его совершенствования. В этой связи, особый смысл приобретает информационное воздействие журналистики, средств массовой информации и коммуникации на самочувствие и поведение, самореализацию молодых людей. С участием печати, телевидения и радиовещания, с использованием новых информационных технологий сегодня происходит формирование облика, черт молодежи на основе «духовной преемственности поколений и специфических, присущих характеру своего времени конкретно-исторических условий развития» [1].

На рубеже XX–XXI веков молодежная политика в Российской Федерации оказалась расшатанной. После дезинтеграции СССР журналистика, печатные и электронные средства массовой информации, став свободными и независимыми, отвернулись от молодежной тематики, аудитории и среды. После того, как самораспустились комсомол и пионерия, мощные и массовые движения, теряло смысл существование детских, юношеских и молодежных изданий. Молодежь оказалась вне интересов и влияния государства, общества, журналистики, средств массовой информации.

Неактуальной становилась и молодежная политика советского периода модернизации. С отказом от идеологии остался невостребованным опыт организационно-массовой деятельности молодежных изданий, телевизионных каналов, радиостанций.

При количественном росте газетно-журнальной периодики, других средств массовой информации газетно-журнальная система Российской Федерации лишилась печатных изданий, особенно региональных, адресованных молодежи. Разве что можно назвать «Комсомольскую правду», «Московский комсомолец», молодежными газетами в городах-миллионниках? Трудно не согласиться с Я.Н. Засурским, который не без оснований считает, что свобода печати, прежде всего, свобода от цензуры, еще «не означает возможность всегда свободно выражать свои мысли и идеи». «Все более отчетливо выявляется экономическая сторона свободы печати, – продолжает он. – Для того, чтобы газеты, журналы, радио и телевидение свободно функционировали, они должны опираться на здоровый экономический фундамент. В экономической сфере выявились трудности для развития свободы печати» [2]. Здесь можно обозначить несколько причин: финансово-

Keywords: Russian journalism, mass media and communications, youth audience and environment, youth policy, citizenship, value orientations, alternative sources of information, traditional sources of information.

экономическое положение российской журналистики, потери многомиллионных движений в лице комсомола и пионерии.

Принцип историзма и ретроспектива всегда полезны в исследовательской работе. Молодежь в общественном движении всегда объект и субъект интересов любой политической власти. Еще 6-й съезд РСДРП (б) признал крайне важным, чтобы «партийные организации на местах обратили самое серьезное внимание на дело организации молодежи» [3]. Важное значение имело для молодежного движения принятое партийным съездом предложение Союза рабочей молодежи Петрограда о выпуске специального юношеского журнала.

Оговоримся, что организовать данное издание, положившее начало созданию молодежной печати в России, удалось лишь после победы Октябрьской революции 1917 года. Вскоре появляются первые газеты и журналы, активно заявившие о себе в юношеском общественном движении («Интернационал молодежи» – Москва, «Юный пролетарий» – Петроград, «Юный пролетарий Урала» – Екатеринбург, «Искры творчества» и «Красные зори» – Майкоп и другие).

8-й съезд партии, намечая меры по созданию и возрождению партийной и советской прессы, воздействию на массового читателя, требует от периодической печати уделить особое внимание коммунистическому движению «среди красной молодежи» [4].

В Резолюции «О печати и пропаганде» 11-й съезд РКП (б), обозначая меры по расширению подписки и увеличению тиража, оказанию материальной поддержки партийно-советских газет, особое внимание уделяет печатным изданиям комсомольских организаций.

Учитывая отсутствие денежных средств, недостаток и дороговизну бумаги, чрезмерность типографских расходов, съезд требует сохранить «самостоятельные органы союза в ряде крупных губернских центров, в остальных – «Страницы молодежи» в партийных и советских органах» [5].

Развертываемая работа комсомола требовала информационного сопровождения печатными изданиями. В документах 13-го партийного съезда признавалась необходимым «закрепить и обеспечить сеть юношеских областных газет (рабочих, крестьянских, национальных)», создать всероссийскую комсомольскую газету [6].

В постановлении ЦК РКП(б) 14 августа 1925 года «О работе комсомола в области печати» признавалось целесообразным издание в нацреспубликах и областях руководящих органов союза на национальных языках. Подчеркивалась значимость комсомольско-молодежной печати и специфики юношеских изданий, определялись характер и перспективы развития молодежной прессы. Воспитательная работа в молодежной юношеской среде, отмечалось в документе, «может быть только тогда суспехом выполнена, когда широкие массы комсомольцев и рабоче-крестьянской молодежи будут иметь необходимую книгу, газету, журнал». В области национальной комсомольской прессы предполагалось «добиться издания массовых газет, рассчитанных на широкие слои туземной (читай: коренной) крестьянской молодежи в нацреспубликах и областях, и издания популярной литературы для воспитания и помощи в практической работе национальному активу» [7].

К 1928 году в стране издавалось 60 молодежных газет (в том числе – 24 на национальных языках) тиражом 400 тысяч экземпляров и 25 журналов. Масштаб информационного воздействия на молодежную аудиторию был впечатляющим. В 1974 году комсомол выпускал 226 газет и журналов на многих языках народов СССР разовым тиражом свыше 70 миллионов экземпляров. В сеть комсомольской, юношеской и детской печати входили: комсомольских газет – 131 (разовый тираж – 18823 тыс. экз.), пионерских газет – 28 (разовый тираж – 18816 тыс. экз.), молодежных журналов – 26 (разовый тираж – 14151 тыс. экз.), пионерских и детских журналов – 40 (разовый тираж – 22098 тыс. экз.).

О многообразии читательских интересов подрастающего поколения и дифференцированном подходе к учащейся и студенческой молодежи свидетельствовали названия газет и журналов: «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Комсомольская жизнь», «Смена», «Сельская молодежь», «Студенческий меридиан», «Молодая гвардия», «Вокруг света», «Ровесник», «Техника – молодежи», «Моделист – конструктор», «Вожатый», «Пионер», «Костер», «Юный техник», «Юный натуралист», «Мурзилка», «Веселые картинки» и другие. В унисон с ними работали радиостанция «Юность», молодежные телеканалы [8].

Складывалась своеобразная «индустрия информации», появлялись мощные средства тиражирования и передачи газетных материалов. Все это требовало организации новых видов изданий, поиска новых форм подачи информации, углубленного подхода к содержанию периодики для детей, юношества, молодежи.

С организацией комсомольско-молодежных изданий на русском и национальных языках система печати в автономных республиках и областях получила количественное и качественное развитие [9].

Молодежные газетные издания, журналы, книги, вызванные к жизни потребностями общественного развития и человеческого бытия, зарож-

давшееся в Советской России новое газетное и издательское дело, требовали осмысления их предназначения, творческого подхода к формам и методам, нормам морального и этического характера в журналистской практике.

Естественно, в период советской модернизации, сложных и противоречивых политических, социокультурных и экономических кампаний давали о себе знать юношеский максимализм, комсомольский задор, отсутствие профессионального опыта и мастерства, что приводило, иной раз, к нежелательным последствиям, обратному эффекту. В молодежной периодике иногда появлялись сомнительные «перлы творения», «перлы остроумия». В качестве примера приведем: «Какие брюки должен носить подлинный, идеологически и политически выдержанный комсомолец – галифе, «трубочку» со складкой или без таковой?»; «Нужно ли комсомолкам снимать головные уборы во время пения «Интернационала?»; «Сколько бутылок пива имеет право выпить комсомолец?», «Должен ли комсомолец уступить место в трамвае женщинам?» и так далее. А что стоили лозунги такого рода: «Долой комсомольцев, не пишывающих газету» или «Только трусы и лентяи, только человеческий хлам может верить в загробную жизнь и религиозные бредни».

Легковесными дискуссиями и спорами в молодежной печати, в частности, было вызвано появление статьи создателя Советского государства В.И. Ленина «О характере наших газет», в которой он призывал: «Поменьше политической трескотни, поменьше общих рассуждений и абстрактных лозунгов ...» [10].

Среди всероссийских средств массовой информации еженедельник «Аргументы и факты» последовательно в течение пятнадцати лет ведет акцию человеческого участия и сочувствия. Созданный редакцией газеты благотворительный фонд «АиФ. Доброе сердце» стал победителем конкурса фонда президентских грантов.

К чести республиканской общественно-политической газеты «Советская Адыгея», которая широко пропагандирует на своих страницах творческие проявления студенческой и работающей молодежи. В качестве главного примера газетной публикации можно назвать рассказ об учащемся гуманитарно-технического колледжа Адыгейского государственного университета, активно участвующем в волонтерском движении и ставшем победителем грантового конкурса Федерального агентства по делам молодежи. Грант в более миллиона рублей для реализации молодежного проекта «Dobro Production». Достойного внимания печатного издания заслужила и акция Адыгейского отделения «Российские студенческие отряды», активисты которого заключили договор о партнерстве с Центром психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Локус» и приступили к реализации проекта «Трудные подростки».

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 60 процентов в числе опрошенных молодых людей считает, что Россия в лучшую сторону отличается от «меркантильного» Запада.

Многие средства массовой информации внимательно следят за работой поисковых отрядов, которые находят воинские захоронения, восстанавливают и наносят на плиты имена погибших, связываются с родственниками безымянных героев. Торжественно-траурные церемонии эмоционально, позитивно воспринимаются молодежью, у ребят после таких практических уроков «в голове» что-то остается. Молодые люди начинают интересоваться историей, прежде всего историей своей семьи, предков, историей своей страны. Все это называется патриотизмом.

Газетные строчки, теле- и радиопередачи зывают к обществу, к тем, кому не безразлична историческая память, об уважительном и достойном обращении к поисковикам, безвозмездно работающим на местах боев в свободное и отпускное время.

Российская журналистика, средства массовой информации и коммуникации национально-государственного характера должны занимать зрелую, четко сформулированную гражданскую позицию, позицию, обозначающую, защищающую, отстаивающую, оберегающую ценностные ориентиры своей страны и ее историческую память. Без этого предназначение, функции печатной газетно-журнальной периодики, телевидения и радиовещания, особенно дотируемые отечественным бюджетом, становятся расплывчатыми, вредными, противоречащими общественным и государственным интересам. Совершенно правы те, кто утверждает, что «государство имеет право на позицию относительно собственной истории».

В данной ситуации особый смысл приобретает продуманное, ненавязчивое, мобилизующее информационное воздействие на молодежную аудиторию.

Читательские интересы молодежи в большинстве случаев традиционно удовлетворялись через средства массовой информации. Еще в 20-е годы прошлого столетия известный исследователь прессы В.Л. Кузмичев отмечал: «Новость, которая не дает удобного случая для включения интереса читателя в систему общеколлективных интересов, не может апеллировать к широкой аудитории» [11].

Продолжая эту мысль, историк молодежной периодики В.Н. Ганичев указывает, что повышение действенности печатного слова, электронных средств массовой информации – «это глубокий творческий процесс, поиск новых путей, приемов и методов диалога с аудиторией, воздействия на него» [12]. И в значительной мере это зависит от творческого потенциала и мастерства журналистов, работающих в молодежной среде.

Действительно, читательские и зрительские интересы молодежи: отражение ее состояния и положения в обществе, характеристика ее развития, что подтверждается специальными и опосредованными исследованиями молодежной читательской аудитории.

Вряд ли заинтересуют молодежь новости бегущей строкой российских телеканалов: «В Москве женщина пыталась продать своего ребенка за 300 тысяч рублей»; «В Уфе педагог заклеила ученику рот скотчем»; «В Дагестане 42 ребенка госпитализированы с отравлением»; «На Камчатке двое высокопоставленных полицейских подозреваются в получении взятки» и т.п.

В поле интересов средств массовой информации редко попадает животрепещущая проблема, связанная с преумножением народонаселения страны, с инвестированием в семьи, особенно многодетные, где зарождается и формируется человеческий капитал. На этом фоне, мягко говоря, улыбку вызывают две телевизионные передачи: первого канала – «Давай поженимся» и четырнадцатого «Домашний» – «Давай разведемся».

Важно осознать, что процесс социализации учащейся и студенческой молодежи сегодня происходит в условиях информационной открытости, когда молодежь естественно ищет и находит, помимо официальных источников информации, альтернативные каналы своей социализации, пользуется популярными среди подростков социальными сетями и мессенджерами, интернет-изданиями различной направленности. В этих условиях многократно возрастает роль российской журналистики, четкая государственно-гражданская позиция средств массовой коммуникации и информации, призванных активно и наступательно противостоять представляющим собой общественную опасность идеям и призывам экстремистского и деструктивного характера, которые преподносятся множественными враждебными Российской Федерации информационными источниками. Первостепенное значение имеет пропаганда в средствах массовой информации традиционных, нравственных, социально значимых норм и ценностей, воспитание молодежи в духе патриотизма и гражданственности.

Российская журналистика, если она национально-государственно ориентирована, призвана учить подрастающее поколение уважительному, трепетному отношению к отечественной истории с ее героическими и трагическими страницами, сохранению национального сознания и достоинства, памяти о ратных и трудовых подвигах наших предков. Учить умно, последовательно, постоянно, давая мгновенный отпор всякого рода выходкам, унижительным для нашего народа.

Пресса и другие средства массовой информации должны напоминать западным странам, пугающим и унижающим Россию, что в гитлеровской армии сражались в десять раз больше западноевропейцев, чем участвовало в сопротивлении фашистскому, нацистскому режиму. Работая на молодежную аудиторию читателей, слушателей и зрителей, они призваны будировать «национально-государственную волю», когда извне на нас оказывается давление и начинается поношение нашего Отечества. Наша печать, телевидение и радио вовсе не ответили на враждебный выпад по отношению к Российской Федерации чешских властей, выразившийся в позорном

сносе памятника И.С. Коневу в Праге, легендарному маршалу, освободившему столицу тогдашней Чехословакии. Вместо того, чтобы призвать бойкотировать коммерческие, экономические связи, обходиться нашим туристам без поездок в «злату Прагу», а также без пеннистого напитка, бренда «Шкода», в наших средствах массовой информации еще агрессивнее рекламируют чешское пиво, достопримечательности, спасенные жизнями и кровью советских солдат и офицеров. В данном случае позиция наших журналистов должна быть однозначной, доступной и понятной в молодежной среде.

В нашем представлении, А.С. Кончаловский прав, когда в интервью еженедельнику «Аргументы и факты» говорит: «Наши дети обкрадены собственной цивилизацией, информацией, гаджетами, обилием вещей, потребительством, отсутствием дефицита» [13]. От себя добавим: в значительной степени, при содействии наших печатных и электронных средств массовой информации, социальных сетей.

Потребительское общество, которое усердно пропагандирует и внедряет в сознание молодых людей западные средства массовой информации, ведет человека, особенно подрастающее поколение, к постоянному удовлетворению неизменно растущих потребностей и, как следствие, к полуживотному состоянию большинства и заканчивается диктатурой финансовых воротил и денежного мешка.

Традиционная особенность российской журналистики, средств массовой информации и коммуникации – воспитательный аспект и потенциал, который размывается в рыночных условиях. В погоне за рейтингами сомнительного характера, навязывая агрессивной рекламой все «прелести» общества потребления западного образца, показывая похождения так называемых «звезд» эстрады, демонстрируя социальные пороки, однополые браки, гей-парады и шествия, наши средства массовой информации растят поколение молодых людей, у которых «происходит переоценка ценностей отнюдь не в лучшую сторону». На подмогу им приходят отечественные кинематографисты с какими-то бутафорскими фильмами о священной для нас войне. Все это, как правило, работает на отрицательный образ России.

Западные средства массовой информации и коммуникации, моделируя будущее землян, ставят своей целью разрушение всеми способами системы базовых моральных ценностей, принципов и внедрение, насаждение так называемых альтернативных норм, пропаганду (абсолютизацию) свободы вообще и личности в частности. Вопреки всякой логике, не принимается во внимание, что свободу личности надо трактовать как осознанную необходимость, предусматривающую ответственность. Декларируя широкие права людей без ограничений, стыдливо или сознательно ими умалчиваются обязанности гражданина в обществе, государстве.

На смену традиционным источникам информации, знаний, расширения кругозора молодежи

приходит интернет, который, при отсутствии действенного правового регулирования, превращается в «проходной двор», где можно говорить что угодно, призывать к чему угодно (от террористического акта до самоубийства, учиться изготавливать взрывчатые вещества, готовиться к участию в «цветных революциях» и беспорядках, и т.д.).

Под мощным натиском ложной информации оказываются молодежная среда и аудитория, институт семьи и семейно-брачных отношений, взаимоотношение родителей и детей, авторитет старшего поколения. Взамен предлагается толерантное отношение к трансгендерным людям, гей-парадам, аморальный журнал «Глейбой», чтобы окончательно размыть и добыть всякую мораль, не говоря уже о нравственных началах. Здесь мы считаем к месту слова историка В.О. Ключевского: «Поколение людей переживающих теперь третий десяток своей жизни, должно хорошенько вдуматься в свое прошлое, чтобы разумно определить свое положение и отношение к отечеству» [14].

В условиях стремительного развития новых информационных технологий незаменимым средством обмена информацией стала электронная почта интернета, позволяющая свободно общаться с собеседниками любой точки земного шара, «открылась возможность мгновенной обратной связи, прямого участия каждого в информационном процессе» [15]. К этому прибавляются сотни периодических изданий в русскоязычном интернете. На исходе второго тысячелетия практически все периодические издания, радиостанции и телевизионные каналы открыли свои сайты. Появилась многочисленная группа интернет-медиа (средства массовой информации без печатных аналогов).

Заметим, что «информационные блага» в современных условиях – палка о двух концах. Кроме положительного потенциала, они обладают отрицательными последствиями, особенно в молодежной среде. Это зримо просматривается в событиях, связанных с итогами президентских и парламентских выборов, в частности в Белоруссии и Киргизии, а также, с обострением нагорно-карабахского конфликта и вооруженным противостоянием Азербайджана и Армении. В каждом случае в противоправные действия втягиваются молодые люди, не только остро чувствующие социальную несправедливость, но и представители криминала. В результате молодежь становится разменной монетой.

Обобщение вышеизложенных рассуждений приводит к определенным выводам.

В условиях новой России важными представляются информационные факторы, под воздействием которых формируется характер молодого поколения. Несомненно одно – процесс становления и воспитания молодежи во многом зависит от национально-государственного настроения и позиции российской журналистики, средств массовой информации.

Российская журналистика, средства массовой информации призваны разворачиваться с открытым и заинтересованным лицом к молодежной тематике, учитывая наблюдаемые в современном мире тенденции, укрепление противоречий между поколениями и возрастания влияния (позитивного и негативного) молодых людей на политику. Важно, чтобы молодые люди думали по-государственному, росли национально-государственно ориентированными, неравнодушными.

В молодежных газетах и журналах, в теле- и радиопередачах большой удельный вес должны занимать обсуждения, дискуссии, материалы с острыми нравственными ситуациями и конфликтами.

Проблематика социальной справедливости, адресованная молодежной среде, должна быть по своему характеру честной, правдивой, доступной и самое главное воспринимаемой.

Журналистика, информация, не сглаживающая животрепещущие вопросы повседневного бытия, будет восприниматься молодежной аудиторией, иметь широкий читательский и зрительский интерес.

В молодежной среде остро стоит проблема выбора – куда пойти учиться, какую выбрать профессию, что нужно для полной самореализации и профессионального роста, как создать семью, чем заняться в свободное время и т.д. С расширением масштабов молодежной аудитории увеличивается, расширяется круг проблем для освещения, информационного сопровождения.

В российских средствах массовой информации особое значение приобретает освещение с общенациональных позиций вопросов образования, культуры, государственной молодежной политики, которые являются пространством, где

Литература:

1. *Ганичев В.К.* Молодежная печать: история, теория, практика. М. : Мысль, 1976. С. 7.
2. *Засурский Я.Н.* Десять лет свободы печати в России // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. 2001. № 1. С. 12.
3. О союзах молодежи: Резолюции и постановления съезда // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). М. : Политиздат, 1970. Т. 1. С. 499.
4. О партийной и советской печати: Резолюция Восьмого съезда РКП (б) // Советская печать в документах. М. : Госполитиздат, 1961. С. 40.
5. О печати и пропаганде: Резолюция Одиннадцатого съезда РКП (б) // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М. : Мысль, 1972. С. 82.
6. О печати: Резолюция Тринадцатого съезда РКП (б) // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М. : Политиздат, 1979. С. 95–96.

происходит формирование «нравственного человека, нравственного гражданина».

Важным нам представляется создание в печатных и электронных средствах массовой информации тематических, газетных и журнальных рубрик, интернет-сайтов, теле- и радиопередач, непосредственно адресованных детской, юношеской и молодежной аудитории.

В целях формирования у подрастающих поколений общероссийского гражданского самосознания, очевидна необходимость мониторинга публикаций печатных и передач электронных средств массовой информации по молодежной тематике с участием институтов гражданского общества и журналистского сообщества.

Важно учитывать, что социальная структура молодежной среды наиболее динамична по отношению к социуму, в ней, как правило, наблюдается исключительная подвижность с различными гранями, амбициозными проявлениями и особенностями.

Формирование духовных потребностей учащейся и студенческой молодежи средствами информационного и коммуникационного воздействия необходимо рассматривать не только как социально-педагогическую, но и как общегосударственную проблему.

В завершение наших размышлений и рассуждений напрашивается пушкинское предупреждение: «Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять против всеразрушительного действия типографского снаряда» [15].

Вещие слова!

Literature:

1. *Ganichev V.K.* Youth press: history, theory, practice. M. : Mysl, 1976. P. 7.
2. *Zasursky Ya.N.* Ten years of freedom of the press in Russia // Bulletin of the Moscow University. Ser. Journalism. 2001. № 1. P. 12.
3. On youth unions: Resolutions and resolutions of the Congress // The Communist party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1971). M. : Politizdat, 1970. Vol. 1. P. 499.
4. On the party and Soviet press: Resolution of the Eighth Congress of the RCP (b) // Soviet press in documents. M. : Gospolitizdat, 1961. P. 40.
5. On the press and propaganda: the Resolution of the Eleventh Congress of the RCP (b) // About party and Soviet press, radio and television. M. : Mysl, 1972. P. 82.
6. About the print: Resolution of the Thirteenth Congress of the RCP (b) // Communist party on the media and propaganda. Moscow: Politizdat, 1979. P. 95–96.

7. О работе комсомола в области печати: Постановление ЦК РКП (б) от 14 августа 1925 года // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М. : Мысль, 1972. С. 136, 139.
8. См.: Печать СССР в 1973 году. М. : Книга, 1974. С. 56.
9. *Хуако З.Ю.* Формирование системы печати в советских автономиях Северного Кавказа (1920–1936). Ростов-н/Д. : Изд-во Ростовского университета, 1988. С. 63–64.
10. *Ленин В.И.* О характере наших газет. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1974. Т. 37. С. 91.
11. *Ганичев В.К.* Молодежная печать: история, теория, практика. М. : Мысль, 1976. С. 77.
12. *Кузмичев В.Л.* Организация общественного мнения: Печатная агитация. М.; Л. : Гос. изд-во, 1929. С. 33.
13. *Кончаловский А.С.* Чтобы избежать ада // Аргументы и факты. 2020. 09–15 сентября.
14. *Ключевский В.О.* Материалы прошлых лет. Сочинения в девяти томах. М. : Мысль, 1990. Т. IX. С. 293.
15. *Кузнецов И.В.* История отечественной журналистики (1917–2000): учебный комплект : учебное пособие; Хрестоматия. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 593.
16. *Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург. Полное собрание сочинений в десяти томах. М. : Наука, 1964. Т. VII. С. 301.
7. On the work of the Komsomol in the field of printing: Resolution of the Central Committee of the RCP (b) of August 14, 1925 // About the party and Soviet press, radio broadcasting and television. M. : Thought, 1972. P. 136, 139.
8. See: Press of the USSR in 1973. M. : Book, 1974. P. 56.
9. *Huako Z. Yu.* Formation of the press system in the Soviet autonomies of the North Caucasus (1920–1936). Rostov-on/D. : publishing house of Rostov University, 1988. P. 63–64.
10. *Lenin V.I.* About the character of our Newspapers. Complete works. M. : Politizdat, 1974. Vol. 37. P. 91.
11. *Ganichev V.K.* Youth print: history, theory, practice. M. : Thought, 1976. P. 77.
12. *Kuzmichev V.L.* Organization of public opinion: Printed propaganda. M.; L. : GOS. Publishing house, 1929. P. 33.
13. *Konchalovsky A.S.* In Order to avoid hell // Arguments and facts. 2020. September 09–15.
14. *Klyuchevsky V.O.* Materials of previous years. Works in nine volumes. M. : Thought, 1990. Vol. IX. P. 293.
15. *Kuznetsov I.V.* History of Russian journalism (1917–2000): training set : textbook; anthology. M. : Flinta : Nauka, 203. P. 593.
16. *Pushkin A.S.* Journey from Moscow to St. Petersburg. Complete works in ten volumes. M. : Nauka, 1964. Vol. VII. P. 301.

Каспаров Аскер Робертович

кандидат социологических наук,
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
mr.kasparov.01@mail.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
sergej.stelmax@mail.ru

Колимбет Павел Сергеевич

аспирант кафедры
политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
pkolimbet@finbridge.io

Семеренко Алина Сергеевна

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
semerenko_polit@mail.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВОЗНАНИИ**

Аннотация. Тема социальных конфликтов является одним из объектов пристального внимания отечественных социологов не случайно, если иметь в виду то обстоятельство, что природа их возникновения является, с одной стороны, следствием глубокого цивилизационного кризиса советского общества накануне развала СССР и фактической утилизацией идеологии, обеспечивавшей его существование на протяжении более чем семидесяти лет, а с другой стороны, они вызваны теми глобальными переменами, которые переживает российский социум на рубеже XX–XXI веков в процессе транзисии советского общества в новом для него направлении цивилизационного развития. В данной статье автором уделяется внимание систематизации взглядов российских социологов на природу и динамику социальных конфликтов в постсоветском российском социуме.

Asker R. Kasparov

Candidate of Sociological Sciences,
Senior lecturer of the Departments
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
mr.kasparov.01@mail.ru

Sergey A. Stelmax

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and State Services under
the President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

Pavel S. Kolimbet

Postgraduate student of the Department
Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
pkolimbet@finbridge.io

Alina S. Semerenko

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and State Services under
the President of the Russian Federation
semerenko_polit@mail.ru

**EXPLORING SOCIAL
CONFLICTS IN MODERN RUSSIAN
SOCIAL STUDIES**

Annotation. The topic of social conflicts is one of the objects of close attention of domestic sociologists not by chance, bearing in mind that the nature of their origin is, on the one hand, a consequence of the deep civilizational crisis of Soviet society on the eve of the collapse of the Soviet Union and the actual disposal of the ideology that ensured its existence for more than seventy years, and on the other hand, they are caused by the global changes that Russian society is going through at the turn of the 21st century in the process of transiting of Soviet society in the new direction of civilization. In this article, the author pays attention to the systematization of the views of Russian sociologists on the nature and dynamics of social conflicts in post-Soviet Russian society.

Ключевые слова: конфликтология, социальный конфликт, транзитивный социум, глобализация, эргатические конфликты, превенция конфликтов.

Keywords: conflictology, social conflict, transiting society, globalization, ergistic conflicts, conflict prevention.

Современная отечественная социологическая мысль демонстрирует разные подходы к анализу сущности, природы и динамики развития конфликта. По мнению большинства российских ученых и, в частности, А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова [1, с. 81], А.В. Дмитриева [2, с. 54], А.К. Зайцева [3, с. 111], А.Г. Здравомыслова [4, с. 94], конфликт необходимо определять как «противоречие», потому что в основе социального конфликта лежат противоречия, столкновения сторон, под которыми выступают этносы, классы, государственные структуры и т.п.

В центре внимания российских социологов доминирует следующий круг проблем:

- осмысление причин и детерминант возникновения конфликтов в различных областях и сферах социальной жизни и социальной деятельности;
- определение конфликтологических типов и параметров (идеологических, социально-психологических, экономических, культурологических и др.);
- выявление личностных черт, особенностей сознания и поведения, отличающих активных участников конфликтов;
- разработка систем превенции конфликтов в социальных организациях и т.п.

В.В. Дружинин, Д.С. Конторов и М.Д. Конторов исследуют эргатические конфликты, происходящие в технократической сфере и связанные с применением сложных систем управления, где ключевой фигурой является человек-оператор [5]. Ученые, говоря об эргатическом конфликте, исходят из того, что в современном мире возникло грандиозное противоречие между огромными энергетическими и информационными ресурсами, которыми владеет человечество, и внутренней природой самого человека, в результате чего формируются неизбежные конфликты, различающиеся между собой масштабом, значимостью и свойствами.

Исходя из вышеизложенного, они приходят к выводу о том, что человечество достигло небывалых высот в техническом прогрессе, в связи с чем, почти всякий конфликт может быть охарактеризован как эргатический.

В рамках юридической конфликтологии рядом отечественных ученых анализируются конфликты, конфликтные ситуации, конфликтная напряженность, механизмы развития конфликтов, а также способы профилактики и разрешения конфликтов [6; 7]. По их мнению, конфликты носят негативный характер, поскольку способствуют сдерживанию позитивного решения насущных проблем общественной жизни.

А.Г. Здравомыслов, исследовав природу, движущие силы и мотивацию конфликтов, их развитие и разрешение в контексте современных условий. Объединив ряд теоретических подходов к пониманию конфликта, ученый свел все конфликты в обществе к трем типам: конфликтам потребностей, конфликтам интересов и конфликтам ценностей, указав на то, что именно потребности, интересы и ценности выступают как движущие силы конфликтов [8, с. 164]. По мнению А.Г. Здравомыслова, конфликтологи в своих исследованиях должны исходить из того, что конфликт – это норма существования общества, в связи с чем, выявлять и развивать конфликт необходимо и полезно. Пора освободиться от мифа о всеобщей гармонии интересов людей. В целях достижения более эффективного функционирования, обществу, органам власти и отдельным лицам необходимо не прятаться от конфликтов, а следовать определенным правилам их регулирования. «Конфликт – это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями. Существенная сторона социального конфликта состоит в том, что эти субъекты действуют в рамках некоторой более широкой системы связей, которая модифицируется (укрепляется или разрушается) под воздействием конфликта» [4, с. 64].

Одним из фундаментальных исследователей социальных конфликтов в современной российской науке является А.В. Дмитриев. Анализируя его природу структуру и динамику развития, он в качестве теоретико-методологической основы использовал диалектический подход, отмечая, что возникновение конфликта неразрывно связано с появлением и развитием противоречий. Назревание и развертывание конфликта отражают кульминационный этап развития противоречий. Разрешение конфликта ведет к разрушению данного противоречивого единства с одновременным возникновением его нового качества [17, с. 17]. Одним из источников конфликта он считал противоречия, типологизация которых имеет важное значение для понимания природы конфликтов, поскольку в большинстве случаев их развитие, в определенной мере, отражает общее объективное противоречие, лежащее в их основе. К современным проявлениям противоречий он относит:

1. Противоречия между институтом рынка и институтом государства.
2. Противоречия между общением и общением населения почти во всех странах мира, включая Россию.
3. Противоречия между принципами рациональной экономической и политической организации и

духовными растущими потребностями отдельных групп людей.

4. Противоречие между глобальным и местным, когда, часто то, что может разумным и рациональным на глобальном уровне, может иметь разрушительные последствия для местного самоуправления.

5. Противоречия между экологией и экономическим ростом, которое стало в наше время одним из основных [Там же, с. 19–21].

В современных исследованиях отечественных ученых содержится анализ конфликтологической практики, связанной с российскими реалиями. Все чаще встречаются работы, посвященные стратегиями превенции конфликта, переговорам, социальному диалогу и т.п.

Попытку обобщить и систематизировать научные знания о конфликтах предприняли А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов [1]. Взяв в качестве методологического конструкта междисциплинарный подход, авторы:

– проанализировали историю и теоретические основы российской конфликтологии, ее отраслей;

– предложили универсальную понятийную схему описания конфликтов;

– рассмотрели методологические принципы, методы и способы изучения конфликтов;

– оценили способы их профилактики и урегулирования.

Определенный интерес для нашего исследования представляют работы И.Е. Ворожейкина, Д.К. Захарова, А.С. Кармина, А.Я. Кибанова, В.Г. Коноваловой, которые придали конфликтологическим исследованиям практическую направленность. Типология современных конфликтов в группе, причинно-следственные связи в конфликте, векторы развития конфликтных ситуаций, а также поведенческие стратегии людей – эти и другие вопросы, связанные с изучением социальных (профессиональных) групп, привели ученых к разработке новых методов диагностики, анализа и механизмов снятия противоречий и разногласий. На первый план вышли социально-экономические, идеологические и социокультурные аспекты развития конфликтов в социальных группах, а также, управленческие механизмы, оптимальные методы превенции и разрешения противоречивых ситуаций и повышение роли руководителя в конфликтологическом поле коллектива [10].

Э.Э. Линчевский, анализируя служебные конфликты, уделил внимание такому понятию, как «компетентность руководителя», показал механизмы снижения конфликтности в профессиональной группе, связанные с действиями руководителя в конфликтной ситуации внутри коллектива [11].

Несмотря на то, что темой нашего исследования является систематизация социологических подходов к социальным конфликтам, мы обратили свое внимание на вклад в эту тему и

отечественных социальных психологов. Так, Н.А. Гришина обратила свое внимание на оценку видов конфликтов, психологических подходов к их осмыслению, взаимодействие людей в ситуации конфликта, переживание человеком конфликтной ситуации и т.д. [9]. Другие авторы в рамках психологических и социально-психологических концепций рассматривали природу конфликтных ситуаций и показали большую роль в разрешении противоречий такого механизма, как переговоры. При этом именно переговоры выступают, по мнению ряда психологов, «основной формой взаимодействия заинтересованных сторон для продуктивного разрешения конфликтов» [12].

Говоря об исследованиях конфликтов вообще и конфликтов в социальных группах, в частности, нельзя обойти вниманием научные труды сотрудников Центра региональной социологии и конфликтологии Российской академии наук под руководством В.В. Маркина, образованного в 2006 г. Несмотря на то что Центр проводит фундаментальные и прикладные исследования, связанные с социальным развитием российских регионов, дифференциацией и консолидацией региональных сообществ в общероссийском социуме, ученые внесли большой вклад в методологию оценки и анализа конфликтов [13].

В начале 2000-х гг. было проведено большое количество прикладных исследований, позволивших вывести на новый уровень превенцию конфликтных ситуаций в профессиональных группах и их разрешение. Так, С.М. Емельянов обосновал необходимость деловых, дидактических и ролевых игр, дидактических тренингов, тренинговых упражнений [14]. Н.Н. Васильев показал возможности интегрального разрешения конфликтов путем специальных методических приемов и техник [15].

Большое внимание конфликтологической подготовке сотрудников органов внутренних дел уделила Л.К. Пирогова, в центре внимания которой оказался не только теоретический подход к анализу конфликта, но и практический аспект, направленный на определение сути служебного конфликта, оценку объективных и субъективных причин возникновения конфликтов в среде полицейских, рекомендации для их разрешения в позитивном русле [16].

Конфликтам в деятельности сотрудников органов внутренних дел посвящены работы И.Б. Пономарева [18, с. 29–40]. Принимая за основу такие составляющие конфликта, как структура, динамика, функции и типология, он подробно рассмотрел их проявление именно в среде полицейских. Также он коснулся важных моментов, какими являются прогнозирование, предупреждение и стимулирование конфликтов.

Таким образом, существующие теоретико-методологические подходы к социальным конфликтам позволяют проводить научные исследования по широкому кругу проблем среди представителей различных социальных групп, в том числе, и сотрудников правоохранительных органов, деятельность которых неразрывно связана с охраной и обеспечением правопорядка в российском обществе.

Литература:

1. Анцупов А.Я. Конфликтология / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. М., 2000.
2. Дмитриев А.В. Конфликтология : учеб. пособие для вузов. М., 2003.
3. Зайцев А.К. Социальный конфликт. М., 2001.
4. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996.
5. Дружинин В.В. Введение и теорию конфликта / В.В. Дружинин, Д.С. Конторов, М.Д. Конторов. М., 1989.
6. Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2000.
7. Дмитриев А.В. Введение в общую теорию конфликтов / А.В. Дмитриев, В.Н. Кудрявцев, С.В. Кудрявцев // Юридическая конфликтология. М., 1993. Ч. 1.
8. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., 2000.
9. Кибанов А.Я. Конфликтология / А.Я. Кибанов, И.Е. Ворожейкин, Д.К. Захаров, В.Г. Коновалова. М., 2006.
10. Линчевский Э.Э. Контракты и конфликты: общение в работе руководителя. М., 2000.
11. Хасан Б.И. Психология конфликта и переговоры : учеб. пособие. М., 2004.
12. Маркин В.В. Институт социологии РАН : официальный портал. URL : <http://www.isras.ru/crs.html> (дата обращения 25.06.2016).
13. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. 2-е изд., перераб. СПб., 2001.
14. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. 2-е изд., перераб. СПб., 2001.
15. Васильев Н.Н. Тренинг преодоления конфликтов. СПб., 2002.
16. Пирогова Л.К. Конфликтологическая подготовка сотрудников ОВД. М., 2005
17. Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М., 2002.
18. Пономарев И.Б. Конфликты в деятельности и общении работников органов внутренних дел. М., 2002.

Literature:

1. Antsupov A.Ya. Conflictology / A.Ya. Antsupov, A.I. Shipilov. M., 2000.
2. Dmitriev B.A. Conflict Studies : studies'. hand-book for universities. M., 2003
3. Zaitsev A.K. Social conflict. M., 2001.
4. Zdravomyslov A.G. Sociology of conflict. M., 1996.
5. Druzhinin V.V. Introduction and the theory of conflict / V.V. Druzhinin, D.S. Kontorov, M.D. Kontorov. M., 1989.
6. Dmitriev A.V. Conflictology., M., 2000.
7. Dmitriev A.V. Introduction to the General theory of conflicts / A.V. Dmitriev, V.N. Kudryavtsev, S.V. Kudryavtsev // Legal conflictology. M., 1993. Part 1.
8. Grishina N.V. Psychology of conflict, SPb., 2000.
9. Kibanov A.Ya. Konfliktologiya / A.Ya. Kibanov, I.E. Vorozheikin, D.K. Zakharov, V.G. Konovalova. M., 2006.
10. lynchevsky E.E. Contracts and conflicts: communication in the work of the Manager. M., 2000.
11. Hasan B.I. Psychology of conflict and negotiations : textbook. manual. M., 2004.
12. Markin V.V. Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences: official portal. URL : <http://www.isras.ru/crs.html> (date accessed 25.06.2016).
13. Emelyanov S.M. Practical work on conflictology. 2nd ed., pererab. SPb. 2001.
14. Emelyanov S.M. Practical work on conflictology. 2nd ed., pererab. SPb. 2001.
15. Vasiliev N.N. training to overcome conflicts. Saint Petersburg, 2002.
16. Pirogova L.K. Conflictological training of police officers. M ., 2005.
17. Dmitriev A.V. Social conflict: General and special. M., 2002.
18. Ponomarev I.B. Conflicts in the activity and communication of employees of internal Affairs bodies. M., 2002.

Корчагин Сергей Алексеевич
кандидат физико-математических наук,
доцент,
департамент анализа данных
и машинного обучения,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
SAKorchagin@fa.ru

Sergey A. Korchagin
Candidate of Physical
and Mathematical Sciences,
Associate Professor,
Department of Data Analysis
and Machine Learning,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
SAKorchagin@fa.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВЛИЯНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

STUDY OF THE POSSIBILITIES OF THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS ON SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Аннотация. В статье рассмотрены возможности влияния систем искусственного интеллекта на социально-политические процессы. Проведен анализ использования технологий искусственного интеллекта и их влияние на избирательную систему. Исследовано отношение граждан РФ к искусственному интеллекту в социально-политической сфере. Установлены основные причины негативного отношения респондентов от использования интеллектуальных информационных систем в избирательных процессах. Обозначен потенциал возможностей влияния новых информационных технологий на современное общество.

Annotation. The article examines the possibilities of the influence of artificial intelligence systems on socio-political processes. The analysis of the use of artificial intelligence technologies and their impact on the electoral system is carried out. The attitude of the citizens of the Russian Federation to artificial intelligence in the socio-political sphere is investigated. The main reasons for the negative attitude of respondents from the use of intelligent information systems in electoral processes have been identified. The potential of the possibilities of the influence of new information technologies on the modern society is indicated.

Ключевые слова: искусственный интеллект, избирательные процессы, общество, информационные технологии.

Keywords: artificial intelligence, electoral processes, society, information technology.

Политические события последних лет [5; 6] демонстрируют, с одной стороны, ограниченные возможности классических технологий анализа, прогноза и манипулирования настроениями граждан, а с другой – возрастание влияния новых информационных технологий, в частности искусственного интеллекта на избирательные процессы. Как показывают исследования [4; 9] наиболее точные прогнозы исхода выборов демонстрируют аналитики и статистики, использующие в своей работе самые новые технологии анализа, основанные на машинном обучении, больших данных и пр. В качестве примера можно привести такие громкие события, как референдум по выходу Великобритании из Европейского Союза и победа на выборах президента США Джо Байдона¹.

время все еще остаются, в значительной степени, недооцененными среди политтехнологов. В свою очередь, многие традиционные методы анализа и прогноза данных, которыми пользуются политологи и социологи, не всегда с высокой степенью позволяют предсказать результаты громких политических событий. Таким образом, у многих специалистов в области практического применения политических технологий возникают вопросы к эффективности традиционных методов анализа и прогноза, не говоря уже о технологиях управления политическими процессами и манипулирования политическим мнением.

Новые технологии, такие как нейронные сети, машинное обучение, большие данные в настоящее

Несмотря на исследование [7], очевидно, что специалисты, использовавшие новейшие методы электорального анализа, основанные на технологиях машинного обучения и искусственного интеллекта, в абсолютном большинстве случаев давали верные прогнозы. Ярким примером

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32058.

точных прогнозов, построенных на нейросетевых технологиях и использованием больших данных, является проект индийской компании Genic.AI – система искусственного интеллекта для анализа общественного мнения MogIA. Данная система собирает и обрабатывает данные в динамическом режиме несколько десятков миллионов точек ввода данных пользователей различных Интернет-платформ: Twitter, Face-book, Google, YouTube. Интеллектуальная система MogIA верно прогнозирует результаты выборов Президента Соединенных Штатов Америки, а также внутрипартийные выборы кандидатов от политических партий Республиканцев и Демократов с 2004 года [2].

Ряд исследований, [см. ссылки 8; 3], показывают, что цифровая коммуникация находится в эпицентре современного взаимодействия политики и автоматизированных социальных систем. По данным [1] такие платформы, как Twitter, Facebook или Instagram являются не только средствами коммуникации, но и средствами массовой информации, роль которых во время чрезвычайных ситуаций, а также – политических событий, имеют существенное значение. Анализ алгоритмических структур социальных сетей, который был проведен в рамках настоящего исследования, показал, что Интернет-платформы все больше влияют на формирование политического мнения и вовлечения граждан в избирательный процесс. Именно возможность трансформации от анализа и прогноза общественного мнения к возможностям целенаправленного точечного воздействия на

Литература:

1. *Bisht P.* In Between Old and New, Local and Transnational: Social Movements, Hybrid Media and the Challenges of Making Memories Move // Social Movements, Cultural Memory and Digital Media. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 173–196.
2. *Федорченко С.Н.* Искусственный интеллект в сфере политики, медиапространства и государственного управления: размышления над тематическим портфелем // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 3–9.
3. *Garvey C.* Sentiment analysis of the news media on artificial intelligence does not support claims of negative bias against artificial intelligence / C. Garvey, C. Maskal // OMICS: A Journal of Integrative Biology. 2020. Vol. 24. № 5. P. 286–299.
4. *Chen M.Y.* Modeling public mood and emotion: blog and news sentiment and politico-economic phenomena / M.Y. Chen et [al.] // Politics and Technology in the Post-Truth Era. Emerald Publishing Limited, 2019.
5. *Kane T. B.* Artificial Intelligence in Politics: Establishing Ethics // IEEE Technology and Society Magazine. 2019. Vol. 38. № 1. P. 72–80.
6. *Karami A.* Political popularity analysis in social media / A. Karami, A. Elkouri // International Conference on Information. Springer, Cham, 2019. P. 456–465.

настроения граждан и их политические предпочтения, вызывает в настоящее время высокий интерес политтехнологов всего мира.

В ходе анализа использования технологий искусственного интеллекта и их влияния на избирательную систему мы выделяем несколько основных трендов:

- интеллектуальные системы, основанные на анализе больших данных, поступающих из социальных сетей;
- интеллектуальные парсинговые системы по автоматизированному сбору данных из поисковых систем;
- интеллектуальные системы традиционных социологических опросов на основе методов машинного обучения и нейросетевых технологиях;
- интеллектуальные чат-боты.

На сегодняшний день в социально-политических процессах наметились выраженные тенденции к внедрению и использованию технологий искусственного интеллекта. Прикладные методы и инструменты влияния на общество, в основе которых лежат нейросетевые технологии и большие данные находятся на ранней стадии формирования, поэтому в этих условиях важно привлекать интерес общественности и органов власти к этой актуальной области.

Literature:

1. *Bisht P.* In Between Old and New, Local and Transnational: Social Movements, Hybrid Media and the Challenges of Making Memories Move // Social Movements, Cultural Memory and Digital Media. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 173–196.
2. *Fedorchenko S.N.* Artificial intelligence in politics, media space and public administration: reflections on a thematic portfolio // Journal of Political Research. - 2020. Т. 4. № 2. P. 3–9.
3. *Garvey C.* Sentiment analysis of the news media on artificial intelligence does not support claims of negative bias against artificial intelligence / C. Garvey, C. Maskal // OMICS: A Journal of Integrative Biology. 2020. Vol. 24. № 5. P. 286–299.
4. *Chen M.Y.* Modeling public mood and emotion: blog and news sentiment and politico-economic phenomena / M.Y. Chen et [al.] // Politics and Technology in the Post-Truth Era. Emerald Publishing Limited, 2019.
5. *Kane T. B.* Artificial Intelligence in Politics: Establishing Ethics // IEEE Technology and Society Magazine. 2019. Vol. 38. № 1. P. 72–80.
6. *Karami A.* Political popularity analysis in social media / A. Karami, A. Elkouri // International Conference on Information. Springer, Cham, 2019. P. 456–465.

7. *Krawatzek F.* Two centuries of flows between «here» and «there»: political remittances and their transformative potential / F. Krawatzek, L. Müller-Funk. 2020.

8. *Numerico T.* Politics and Epistemology of Big Data: A Critical Assessment // On the Cognitive, Ethical, and Scientific Dimensions of Artificial Intelligence. Springer, Cham, 2019. P. 147–166.

9. *Unver H.A.* Artificial intelligence, authoritarianism and the future of political systems // EDAM Research Reports. 2018.

7. *Krawatzek F.* Two centuries of flows between «here» and «there»: political remittances and their transformative potential / F. Krawatzek, L. Müller-Funk. 2020.

8. *Numerico T.* Politics and Epistemology of Big Data: A Critical Assessment // On the Cognitive, Ethical, and Scientific Dimensions of Artificial Intelligence. Springer, Cham, 2019. P. 147–166.

9. *Unver H.A.* Artificial intelligence, authoritarianism and the future of political systems // EDAM Research Reports. 2018.

Круглова Елена Леонидовна

кандидат социологических наук,
доцент департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
ELKruglova@fa.ru

Elena L. Kruglova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
ELKruglova@fa.ru

ГЕНДЕРНАЯ СТРУКТУРА ЗАНЯТЫХ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

GENDER STRUCTURE OF EMPLOYEES IN THE RUSSIAN ECONOMY

Аннотация. В статье выделяется ряд особенностей такой категории российских граждан как «занятые» с точки зрения гендерной социологии. Автором дается анализ следующих понятий: горизонтальная гендерная сегрегация занятых на рынке труда; проблема «стеклянного потолка»; гендерный разрыв в заработной плате; гендерные особенности сельского рынка труда и в качестве отдельного блока – гендерный аспект безработицы. Выводы автора подтверждаются данными официальной статистики.

Annotation. The article highlights a number of features of such a category of Russian citizens as «employed» from the point of view of gender sociology. The author analyzes the following concepts: horizontal gender segregation of the employed in the labor market; the problem of the «glass ceiling»; gender wage gap; gender characteristics of the rural labor market and, as a separate block, gender aspects of unemployment. The author's conclusions are confirmed by official statistics.

Ключевые слова: занятость, гендер, гендерные стереотипы, гендерная сегрегация, социальная стратификация, «стеклянный потолок», заработная плата, безработица.

Keywords: employment, gender, gender stereotypes, gender segregation, social stratification, «glass ceiling», wages, unemployment.

Гендерная проблематика занимает одно из ведущих мест среди всех социологических исследований в последнее десятилетие. Установлено взаимное влияние гендера и всех сфер жизни: политической, экономической, социальной и духовной. В XXI веке в России и мире формируется концепция «нового гендерного порядка», который закладывает основы гендерного равенства и равноправия. Остановимся на экономической сфере, выделив целью работы определение особенностей занятых в российской экономике с точки зрения гендерного анализа¹.

сформировалась даже в экономически развитых странах. В России мы также не достигли еще цели гендерного равенства на рынке труда, но, начиная с рубежа XX–XXI вв., заметно движение в этом направлении, что может подтверждать, например, развитие такого нового научного направления как гендерная экономика.

Подходов к изучению гендерной структуры занятых в экономике на данный момент выделяется большое количество. Можно отметить неоклассический подход; теорию инструментальных и экспрессивных ролей Т. Парсонса; феминистические концепции; конфликтную модель. Однако социологи, экономисты и психологи, занимающиеся проблемами асимметрии и места женщин и мужчин на рынке труда, все больше внимания уделяют концепции гендерного равенства, формирования у обоих полов модели поведения «и семья, и работа», когда оба партнера в равной степени занимаются развитием и внутрисемейных отношений, и выстраиванием своей карьеры. К сожалению, такая идеальная модель еще не конца

Рассмотрев теоретические (особенно статистические) разработки, документы и прикладные исследования по изучаемой проблематике, представляется целесообразным выделить основные блоки (сюжеты), характеризующие состояние современной гендерной структуры занятых в российской экономике, дабы представленный анализ носил более четкий и структурированный вид:

1. Сюжет

Наличие горизонтальной гендерной сегрегации. Иными словами, существование «женских» и «мужских» профессий и на российском, и на мировом рынке труда сохраняется. В таблице 1 в качестве примера представлены основные группы занятий (в соответствии с ОКЗ ОК 010-2014), в которых гендерный разрыв в нашей стране наиболее значительный.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 «Вызовы и риски

формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

В представленной выше таблице синим цветом выделены те группы занятий, в которых численное преимущество у мужчин, а розовым – у женщин. Как видно из данного анализа, «мужские» отрасли требуют не только больше физических усилий и возможностей, но и более высокого уровня квалификации и образования. Вывод рождает собой некое социально-экономическое противоречие:

– с одной стороны, женщины в силу физических и физиологических особенностей не могут и/или не

хотят претендовать на часть «мужских» профессий;

– но, с другой стороны, и мужчины не вступают в трудовые отношения в «женской» сфере, хотя никаких видимых препятствий этому не существует.

Соответственно, мы говорим о сохранении гендерных стереотипов в экономической сфере, которые глубоко укоренились в сознании россиян

Таблица 1

Занятое население (15–72 года) по группам занятий и наибольшей разнице в гендерном составе (тыс. чел.)

Группа занятий	2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Специалисты-техники в области науки и техники	2183	472	2226	471	2130	480
Средний медицинский персонал здравоохранения	209	2291	196	2330	216	2269
Работники сферы индивидуальных услуг	408	2099	406	2205	404	2183
Продавцы	904	4527	932	4648	999	4734
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	7766	1621	7914	1646	8016	1680
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	8078	1036	8151	994	8135	997
Прислуга и уборщики	62	1088	73	1095	72	1091

Источник: Федеральная служба государственной статистики [8].

2. Сюжет

Проблема «стеклянного потолка»: когда, достигая определенного профессионального уровня, карьера женщины останавливается, и при прочих равных условиях выбор делается в пользу

мужчины. Именно поэтому среди управленцев низшего и среднего звена в России преобладают женщины, а среди высшего – мужчины (табл. 2). Хотя, например, по общему количеству людей с высшим образованием, женщины намного опережают мужчин.

Таблица 2

Распределение по полу среди руководящих работников в России (тыс. чел.)

Группа занятий	2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Руководители	2951	2139	2877	2028	2767	1989
Специалисты высшего уровня квалификации	6328	10884	6449	11104	6454	11317
Специалисты среднего уровня квалификации	3752	5689	3797	5739	3768	5614
Неквалифицированные рабочие	3327	2984	3118	2861	3081	2747

Источник: Федеральная служба государственной статистики [8].

Как видно из статистических данных, представленных выше, мужчины в России преобладают в экстремумах: в позициях руководителей и в числе неквалифицированных рабочих, что позволяет прийти к следующему выводу:

– женщины чаще получают образование (высшее, среднее специальное), что позволяет им

занимать более высокие позиции по сравнению с неквалифицированными рабочими, среди которых преобладают мужчины. Однако при дальнейшем построении карьеры и повышении уровня профессионализма мужская карьерная лестница оказывается выше, и мужчины чаще достигают руководящих постов.

В подтверждении данного вывода приведем результаты исследования, проведенного компанией Deloitte, в котором было подсчитано количество женщин-СЕО (руководителей компаний), и оказалось, что каждая пятая компания в России функционирует под женским началом, что выше среднего показателя по миру в 4,5 раза. Однако была выявлена закономерность: чем «больше объем выручки компании, тем ниже процент женщин-СЕО» [1]. Также, если сравнивать удельный вес женщин-руководителей в России и развитой Европе, а не в целом по миру, то Россия сильно уступает Европейским государствам, где доля женщин-руководителей составляет 34,8 % (против 25 % в России). При этом в разных сегментах экономики доля женщин-СЕО различается в несколько раз. Максимум она достигает в сфере образования, где женщины руководят почти половиной всех компаний (42 %), а минимума – в сферах добычи полезных ископаемых, госсекторе и сфере обеспечения безопасности (по 6 %) [1].

3. Сюжет

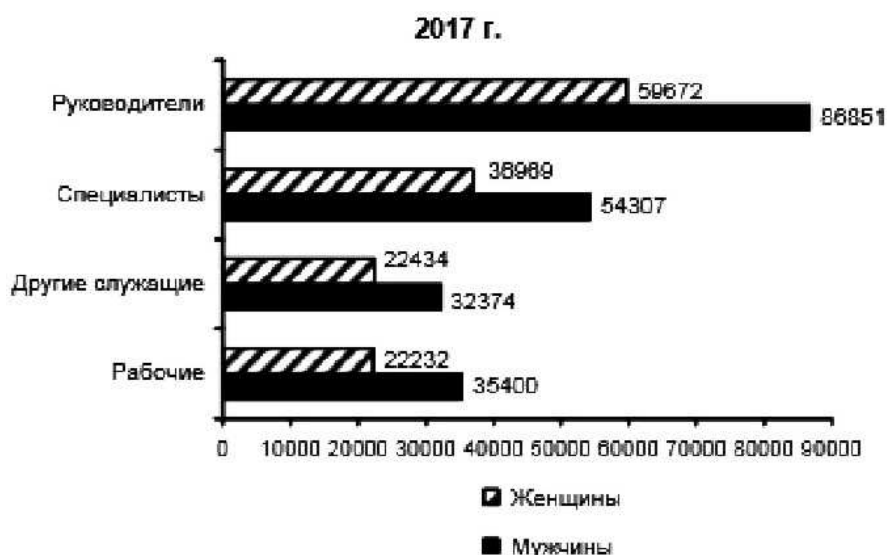

Рисунок 1 – Средняя начисленная заработная плата женщин и мужчин по категориям персонала (руб.)

Источник: Федеральная служба государственной статистики [8].

Данный рисунок, а также выше представленная информация о распределении работников по численности по категориям персонала позволяет сделать основополагающий вывод:

– учитывая, что количество мужчин, занятых в трудовой сфере, больше только в категориях «руководители» и «неквалифицированные рабочие», а средняя заработная плата выше во всех категориях, становится очевидным, что мужчины, в целом, зарабатывают больше женщин, что является одним из основных последствий гендерной асимметрии в сфере труда.

По сообщению заместителя гендиректора Международной ассоциации труда по вопросам политики в 2019 г. Деборы Гринфилд «разрыв в зарплатах за равноценный труд составляет в мире в среднем 27 % в пользу мужчин» [6]. Лидером антирейтинга выступил Пакистан, где разрыв свыше

Гендерный разрыв в заработной плате. В среднем по стране, эта разница составляет 27 % [3], но существуют региональные различия. Так, в Москве разрыв составляет «всего» 11 %, что близко к показателям Скандинавских стран и является удовлетворительным показателем. Объясняется гендерная разница в оплате труда возрастными периодами: в молодом и пожилом возрасте отличий в величине зарплаты почти нет, а вот в среднем возрасте (по сути, в самом работоспособном) она как раз велика. Причина в том, что женщины в это время часто уходят в декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком, а после их окончания и выхода на работу им приходится восстанавливать квалификацию, «нагонять» коллег-мужчин, у которых не было вынужденного перерыва в работе.

На рисунке 1 последние из официально представленных данные Росстата (за 2017 г.) о размере начисленной заработной платы среди представителей разных полов по категориям персонала.

35 %, а наиболее позитивные результаты демонстрируют Скандинавские страны (около 10 %). Соответственно, Россия с показателем на уровне 15 % имеет средние показатели.

4. Сюжет

Гендерные аспекты безработицы.

Несмотря на то, что безработные официально не входят в категорию занятых, в разрезе гендерного анализа важно обратиться к этой группе населения.

Количество зарегистрированных безработных женщин по официальным данным Росстата больше, чем мужчин (табл. 3), но при сравнении продолжительности безработицы по гендерным группам, женщин отличает больший период поиска работы, более длительный период

нахождения в безработице, который связан с дискриминацией на рынке труда и более пассивными способами поиска работы [2].

Еще одна особенность женской безработицы – принудительный характер со стороны мужа/партнера/семьи. В российском социуме до сих пор сильны патриархальные семейные традиции, где женщина выступает хранительницей семейного очага, а муж – добытчиком. Если прибавить необходимость отстранения от работы на время

рождения ребенка (детей) и первых лет его (их) жизни, то очерчивается широкий круг безработных домохозяек, многие из которых понизили свой социальный статус, уйдя с работы и сосредоточившись на семье и домашнем хозяйстве. Для сравнения: при равных возможностях лишь 2 % мужчин уходят в отпуск по уходу за ребенком.

Для анализа безработицы по возрастным группам обратимся к рисунку 2.

Таблица 3

Численность безработных по полу

	Всего тыс. человек	Средний возраст, лет
Безработные – всего		
2017	3969	36,4
2018	3658	36,1
Мужчины		
2017	2102	36,5
2018	1916	36,2
Женщины		
2017	1867	36,1
2018	1743	35,9

Источник: Федеральная служба государственной статистики [8].

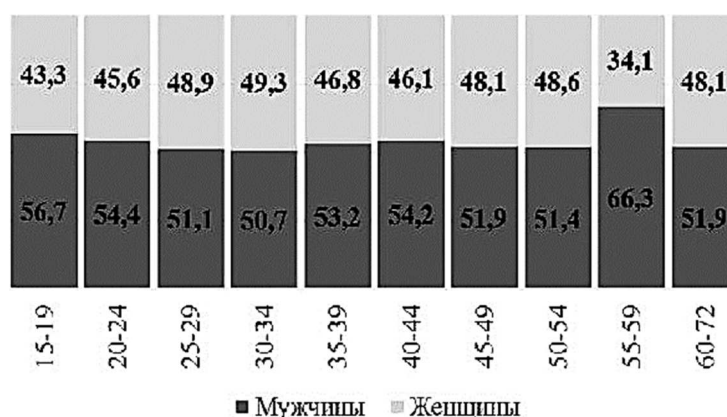

Рисунок 2 – Изменение структуры безработных по полу в разных возрастных группах (в % к общему числу безработных, 2018 г.)

Источник: Федеральная служба государственной статистики [8].

Как видно из представленного выше рисунка, во всех возрастных группах кроме 55–59 лет сохраняется общая картина соотношения процентов безработных среди мужчин и женщин. Период 55–59 лет выбивается из общей картины в силу того, что 55 лет – возраст выхода на пенсию у женщин в 2018 г. и, соответственно, многие из потерявших (ушедших) работу женщин получили статус пенсионеров и перестали искать новое рабочее место. Можно предположить, что с увеличением возраста выхода на пенсию в связи с пенсионной реформой в России, данный график изменит свою картину с 2019–1920 гг. и сдвинется на возрастной промежуток 60–72 года.

Отдельно необходимо отметить аспект, затрагивающий безработицу не только как частное явление, но и весь рынок труда в России – низкий спрос на женскую рабочую силу. В России 54 % работодателей считают женщин менее ценными работниками по сравнению с мужчинами, и 40 % не заинтересованы в привлечении женщин к

работе в своих организациях [4]. Как итог – разрыв в предложении и спросе на женскую рабочую силу, что увеличивает процент женской безработицы и является характерной чертой рынка труда в современной России.

5. Сюжет

Особняком стоит вопрос *гендерной асимметрии на рынке труда в сельском социуме*. Называются как общие причины гендерной дискриминации (например, предпочтение работодателей принимать на работу мужчин и более высокий риск увольнения женщин, негативное отношение к женщинам-работницам из-за возможных декретных отпусков, больничных по уходу за ребенком и т.д.), а также, специфические – характерные именно для сельской местности (например, отсутствие социальных программ по интеграции сельских женщин в трудовую деятельность, создание дополнительных рабочих мест, низкий уровень образования на селе и меньшие

5. Пекинская декларация. Пекин, 04–15 сентября 1995. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения 01.10.2020).

6. Разница в зарплатах мужчин и женщин в мире. URL : <https://news.ru/society/raznica-v-zarplatah-muzhchin-i-zhenshin-v-mire-sostavila-27/> (дата обращения 15.09.2020).

7. *Русановский В.А.* Гендерная структура занятости сельского населения России / В.А. Русановский, Т.В. Блинова, А.А. Вяльшина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 3. С. 42–50.

8. Федеральная служба государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru>

9. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. Организация объединенных наций. URL : <https://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (дата обращения 01.10.2020).

5. Beijing Declaration. Beijing, September 04–15, 1995. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (date of application 01.10.2020).

6. The difference in salaries of men and women in the world. URL : <https://news.ru/society/raznica-v-zarplatah-muzhchin-i-zhenshin-v-mire-sostavila-27/> (date of application 15.09.2020).

7. *Rusanovsky V.A.* Gender structure of employment of the rural population of Russia / V.A. Rusanovsky, T.V. Blinova, A.A. Vyalshina // Bulletin of the Saratov State Social and Economic University. № 3. 2015. P. 42–50.

8. Federal State Statistics Service. URL : <https://rosstat.gov.ru/>

9. Millennium Development Goals: Report 2015. United Nations. URL : <https://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (date of application 01.10.2020).

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
t.sm.2019@bk.ru

**ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА
В МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА**

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в период самоизоляции пандемии коронавируса. Авторами были определены показатели, влияющие на уровень работоспособности. Был проведен сравнительный анализ показателей, влияющих на работоспособность у преподавателей медицинского университета с учетом гендерных различий, а также стажем преподавания в высшем учебном заведении. Выборка исследования составила 700 преподавателей 65 кафедр Астраханского государственного медицинского университета, из них 270 мужчин и 330 женщин. Авторами установлено, что для преподавателей со стажем 3–5 лет и 5–10 лет, фактором, снижающим работоспособность, являются: для женщин и для мужчин – проверочная работа. Для преподавателей со стажем 10–15 лет, мужчины преподаватели испытывают напряжение зрения, женщины – утомляемость от гаджетов.

Ключевые слова: преподаватели вуза; дистанционное обучение; гендер; дистанционные образовательные технологии; профессорско-преподавательский состав; гендерные различия; раздражители.

Alia S. Kubekova

Senior lecturer of the Departments
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Physics, Mathematics
and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
t.sm.2019@bk.ru

**DISTANCE WORK
AT A MEDICAL UNIVERSITY:
GENDER DIFFERENCES
OF UNIVERSITY TEACHERS**

Annotation. The article presents the results of a sociological study conducted during the period of self-isolation of the coronavirus pandemic. The authors have identified indicators that affect the level of performance. A comparative analysis of the performance indicators affecting the performance of teachers of a medical university was carried out, taking into account gender differences, as well as teaching experience at a higher educational institution. The study sample consisted of 700 teachers from 65 departments of the Astrakhan State Medical University, of which 270 are men and 330 are women. The authors found that for teachers with an experience of 3–5 years and 5–10 years, the factor that reduces performance is: for women and for men – test work. For teachers with 10–15 years of experience, male teachers experience eye strain, women – fatigue from gadgets.

Keywords: university teachers; distance learning; gender; distance learning technologies; teaching staff; gender differences; irritants.

Введение. Вопросы гендерного состава преподавателей вузов рассматриваются в различных аспектах в многочисленных работах [6, 9]. В Декларации ЮНЕСКО «Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры» отмечается, что при разработке стратегий в области научных исследований и высшего образования необходимо учитывать гендерные аспекты во всех учебных дисциплинах [1, 2, 3]. Кафедры наполнили образовательный портал сайта вуза записями видеорежима лекций, вебинаров, презентаций учебных материалов, учебными пособиями и рекомендациями, тестовыми заданиями и ситуационными задачами [4, 10]. Профессорско-преподавательский состав медицинского университета активно использовали различные формы дистанционного обучения – социальные сети, различные мессенджеры и основные образовательные платформы (zoom, WhatsApp, email, skype и др.) для взаимодействия с обучающимися, а также немедленного получения обратной связи [5, 7, 8]. Представляет особый интерес изучение гендерных аспектов преподавателей вуза в период дистанционного обучения, так как на сегодняшний день нет исследований, посвященных изучению факторов, влияющих на степень раздражения и уровень работоспособности преподавателей при дистанционном формате обучения в период самоизоляции, поэтому была проведена исследовательская работа с целью совершенствования дистанционного образования.

Цель исследования состояла в изучении гендерных различий и показателей, влияющих на работоспособность у преподавателей, работающих дистанционно.

Материалы и методы. Социологическое исследование было проведено в июне 2020 года в ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет» Минздрава России. Выборка исследования составила 700 преподавателей 65 кафедр Астраханского государственного

медицинского университета, из них 270 мужчин и 330 женщин. Стаж работы преподавателей вуза не менее 3-х лет (3–5 лет; 5–10 лет; 5–15 лет; свыше 15 лет). Основными методами исследования были: анализ научной литературы и анкетирование. Профессорско-преподавательскому составу была предложена анкета «Факторы, влияющие на степень раздражения у преподавателей, работающих в дистанционном режиме», включающая 33 вопроса (23 вопроса закрытого типа, 7 вопросов полукрытого типа и 3 открытых вопроса). Анкета включает несколько блоков, которые направлены на раскрытие психосоматических проблем, возникающих в период самоизоляции. Анкета была создана при помощи Microsoftforms, распространялась с помощью корпоративной электронной почты каждой кафедры. Результаты социологического исследования были подвергнуты качественному и количественному анализу. Результаты исследования представлены в рисунках.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного анкетирования у преподавателей со стажем 3–5 лет было отмечено следующее (рис. 1): мужчины отрицательными факторами при дистанционной форме обучения считают проверочную работу (67,0 %), у женщин раздражающими факторами – проверочная работа (56,0 %) и увеличенный рабочий день (52,0 %). Следует отметить, что время для проверочной работы в удаленном режиме увеличилось, что сказывается на работоспособности преподавателей.

Из числа опрошенных педагогических работников со стажем 5-10 лет у мужчин было отмечено, что проверочная работа (77,0 %) является негативным фактором, у женщин зафиксировано нерациональность времени (74,0 %) и проверочная работа (76,0 %) (рис. 2). То есть преподаватели со стажем 5–10 лет фактором снижения работоспособности фиксируют повышенную утомляемость от проверочной работы.

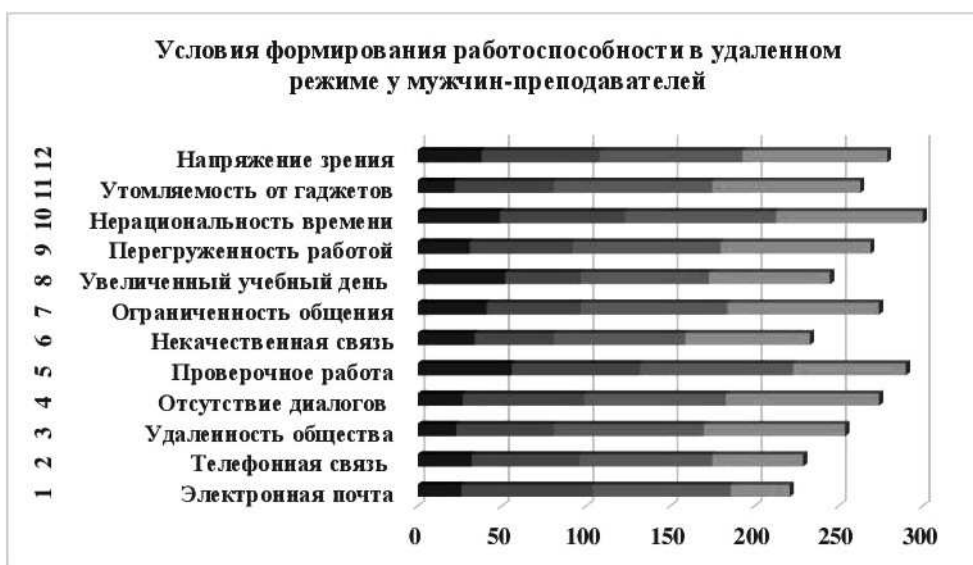

Рисунок 1 – Показатели, влияющие на работоспособность в удаленном режиме у преподавателей (муж.) (%)

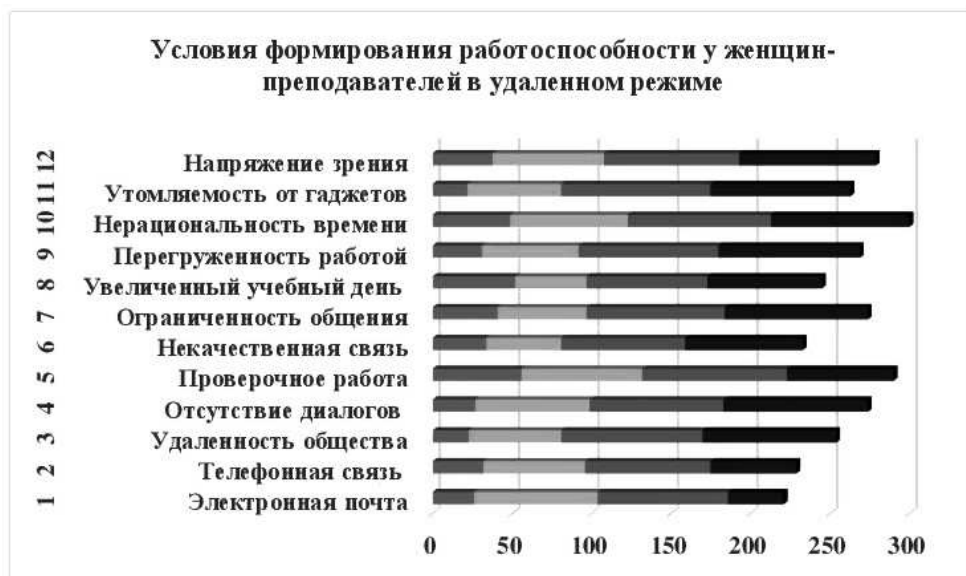

Рисунок 2 – Показатели, влияющие на работоспособность в удаленном режиме у преподавателей (жен.) (%)

Категория мужчин-преподавателей медицинского университета со стажем 10–15 лет считают фактором, снижающим эффективность работоспособности – напряжение зрения (94,0 %) и утомляемость от гаджетов (92,0 %). Женщины-преподаватели со стажем 10–15 лет раздражаются от нерациональности времени (90,0 %) в удаленном режиме работы. Преподаватели-мужчины со стажем свыше 15 лет испытывают максимальный дискомфорт в отсутствии диалогов (92,0 %) и в ограниченности общения (94,0 %). Преподаватели-женщины испытывают аналогичные стрессы (91 %) и (90 %) соответственно, при образовательном процессе.

Литература:

1. *Дадаева Т.М.* Гендерная структура образования в Российском обществе // Интеграция образования. 2006. № 2. С. 51–56.
2. Гендерная стратегия Российской Федерации. Министерство труда и социального развития Российской Федерации. М., 2002. URL : <http://www.owl.ru/win/docum/index.htm> (дата обращения 09.11.2018).
3. *Дмитриева Е.Н.* Содержание оценки качества дистанционного обучения в вузе / Е.Н. Дмитриева, Г.В. Курицына // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23913> (дата обращения 29.09.2020).
4. *Касьяненко Е.Ф.* Дистанционное и мобильное обучение в медицинских вузах: проблемы и перспективы / Е.Ф. Касьяненко, Л.Н. Рубцова, И.Д. Димов, В.Ю. Богомолова // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29216> (дата обращения 29.09.2020).

Заключение. По результатам проведенного анкетного опроса, в зависимости от гендерного фактора и стажа работы в вузе у преподавателей со стажем 3–5 лет и 5–10 лет, фактором, снижающим работоспособность, являются: для женщин – проверочная работа. Для преподавателей со стажем 10–15 лет, мужчины преподаватели испытывают напряжение зрения, женщины – утомляемость от гаджетов. С целью снижения негативных факторов у преподавателей, необходимо организовать образовательный процесс с учетом выявленных показателей и подключения соответствующих служб поддержки для лиц, работающих дистанционно.

Literature:

1. *Dadaeva T.M.* Gender structure of education in the Russian society // Integration of education. 2006. № 2. P. 51–56.
2. Gender strategy of the Russian Federation. Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation. Moscow, 2002. URL : <http://www.owl.ru/win/docum/index.htm> (date of application 09.11.2018).
3. *Dmitrieva E.N.* The content of the assessment of the quality of distance learning at the university / E.N. Dmitrieva, G.V. Kuritsyna // Modern problems of science and education. 2015. № 6. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23913> (date of application 09/29/2020).
4. *Kasyanenko E.F.* Distance and mobile learning in medical universities: problems and prospects / E.F. Kasyanenko, L.N. Rubtsova, I.D. Dimov, V.Yu. Bogomolova // Modern problems of science and education. 2019. № 5. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29216> (date of application 09/29/2020).

5. *Клименских М.В.* Особенности восприятия дистанционного обучения студентами и преподавателями вуза / М.В. Клименских, Н.А. Корепина, А.С. Шека, О.С. Виндекер // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 1. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27421> (дата обращения 24.10.2020).
6. *Куликова Е.В.* Анализ факторов, сопутствующих дистанционному обучению в вузе // *Вестник СИБИТа*. 2017. № 4 (24). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-soputstvuyuschih-distantsionnomu-obucheniyu-v-vuze> (дата обращения 24.10.2020).
7. *Кручинин М.В.* Гендерные различия студентов университета в работе с электронными методическими материалами при изучении гуманитарных дисциплин / М.В. Кручинин, Г.А. Кручинина // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 6. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28333> (дата обращения 15.11.2020).
8. *Марчук Н.Ю.* Психолого-педагогические особенности дистанционного обучения // *Педагогическое образование в России*. 2013. № 4. С. 75–85.
9. *Пугач В.Ф.* Гендерный состав преподавателей российских вузов // *Высшее образование в России*. 2015. № 12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-sostav-prepodavateley-rossiyskih-vuzov> (дата обращения 15.11.2020).
10. *Шелудько Ю.Е.* Отношение преподавателей разных возрастных групп к дистанционному обучению как фактор, влияющий на успешность его внедрения в учебный процесс // *Вестник КГПУ имени В.П. Астафьева*. 2015. № 4 (34). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-prepodavateley-raznyh-voznrastnyh-grupp-k-distantsionnomu-obucheniyu-kak-faktor-vliyayuschiy-na-uspeshnost-ego-vnedreniya-v> (дата обращения 24.10.2020).
5. *Klimenskikh M.V.* Features of the perception of distance learning by students and university teachers / M.V.Klimenskikh, N.A. Korepina, A.S. Sheka, O.S. Vindeker // *Modern problems of science and education*. 2018. № 1. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27421> (date of application 10/24/2020).
6. *Kulikova E.V.* Analysis of the factors accompanying distance learning at the university // *Vestnik SIBIT*. 2017. № 4(24). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-soputstvuyuschih-distantsionnomu-obucheniyu-v-vuze> (date of application 10/24/2020).
7. *Kruchinin M.V.* Gender differences of university students in working with electronic teaching materials in the study of humanitarian disciplines / M.V. Kruchinin, G.A. Kruchinina // *Modern problems of science and education*. 2018. № 6. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28333> (date of application 11/15/2020).
8. *Marchuk N.Yu.* Psychological and pedagogical features of distance learning // *Pedagogical education in Russia*. 2013. № 4. P. 75–85.
9. *Pugach V.F.* Gender composition of teachers in Russian universities // *Higher education in Russia*. 2015. № 12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-sostav-prepodavateley-rossiyskih-vuzov> (date of application 15.11.2020).
10. *Sheludko Yu.E.* The attitude of teachers of different age groups to distance learning as a factor influencing the success of its implementation in the educational process // *Bulletin of KSPU im. V.P. Astafieva*. 2015. № 4(34). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-prepodavateley-raznyh-voznrastnyh-grupp-k-distantsionnomu-obucheniyu-kak-faktor-vliyayuschiy-na-uspeshnost-ego-vnedreniya-24-v> (date of application 24.10.2020).

Ляшенко Виктория Сергеевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры высшей математики,
МИРЭА – Российский
технологический университет
vitos25@bk.ru

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИКИ

Аннотация. Статья посвящена преимуществам и недостаткам дистанционного обучения при изучении математики. В работе использованы методы аналитического, сравнительного, ретроспективного, графического, статистического исследования. Автором осуществлен исторический экскурс в становление и развитие модели дистанционного образования в России. Определена специфика реализации дистанционных технологий обучения при освоении дисциплины «Математика». Организован опрос, посвященный субъективной оценке эффективности дистанционного обучения при изучении математики. Определены ключевые проблемы, преимущества, недостатки дистанционного обучения для студентов, изучающих математические дисциплины.

Ключевые слова: математика, цифровизация, Covid-19, дистанционное образование, дистанционные технологии, МИРЭА.

Масштабизация Covid-19 детерминировала принципиально новые условия функционирования общественных институтов, трансформировав мировое социально-экономическое пространство и интенсифицировав цифровизацию человеческого бытия. Особенно радикально современная реальность реорганизовала образовательную систему, вытеснив традиционную дидактическую концепцию знаний и сконструировав принципиально новые мировоззренческие парадигмы. Виртуализация взаимодействия преподавателя и студента, с одной стороны, проиллюстрировала устоявшиеся структурные проблемы классических форм обучения, а с другой стороны, значительно расширила образовательные возможности и инструментарии [1].

Официально появление дистанционного обучения в России датируется 1997 г., что зафиксировано в Приказе Минобрнауки РФ от 30.05.1997 № 1050 «О проведении эксперимента в области дистанционного образования». Однако, как свидетельствуют исторические справки, модель дистанционного образования в России разработана еще в 1917 году по инициативе русских ученых и общественных деятелей. В исследуемый период времени дистанционное обучение реализуется, главным образом, в форме «корреспондентского

Victoria S. Lyashenko
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Higher Mathematics,
MIREA – Russian Technological University
vitos25@bk.ru

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF DISTANCE LEARNING IN STUDYING MATH

Annotation. The article is devoted to the advantages and disadvantages of distance learning in the study of mathematics. Methods of analytical, comparative, retrospective, graphic, statistical research were used in the work. A historical excursion into the formation and development of the model of distance education in Russia is carried out. The specificity of the implementation of distance learning technologies in the development of the discipline «Mathematics» is determined. A survey was organized on the subjective assessment of the effectiveness of distance learning in the study of mathematics. The key problems, advantages, disadvantages of distance learning for mathematics students are determined.

Keywords: mathematics, digitalization, Covid-19, distance education, distance technologies, MIREA.

обучения» и «обучения по переписке». Начало 60-х годов XX в. – начало 90-х годов XX в. ознаменовалось внедрением новых методик дистанционного обучения, активным распространением звуковых учебных пособий для общеобразовательной и высшей школы. В 1990-е годы с развитием информационных и компьютерных технологий (электронная почта, видео- и аудио конференц-связи и т.п.) дистанционное обучение прогрессирует до возможности двустороннего взаимодействия преподавателя и студента, что обеспечивается использованием многоцелевых сайтов. В 1993 г. развитие дистанционного обучения в России приобретает новый импульс, что детерминировано учреждением некоммерческой организации «Ассоциация Международного Образования», деятельность которой направлена на координацию и синергию усилий по интеграции информационных технологий в систему высшего образования. Колоссальная работа по педагогическому обеспечению цифровизации вузов осуществляется Российской академией образования (РАО) и функционирующей при ней лабораторией дистанционного обучения Института общего и среднего образования РАО. Специалистами лаборатории смоделирован ряд инновационных педагогических технологий, разработаны современ-

ные инструменты и методики дистанционного обучения, систематически формируются учебные пособия для педагогических вузов и т.д.

Согласно ключевым положениям законодательства РФ о дистанционном обучении, реализация в учебном процессе дистанционных образовательных технологий служит фундаментальным условием жизнеспособности системы образования и ее адаптации к новой социально-экономической, демографической и эпидемиологической обстановке. Дистанционное обучение – это инновационная модель обучения, способствующая персонализации, динамизации и максимизации гибкости обучения, осуществляемая на психолого-педагогическом, кибернетическом и информационном уровнях. В рамках обучения математическим дисциплинам дистанционные образовательные инструменты призваны интенсифицировать развитие математических способностей, компетенций и абстрактного теоретического мышления. Формы реализации дистанционного образования в математике многообразны и многовариантны: онлайн-приложения, моделирующие и демонстрационные программы, мультимедиа и программы виртуальной реальности, тренажеры и т.п. Приоритетное преимущество дистанционного формата заключается в интерактивности, высоко доступности, дифференциации обучения. В математике дистанционные технологии способствуют концептуализации содержания учебного курса, минимизируя, при этом, соответствующие временные издержки. Интерактивная программная среда обеспечивает высокую концентрацию внимания обучающихся на навыках более высокого уровня (автономность в принятии решений, неординарность подхода и т.д.), нежели простые вычисления [3].

Дистанционное обучение кардинально трансформирует роль и содержание деятельности преподавателя в рамках новых образовательных стратегий. В современных условиях центральная задача преподавателя математики:

- продемонстрировать место математической и методико-математической подготовки в собственной профессиональной компетентности;
- сформировать индивидуальную образовательную траекторию и навыки автономного/самоуправляемого обучения у учащихся;
- стимулировать вовлеченность обучающихся в учебно-познавательную деятельность.

При дистанционной форме обучения значимость преподавателя значительно масштабируется, а его функции становятся шире. Преподаватель из транслятора знаний эволюционирует в координатора учебного процесса, консультанта, руководителя учебными проектами, новатора, модернизатора.

Для выявления основополагающих достоинств и недостатков дистанционного обучения при изучении математики автором статьи организован опрос, цель которого – определение отношения обучающихся к опыту дистанционного обучения.

Опрос осуществлялся в виде стандартизированного интервью (анкетирование) в сентябре 2020 года. В качестве респондентов выступили 50 студентов МИРЭА – Российский технологический университет. Следует отметить, что дистанционное обучение в карантинный период осуществлялось на платформе Webinar.ru. Преподавателем (автором исследования) были обеспечены все необходимые педагогические условия дистанционного обучения студентов, изучающих математические дисциплины:

- 1) учебный процесс организован с учетом индивидуальных особенностей и потребностей студентов;
- 2) учебно-познавательная деятельность направлена на формирование профессиональных компетенций, в связи с чем, в ходе лекционных занятий, лабораторных работ и тестовых заданий применены современные информационно-коммуникационные технологии;
- 3) педагогическая деятельность преподавателя ориентирована на формирование у обучающихся навыков исследовательской, проектной и инновационной деятельности;
- 4) осуществлен систематический мониторинг и оценка результатов образовательной, проектной, инновационной деятельности;
- 5) смоделировано единое коммуникационное пространство для эффективного взаимодействия участников образовательного процесса [4].

Как видно из рисунка, дистанционная форма обучения для респондентов является более результативной по одновременно нескольким критериям:

- объективность оценки – в традиционной форме обучения преобладает человеческий фактор, оценка успеваемости студента может варьироваться в зависимости от личностного отношения преподавателя к обучающемуся;
- эффективность образовательного процесса – как отметили опрошенные, традиционная форма обучения обладает разноуровневостью содержания образовательного процесса и рычагами влияния на незаинтересованных слушателей. При этом дистанционное обучение позволяет персонально настраивать информационную среду и индивидуализировать темп учебного процесса;
- индивидуальность подхода к обучающимся – здесь предпочтения студентов отданы дистанционной форме обучения, предполагающей дифференцированный подход к обучающимся, вариативность в построение учебного материала, а также, возможность формирования персонализированных образовательных маршрутов освоения содержания учебного курса;
- уровень самомотивации к обучению – по мнению респондентов, большой объем самостоятельной работы, образовавшийся при дистанционном обучении, стимулирует к самодисциплине, самоконтролю и ориентации на самообразование;

– качество коммуникации с преподавателем – при дистанционной форме обучения отсутствует живая реакция аудитории, теряется прямой личный

контакт преподавателя и студента, снижается качество коммуникационного процесса.

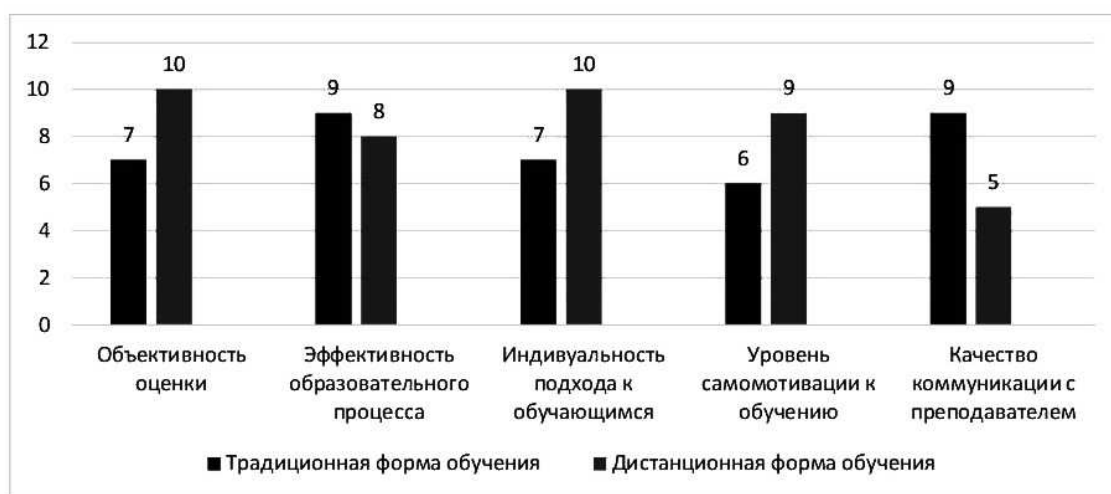

Рисунок 1 – Результаты анкетирования студентов «МИРЭА – Российский технологический университет», баллы

Сравнительный анализ традиционной и дистанционной форм обучения демонстрирует неготовность студентов к полному переходу в цифровое пространство. Несмотря на безапелляционные преимущества дистанционного обучения (повышение мотивации к непрерывному самообучению, объективность выставляемых преподавателем оценок, индивидуальный подход, гибкость организационной структуры и интенсификация процесса обучения математике, активизация творческого мышления, технологические возможности и т.д.), оно, безусловно, остается эрзацем, суррогатом традиционного образования. Серьезными барьерами, препятствующими переводу российской системы высшего образования на дистанционные рельсы, являются – невозможность полноценной компенсации живого присутствия преподавателя, отсутствие социализирующей и воспитательной функций, сложность наращивания социального капитала и усвоения правил профессиональных поведенческих стратегий. Проблемы, связанные с применением дистанционных технологий в обучении математиков, можно дифференцировать на несколько ключевых групп [5]:

1) содержательные – выбор архитектуры дистанционного ресурса, систематизация и структурирование теоретической части учебного курса, выбор инструментов для проецирования математической информации;

2) психоло-педагогические – учет индивидуальных психофизиологических особенностей студентов и конструирование персонализированных программ;

3) организационные – отсроченный диалог; ограниченность способов оперативной демонстрации решений (к примеру, написание математических формул существенно быстрее написать на доске, чем набрать на компьютере).

Таким образом, в настоящий период времени полномасштабный переход российского образования, в целом, и математических факультетов, в частности, на дистанционное обучение не целесообразен и не возможен по вышеизложенным объективным и субъективным причинам. Оптимальным вариантом представляется коллаборативная форма образования – корреляция традиционных и дистанционных подходов к обучению. При коллаборативном обучении до 40 % времени обучающийся тратит на дистанционные формы обучения, еще 40 % на очные и 20 % на самообразование [2]. Перспективы дальнейшего исследования проблемы автор видит в организации полномасштабного педагогического эксперимента, посвященного объективной оценке эффективности дистанционного образования для студентов, изучающих математические дисциплины.

Литература:

1. Гончарова З.Г. Дистанционное обучение как инновационная модель преподавания математики в высшей школе // Педагогика и психология образования. 2019. № 4. С. 95–103.
2. Карпова Л.И. О применении дистанционных образовательных технологий / Л.И. Карпова, Д.А. Никитин // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2018. № 191. С. 105–109.

Literature:

1. Goncharova Z.G. Distance learning as an innovative model of teaching mathematics in higher education // Pedagogy and psychology of education. 2019. № 4. P. 95–103.
2. Karpova L.I. On the use of distance educational technologies / L.I. Karpova, D.A. Nikitin // Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. 2018. № 191. P. 105–109.

3. *Карякин А.М.* Анализ применения дистанционных образовательных технологий в высшем профессиональном образовании / А.М. Карякин, Е.О. Грубов // Вестник ИГЭУ. 2019. № 1. С. 3–10.

4. *Скворцов А.А.* Педагогические условия дистанционного обучения студента в наукоемкой образовательной среде : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2015. 26 с.

5. *Снегурова В.И.* Проблемы и ограничения дистанционного обучения математике // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 53. С. 57–60.

3. *Karyakin A.M.* Analysis of the use of distance educational technologies in higher professional education / A.M. Karyakin, E.O. Grubov // Bulletin of ISEU. 2019. № 1. P. 3–10.

4. *Skvortsov A.A.* Pedagogical conditions of distance learning of a student in a knowledge-intensive educational environment : abstract dis. ... cand. of pedagogical sciences. Tambov, 2015. 26 p.

5. *Snegurova V.I.* Problems and Limitations of Distance Learning in Mathematics // Bulletin of the Novgorod State University. Yaroslav the Wise. 2019. № 53. P. 57–60.

Московцева Евгения Александровна

кандидат социологических наук,
кафедра социальной работы и психологии,
социальный работник,
Тихоокеанский
государственный университет
Moskea@list.ru

Evgenia A. Moskovtseva

Candidate of Social Sciences,
Department of Social work and Psychology,
Social worker,
Pacific State University
Moskea@list.ru

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся
СОЦИУМЕ**

**SOCIALIZATION OF TEENAGERS
IN A TRANSFORMING SOCIETY**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социализации современных подростков в условиях трансформации общества. Раскрыты основные тенденции трансформации общества в современном мире. Показано, что трансформация современного общества ведет к изменению общесоциальных детерминант, агентов и институтов социализации современных подростков. Особое внимание уделено информатизации общественной жизни, под влиянием которой повышается роль виртуальной среды и виртуальной коммуникации как условия социализации современных подростков. Раскрыто социализирующее влияние виртуальной среды Интернет на процессы социализации подростков в современном мире.

Annotation. The article deals with the problems of socialization of modern teenagers in the conditions of transformation of society. The main trends in the transformation of society in the modern world are revealed. It is shown that the transformation of modern society leads to changes in the General social determinants, agents and institutions of socialization of modern adolescents. Special attention is paid to the Informatization of public life, which increases the role of the virtual environment and virtual communication as a condition for socialization of modern teenagers. The article reveals the socializing influence of the Internet virtual environment on the processes of socialization of teenagers in the modern world.

Ключевые слова: социализация, агенты социализации, трансформация социума, подростки.

Keywords: socialization, agents of socialization, transformation of society, teenagers.

Проблема социализации подростков не теряет своей актуальности, а в условиях трансформации современного социума приобретает новую специфику. Социальная ситуация развития современных подростков характеризуется, с одной стороны быстрым темпом социально-экономического развития, ростом производства и науки, информатизацией общественных и производственных отношений, появлением новых профессий и специальностей. С другой стороны для современного социума характерны негативные тенденции, которые связаны со снижением уровня жизни многих российских семей, с размытостью и противоречивостью общественных норм и ценностей, с ростом негативных социальных явлений, таких как неблагополучие семьи, рост насилия, виртуализация общения, негативное влияние СМИ и много другое. Указанные макро-социальные факторы выступают в качестве общесоциальных детерминант социализации современных подростков.

включение их в субъективное поле личности» [5, с. 43]. Категориальный аппарат, раскрывающий процесс социализации подростков, включает такие понятия, как общесоциальные детерминанты, социальные институты, социально-психологические механизмы и агенты социализации, которые в современном трансформирующемся социуме имеют свою специфику.

Понятие социализации в самом общем виде определяется как сложный, многофакторный и многовекторный процесс взаимодействия личности и общества. Социализация представляет собой «активный процесс присвоения общественного опыта, социальных норм и ценностей,

Социализация подростков опосредована критическим характером протекания подросткового этапа онтогенеза. Основными возрастными новообразованиями подросткового возраста являются развитие самосознания, рефлексии, профессиональное и личностное самоопределение, формирования жизненных планов и целей (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, И.С. Кон, С.Л. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн и др.). Начиная с подросткового возраста, ведущую роль начинают играть процессы индивидуализации, при которых личность подростков становится субъектом жизнедеятельности, самоопределяется и вырабатывает личностную позицию. К подростковому возрасту процессы индивидуализации и социализации «пересекаются, интенсивно развиваются, осуществляется их оптимальное взаимодействие» [5, с. 43]. Анализируя особенности

социализации современных подростков, прежде всего, отметим роль средств массовой коммуникации. С.И. Неделько отмечает, что «доминируя в социокоммуникативной среде, средства массовой коммуникации вытесняют другие социальные институты, участвующие в формировании культуры, ценностно-мотивационной сферы, поведенческих установок подростков» [3, с. 62]. Особую роль в этом процессе играет коммуникативное пространство сети Интернет, формируемое многочисленными сетевыми сообществами. К.А. Путиловой виртуальное пространство сети Интернет рассматривается как условие «социализации в обществе – усвоении индивидами ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу» [4, с. 19]. Современное общество под влиянием Интернета подвергается культурным и психологическим изменениям, которые ведут к изменению потребностей и взглядов современных подростков, под влиянием которых происходит формирование новых социальных групп, отражаемых в новом мире современных цифровых технологий [2].

Особое место среди социально-психологических механизмов социализации отводится референтной группе сверстников, которые все чаще

Литература:

1. *Бессарабова И.С.* Молодежные субкультуры за рубежом : учебно-методич. пособие для студентов высших учебных заведений / И.С. Бессарабова, Е.А. Глебова, Н.Е. Воробьев. Волгоград : Издательство Волгоградского филиала РАН-ХиГС, 2014. 192 с.
2. *Войскунский А.Е.* Психология и Интернет. М. : Акрополь, 2010. 439 с.
3. *Неделько С.И.* Влияние средств массовой коммуникации на структуру потребностей российской молодежи: региональный аспект / С.И. Неделько, А.В. Осташков, В.Н. Ретинская // *Общественные науки. Социология.* 2012. № 2(22). С. 61–70.
4. *Путилова Е.А.* Интернет как фактор формирования информационного общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2004. 27 с.
5. *Сулимина О.В.* Личностное развитие в период перехода от детства к взрослости в различных условиях социализации (в семье и вне семьи) : дис. ... канд. психолог. наук. М., 2016. 241 с.

формируются не в реальном пространстве жизнедеятельности подростков, а в сети Интернет. Поэтому можно констатировать, что в настоящее время наблюдается рост числа агентов социализации сетевого пространства Интернет, модификация исполняемых ими ролей, расширение возможностей для социализируемого подростка самому выбирать предпочтительных агентов социализации. Агентами социализации в этом случае выступают многочисленные социальные группы сети Интернет, сформированные под влиянием молодежных субкультур. Так, например, описывая представителей молодежной субкультуры эмо, исследователи пишут, что «одиночество, замкнутость и отсутствие взаимопонимания с окружающими сделали эмо-кидов идеальными пользователями многочисленных Интернет-сайтов» [1, с. 84].

Итак, особенности социализации подростков в современном обществе, глубокие трансформации которого происходят под влиянием информатизации общественной жизни, связаны, прежде всего, с виртуализацией социальной среды, которая является информационным эквивалентом внешней реальности и выступает в качестве условия социализации.

Literature:

1. *Bessarabova I.S.* Youth subcultures abroad: educational and methodical. manual for students of higher educational institutions / I.S. Bessarabova, E.A. Glebova, N.E. Vorobyov. Volgograd: Publishing house of the Volgograd branch of Ranepa, 2014. 192 p.
2. *Voiskunsky A.E.* Psychology and the Internet. M. : Akropol, 2010 439 p.
3. *Nedelko S.I.* Influence of mass communication media on the structure of needs of Russian youth: regional aspect / S.I. Nedelko, A.V. Ostashkov, V.N. Retinskaya // *Social Sciences. Sociology.* 2012. № 2(22). P. 61–70.
4. *Putilova E.A.* Internet as a factor in the formation of the information society : abstract of dis. ... cand. social sciences. Tyumen, 2004. 27 p.
5. *Sulimina O.V.* Personal development during the transition from childhood to adulthood in various conditions of socialization (in the family and outside the family) : dis. ... cand. psychological sciences. M., 2016. 241 p.

Начкебия Майя Севериановна
старший преподаватель кафедры
социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
nachkebiya@bsu.edu.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ВУЗЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Аннотация. Представленная статья посвящена проблемам организации процесса управления в высшем учебном заведении. Автор провел анализ влияния информации на управление вузом и на роль информационно-коммуникационных систем в разработке и принятии управленческих решений. Фиксация большого числа данных, касающихся в целом системы управления вузом и отдельных ее сегментов, требует создания единой автоматизированной базы данных. Было отмечено, что информационно-коммуникационная система способна обеспечить условия для повышения эффективности обмена информационными ресурсами между структурными подразделениями вуза.

Ключевые слова: информация, информационно-коммуникационные системы, управление вузом, процесс, управленческие решения.

Независимо от организационной и правовой формы, деятельность любой организации основывается на реализации функций управления, при этом особая роль отводится разработке и принятию управленческих решений. Традиционно, под управленческим решением мы понимаем «процесс и результат оптимального выбора из множества альтернативных вариантов, осуществляемого на основе системы критериев, зачастую, в условиях неопределенности» [4, с. 208].

Анализ научной литературы позволил выявить, что обобщенно профессиональная деятельность человека состоит из двух компонентов. Первый компонент – это основная деятельность, которая направлена на реализацию основных функций или на решение определенных функциональных задач. Второй компонент – это информационная деятельность, которая направлена на обеспечение основной деятельности необходимой исходной информацией. В совокупности, эти компоненты направлены на принятие управленческих решений, и обработку новой информации для

Maya S. Nachkebiya
Senior lecturer of the Department
of Social Technologies
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
nachkebiya@bsu.edu.ru

ORGANIZATION OF THE MANAGEMENT DECISION-MAKING PROCESS AT THE UNIVERSITY WITH THE APPLICATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION SYSTEMS

Annotation. The presented article is devoted to the problems of organizing the management process in a higher educational institution. The authors analyzed the influence of information on the management of the university, and on the role of information and communication systems in the development and adoption of management decisions. Recording a large amount of data concerning the overall university management system and its individual segments requires the creation of a single automated database. It was noted that the information and communication system is able to provide conditions for increasing the efficiency of the exchange of information resources between the structural units of the university.

Keywords: information, information and communication systems, university management, process, management decisions.

дальнейшего ее распространения по каналам коммуникации [6; 7; 8].

В работе М.И. Нестерова отмечается, что «для управления всеми потоками информации при принятии каких-либо управленческих решений нужно трансформировать бизнес-модель деятельности вуза в соответствии с современными реалиями и осуществлять сбор и верификацию информации на различных уровнях управления» [5, с. 3].

В настоящее время в вузах разрабатываются и принимаются нормативные правовые акты (в виде положения, регламента, порядка), позволяющие регулировать отдельные управленческие процессы и требования по принятию управленческих решений. Но, пока, не все процессы регулируются данным видом документов. Следовательно, возникают сложности в понимании того, в каком случае и по какому вопросу, а самое главное, кем будет принято решение и с какими структурами требуется провести процедуру согласования [9].

Как в любых других организациях, «в высших учебных заведениях выстраивается система управления, объединяющая подсистемы и коммуникации между ними, а также - процессы, обеспечивающие заданное функционирование и развитие данной организации. В конечном счете, система управления вуза соединяет основных участников образовательного процесса» [3, с. 64].

Перейдем к анализу результатов исследования, которое было проведено в 2019 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете (далее – Университет). Проведенное исследование является разведывательным или постановочным [1, с. 83] и его цель – выявление проблем организации процесса разработки и принятия управленческих решений в вузе.

Рассмотрим результаты данных полученных путем применения метода самофотографии рабочего дня. В исследовании приняли участие 20 чел. из числа административно-управленческого персонала (уровень – учебное подразделение Университета), учебно-вспомогательного персонала, научно-педагогических работников, далее, были изучены их должностные инструкции. После анализа данного вида документа мы выбрали те функциональные обязанности, которые связаны с анализом информации и с процессом принятия управленческих решений.

Было выделено 10 видов работ, которые были включены в лист-опроса: подготовка рабочего места; работа с корреспонденцией; работа с организационно-правовыми документами; работа с распорядительными и информационно-справочными документами; телефонные переговоры; аналитическая деятельность; участие в работе коллегиальных органов; работа в информационно-коммуникационных системах; прием посетителей; незапланированная работа.

Анализ результатов самофотографии затрат рабочего времени показал, что на работу с документами уходит до 50 % рабочего времени, при этом на незапланированную работу уходит 25 % рабочего времени, и в большинстве случаев, эта работа связана также с подготовкой документов.

В связи с тем, что большое количество документов сопровождает все направления деятельности высшего учебного заведения, то они создаются и обрабатываются как в ручном виде, так и с использованием информационных систем. «В вузах в настоящее время широко распространены следующие способы хранения и обработки документов: распечатка и хранение в бумажном виде, хранение в персональных папках, сохранение на сетевых общих ресурсах, а также в информационных системах» [2, с. 38]. Все это только усложняет работу по поиску информации и ее систематизации, и снижает эффективность принимаемого управленческого решения.

На следующем этапе было проведено интервьюирование административно-управленческого персонала, учебно-вспомогательного персонала и научно-педагогических работников (N = 20).

На первый вопрос: «После подготовки текста докладной записки, каким образом проводится процедура согласования?» ответы были распределены следующим образом: 70 % опрошенных ответили, что «вопреки сложившимся правилам, после регистрации докладной записки в системе электронного документооборота, лично несем документы в структурные подразделения, от которых требуется отметка о согласовании, и после издания распорядительного документа лично забираем его копию в контрольно-аналитическом центре»; 20 % опрошенных ответили, что «согласно сложившимся правилам организации документооборота, передаем документ в контрольно-аналитический центр и ждем, когда по электронной почте поступит копия распорядительного документа»; 10 % опрошенных ответили, что «все зависит от обстоятельств».

Что касается ответа на вопрос о затруднении в поиске организационно-распорядительных документов на официальном сайте Университета мнение респондентов распределилось следующим образом: 50 % опрошенных ответили, что скорее затруднения вызывают; вторая половина опрошенных ответила, что скорее не вызывают – это 40 % опрошенных, и однозначно не вызывают – это 10 % опрошенных.

По результатам исследования 90 % опрошенных считают, что правила документационного обеспечения управления в университете недостаточно понятны, и недостаточно четко регламентированы и только 10 % – затруднились ответить. Можно предположить, что затруднились ответить те респонденты, кто очень редко сталкивается с оформлением управленческих документов.

Таким образом, результаты интервью показали, что административно-управленческий персонал, учебно-вспомогательный персонал и научно-педагогические работники скорее не удовлетворены работой информационно-коммуникационных систем в части организации документационного обеспечения управления в Университете, а это, в свою очередь, снижает скорость принятия управленческого решения [9].

Завершающий этап нашего исследования включал в себя анкетный опрос студентов. Цель опроса заключалась в определение уровня удовлетворенности студентов процессом организации работы с документами, сопровождающими принятие управленческих решений. Респондентами были студенты очной формы обучения (N = 170).

Анкета содержала вопросы, условно разделенные на 4 блока:

– общие вопросы, касающиеся названия учебного подразделения, курса, направления подготовки, пола;

– вопросы, касающиеся участия студентов в документационном обеспечении управления;

– вопросы, касающиеся принятия управленческих решений в вузе;

– вопросы по работе с информационными системами в вузе.

На вопрос: «Возникали ли у Вас трудности с оформлением документов (правила написания или заполнения, оформление, подписание, согласование) за время учебы и как часто?», респонденты ответили следующим образом: у большинства опрошенных трудностей не возникает – это 37,9 %; очень редко трудности возникают у 40,8 % студентов; всегда возникают трудности у 14,6 % опрошенных. Чуть больше 5% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Мы видим, что у большинства опрошенных такого рода трудности или вообще не возникают, или возникают, но редко.

Ответ на вопрос: «На Ваш взгляд, как быстро принимается управленческое решение по Вашему заявлению?» показал, что больше половины респондентов удовлетворены временем на принятие решений по их вопросам, чуть меньше 20 % респондентов не удовлетворены временем принятия решений, и 10 % студентов затруднились ответить на данный вопрос.

Необходимо отметить, что оптимальным сроком для принятия решений половина опрошенных назвала время «до трех дней». Другая половина студентов считает, что решения по их заявлениям должны приниматься в течение одного рабочего дня (18,8 %), около 25 % опрошенных считают 10–14 дней приемлемым сроком принятия решений, остальные студенты затруднились ответить на данный вопрос.

Таким образом, по срокам принятия решений ситуация в Университете складывается благоприятной, но студенты не знают, зачастую, что в большинстве случаев это связано не с налаженной системой документооборота в вузе, а с лишними временными затратами ответственных лиц учебных структурных подразделений, которым приходится постоянно отслеживать местонахождение документа, а в некоторых случаях лично перемещать (маршрутизировать) документ на согласование установленным должностным лицам по мере их доступности.

Результаты обработки ответов студентов на вопрос: «К каким источникам информации они обращаются, прежде чем написать заявление?», выяснилось, что больше половины опрошенных обращаются за консультацией к куратору (73,8 %). Но необходимо помнить, что куратор не знает всех правил и требований, поэтому вынужден обращаться к компетентному работнику вуза по конкретному вопросу. Можно предположить, что доступность всех организационно-правовых документов и хорошо продуманная система поиска могут сократить временные затраты на обработку информации и принятие управленческого решения.

Ответы «консультируюсь в учебно-методическом отделе» и «спрашиваю у одногруппников» выбрали по 50 % опрошенных. Выяснилось, что всего 10 % студентов консультируются у делопроизводителя на кафедре, еще 10 % обращаются за

консультацией к директору, заместителю директора, к заведующему кафедрой. В структурных подразделениях Университета консультацию получают всего 7,5 % респондентов, а вот локальные документы Университета изучают только 6,3 % опрошенных.

В качестве источников информации, из которых студенты узнают о решениях, принимаемых в Университете, большинством были названы: страница социальных сетей – это 50,5 % опрошенных и «от куратора» – 50,5 % опрошенных. Ответы: от одногруппников (39,8 %), из новостной ленты Университета (29,1 %), от преподавателей (28,2 % – являются менее частыми. Новостную ленту Института (14,6 %) студенты реже используют как источник информации. В структурные подразделения Университета обращаются всего 8,7 % опрошенных студентов.

Последний блок вопросов, посвященных работе с информационными системами вуза, показал следующие результаты. Практически все студенты (94,2 %) пользуются личным кабинетом в автоматизированной системе «ИнфоБелГУ: Учебный процесс». На наш взгляд, это говорит о том, что студенты готовы активно применять информационно-коммуникационные системы и в процессе обучения, и в процессе взаимодействия со всеми участниками образовательного процесса.

Таким образом, результаты опроса показали, что, в целом, студенты удовлетворены работой информационно-коммуникационных систем, что нельзя сказать об остальных участниках образовательного процесса, которым гораздо чаще приходится работать с поиском информации, ее анализом и подготовкой управленческих решений, а отсутствие единой информационно-коммуникационной системы замедляет этот процесс.

Итак, информационно-коммуникационная система вуза должна быть направлена на:

– формирование базы данных для обеспечения руководства вуза и его структурных подразделений всей необходимой информацией;

– создание эффективных инструментов для автоматизации процесса анализа различных данных (в зависимости от направления деятельности вуза) для подготовки и принятия эффективных управленческих решений;

– обеспечение условий достоверного ввода данных для обмена информацией между структурными подразделениями, и недопустимости дублирующей документированной информации [5].

На наш взгляд, вся деятельность организации должна быть разделена на процессы, и каждый процесс должен быть регламентирован. В регламенте должен быть описан не только сам процесс, но и взаимодействие между структурными подразделениями по его реализации, что позволит сократить количество уровней принятия управленческих решений и повысить эффективность управления в вузе.

Таким образом, в рамках представленной работы были выявлены проблемы, которые связаны с разработкой и принятием управленческих решений как одного из ключевых процессов в управлении вузом, и роли информационно-коммуникационных систем для оптимизации данного управленческого процесса. Совершенствование информационно-коммуникационных систем,

Литература:

1. *Добреньков В.И.* Методы социологического исследования / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. М. : ИНФРА-М, 2006. 768 с.
2. *Клишин А.П.* Подходы к автоматизации документооборота в вузе / А.П. Клишин, Н.Р. Волкова, Н.Л. Еремина, А.А. Мытник, Е.Н. Клышко // Вестник НГУ. 2017. № 1. С. 36–46.
3. *Комлева Н.С.* Содержание и основные элементы инновационной системы управления высшим учебным заведением // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 8. С. 64–70.
4. *Морз Ф.М.* Методы исследования операций / Ф.М. Морз, Дж.Е. Кимбелл. М. : Издательство «Советское радио», 1956. 310 с.
5. *Нестеров М.И.* Управление развитием информационно-аналитической системы современного вуза на основе архитектурного подхода : автореф. ... канд. тех. наук. Челябинск, 2013. 24 с.
6. *Подповетная Ю.В.* Подготовка управленческих решений в научно-образовательном процессе университета // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 30. С. 58–61.
7. *Старовойтов М.К.* Управленческие решения в современных организациях: теория и практика. Волгоград, 2015. 124 с.
8. *Федякова Н.Н.* Совершенствование информационных систем управления вузом // Интеграция образования. 2016. № 2(83). С. 198–210.
9. *Nachkebiya M.S.* Problems of Application of Information and Communication Systems in the Organization of Personnel Work in Higher Educational Institutions / M.S. Nachkebiya, I.E. Nadutkina, L.B. Perelygina, I.V. Boyarinoва, T.V. Belykh // Proceedings of the International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» (DETP 2020). Yekaterinburg, 13 May 2020. URL : <https://www.atlantis-press.com/proceedings/detp-20/125940250>

которые применяются в вузах, должно быть осуществлено с учетом необходимости слияния всех существующих в организации автоматизированных систем в единое целое, что позволит оптимизировать поиск необходимой информации для оперативного принятия управленческих решений, и тем самым – повысит эффективность управления вузом.

Literature:

1. *Dobrenkov V.I.* Sociological research methods / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko. M. : INFRA-M, 2006. 768 p.
2. *Klishin A.P.* Approaches to the automation of document flow in the university / A.P. Klishin, N.R. Volkova, N.L. Eremina, A.A. Mytnik, E.N. Klyzhko // Vestnik NSU. 2017. № 1. P. 36–46.
3. *Komleva N.S.* Content and main elements of the innovative management system of a higher educational institution // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 8. P. 64–70.
4. *Morse F.M.* Operations research methods / F.M. Morse, J.E. Kimbell. M. : publishing house «Soviet radio», 1956. 310 p.
5. *Nesterov M.I.* Management of the development of the information and analytical system of a modern university based on the architectural approach : author. ... cand. those. sciences. Chelyabinsk, 2013. 24 p.
6. *Podpovetnaya Yu.V.* Preparation of management decisions in the scientific and educational process of the university // Bulletin of SUSU. 2008. № 30. P. 58–61.
7. *Starovoitov M.K.* Management decisions in modern organizations: theory and practice. Volgograd, 2015. 124 p.
8. *Fedyakova N.N.* Improvement of information systems of university management // Integration of education. 2016. № 2(83). P. 198–210.
9. *Nachkebiya M.S.* Problems of Application of Information and Communication Systems in the Organization of Personnel Work in Higher Educational Institutions / M.S. Nachkebiya, I.E. Nadutkina, L.B. Perelygina, I.V. Boyarinoва, T.V. Belykh // Proceedings of the International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» (DETP 2020). Yekaterinburg, 13 May 2020. URL : <https://www.atlantis-press.com/proceedings/detp-20/125940250>

Неделько Павел Сергеевич
аспирант,
старший педагог
дополнительного образования,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
p.nedelko@yandex.ru

Pavel S. Nedelko
Graduate student,
Senior teacher of Continuing Education,
St. Petersburg Polytechnic Peter
the Great University
p.nedelko@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВОЛОНТЕРСТВА

KEY FEATURES OF MODERN RUSSIAN VOLUNTEERING

Аннотация. В статье проанализированы различные определения волонтерства из российских и зарубежных источников, приведены мнения экспертов, полученные в результате полужурналистских интервью. На основе анализа выделены ключевые черты, свойственные современному российскому волонтерству. Автором волонтерство четко отделено от таких понятий, как «благотворительность», «меценатство», «кружки по интересам». Обозначено соотношение терминов «волонтерство», «работа», «досуг». Основными чертами волонтерства являются бескорыстие, добровольный характер, организованность.

Annotation. The article analyzes various definitions of volunteering from Russian and foreign sources, provides expert opinions obtained as a result of semi-formalized interviews. Based on the analysis, key features inherent in modern Russian volunteering are highlighted. Volunteering is clearly separated from such concepts as charity, philanthropy, and interest groups. The ratio of the terms «volunteering», «work», «leisure» is indicated. The main features of volunteering are selflessness, a voluntary nature, organization.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерская деятельность, волонтерская организация, добровольчество, бескорыстие, определение волонтерства.

Keywords: volunteering, volunteer organization, selflessness, the definition of volunteering.

Введение. В современном мире такому явлению, как волонтерство уделяется большое внимание на разных уровнях. Государства разрабатывают многочисленные программы поддержки и популяризации волонтерства, создаются некоммерческие организации, работающие в разных направлениях, ответственные граждане ищут применение своим внутренним порывам и профессиональным навыкам на пользу обществу.

Отличием волонтерства от других видов деятельности, обычно, называют бескорыстие, добровольность и ориентированность на социальную значимость. Однако мы покажем, что волонтерство стоит рассматривать глубже и не всегда, например, волонтерство является абсолютно бескорыстным явлением, а часто, даже наоборот, подразумевает компенсацию (правда, не обязательно материальную). В современных реалиях, волонтерская деятельность иногда приобретает добровольно-принудительный характер и стимулируется «сверху» административными рычагами.

Несмотря на популярность волонтерства, к сожалению, нет единого представления о том, кто же такой волонтер. Часто путаются, в том числе и в научной среде, понятия «волонтерство», «благотворительность», «меценатство». Такая ситуация говорит о не сформированном окончательно институте волонтерства. Отсутствие договоренности между акторами волонтерской деятельности об общей терминологии может создавать проблемы в коммуникации между ними, что мешает выстраивать систематическую и целенаправленную работу в этом направлении.

Таким образом, как и многие социальные явления, волонтерство имеет сложный и многогранный характер, и так как его роль в современном мире становится всё более значительной, то необходимо четко определить предмет изучения, что позволит в дальнейшем грамотно и правильно понимать это явление, управлять им и развивать его в будущем.

В данной статье мы ставим перед собой цель, опираясь на мнения экспертов и исследователей, разобраться в понятийном аппарате, выделить ключевые составляющие волонтерства, определить главные ценности волонтерской деятельности.

Методы. Для составления общего представления о волонтерстве мы использовали метод анализа источников и мнений экспертов, доступных в открытом доступе, вторичный анализ научных работ исследователей этой темы.

Определение волонтерства дают многие отечественные и зарубежные исследователи, мы

проанализируем их в рамках данной статьи, но наиболее общую формулировку, которая, с нашей точки зрения, может быть отправной точкой для изучения волонтерства, дает американский ученый профессор Л. Саламон, которого мы цитируем по статье И. Попова «Чем отличается волонтер от раба?»: «Волонтерство – это неоплачиваемая, добровольная работа, осуществляемая либо через организацию, либо непосредственно для других лиц, вне их собственного домохозяйства» [1]. В предложенном определении, с нашей точки зрения, указаны ключевые черты волонтерства как мирового явления. Несомненно, что российскому волонтерству также свойственны эти особенности.

1. Волонтерство — это работа?

И. Попов считает, что «волонтерством может считаться только та деятельность, которая в обычных условиях может быть заменена на оплачиваемую» [1]. То есть, ни хобби, ни голосование на выборах, хотя они не оплачиваются и добровольны, не могут быть волонтерством. У Носовой Ю.И. встречаем такое определение: «волонтер» – это человек, который, работая безвозмездно, стремится внести свой вклад в реализацию социально значимых проектов [2]. Аргументом в пользу того, что волонтерство сопоставимо с работой, можно считать, принятый в экономических науках, подсчет эффективности труда волонтеров, когда труд волонтера сравнивают с трудом наемного сотрудника и вычисляют, сколько ресурсов экономит волонтерство. Существуют даже более глубокие методы экономической оценки эффективности волонтерской деятельности. Концепция оценки эффективности добровольческой деятельности, разработанная Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» предлагает методики оценки эффективности волонтерства на нескольких уровнях:

- на микроуровне (влияние на общество в целом);
- на мезоуровне (влияние на организацию и влияние на местное сообщество);
- на макроуровне (влияние на благополучателя и влияние на добровольца) [3].

С нашей точки зрения, для описания взаимоотношения понятий «волонтерство» и «работа», наиболее удачно применим термин «дегустация», который мы встретили в работе М.С. Горбулевой [4]. Волонтерская деятельность позволяет в относительно «тепличных условиях», с минимальной ответственностью за возможные ошибки, «без гражданских, юридических или административных обязательств» [3] попробовать разные виды профессий и навыков, развить в себе, так называемые, «soft skills», понять какие профессиональные роли подходят для человека, а какие нет.

Однако не все исследователи согласны с определением волонтерства как работы. Р.А. Стеббинс, например, предлагает рассматривать волонтерство как форму досуга. Он употребляет формулировку «серьезный досуг» [5].

Волонтерство занимает промежуточное место между работой и досугом. В отличие от полноценных сотрудников, волонтеры не получают заработную плату, не платят налоги, их квалификация зачастую ниже, чем у сотрудников, ниже и их уровень ответственности. Волонтеры, как правило, не привязаны к постоянному рабочему графику, волонтер может уйти в любое время без каких-либо санкций по отношению к нему. С другой стороны, волонтерская деятельность значительно серьезнее, чем просто развлечение в кругу единомышленников. Она предполагает определенную иерархию, организацию, ответственность, общественно значимые цели и задачи, что качественно отличает волонтерство от обычных праздных развлечений.

2. Волонтерство и бескорыстие.

Практически в каждом из встреченных нами определений указывается бескорыстный характер волонтерства. Стоит отметить, что волонтерство, как деятельность без оплаты, далеко не всегда было таковым, а в период появления самого термина было наоборот противоположным. То есть, волонтеры брали и даже требовали за свою работу плату. Дело в том, что изначально волонтерами были люди, которые добровольно нанимались в армию. С.Б. Синецкий в своей статье упоминает о случаях торгов за более выгодные условия контракта между волонтерами и рекрутерами, набирающими дополнительный контингент в период ведения боевых действий в средневековой Европе [6]. Он же отмечает, что со временем слово «волонтер» стало нарицательным и несколько изменило смысл. По возвращению к мирной жизни бывшие участники боевых действий помогали своим землякам по хозяйству, и такая деятельность не подразумевала полной денежной компенсации.

За период XX века волонтерство почти полностью изменило своё значение в части, касающейся отношения к оплате труда. Здесь встречаются некоторые нюансы, в которых следует разобраться.

Во многих официальных документах, в определениях из словарей и у ряда авторов говорится о полностью бесплатном характере волонтерства [7–15]. У других авторов встречается иная формулировка волонтерской деятельности, как «не требующая материального возмещения» [16–18]. Отмечается, что волонтеры не требуют и не ожидают какой-либо материальной компенсации за свою работу, волонтеры не ставят перед собой такой цели.

Однако современное понимание волонтерства подразумевает не полностью альтруистический взгляд волонтеров на свою деятельность, но также – и возможность удовлетворять (иногда неосознанно) свои личные, иногда вполне материальные интересы.

И. Попов подтверждает, что волонтерство может иногда оплачиваться, оставаясь при этом волонтерством [1]. Во-первых, это возможно, когда человек выполняет работу за меньшую

оплату, чем обычно оплачивается его услуги. В этом с ним солидарен С.Б. Синецкий, характеризующий волонтерство как деятельность, не требующую «полной (адекватной затрачиваемым усилиям) денежной и материальной компенсации» [6]. Во-вторых, волонтер может получать стипендию на определённые расходы от волонтерской организации. В-третьих, волонтерство может иметь компенсации проезда, питания, проживания и т.д. Для многих волонтеров это является достаточной мотивацией для участия в том или ином проекте.

3. Волонтерство и добрая воля.

Вопрос воли, доброй воли, желания является определяющим при рассуждениях о волонтерстве. И. Попов констатирует: «Добровольчество должно быть добровольным» [1]. Согласимся также с Л.А. Кудринской, что «формирование добровольческого труда тесно связано с освобождением от всех видов принуждения: социального, экономического, административно-правового, идеологического. Эта свобода базируется на самодостаточности индивида в материальной и духовной сфере» [19].

Популяризация волонтерской деятельности в России, безусловно, имеет свои положительные моменты, но неосторожное отношение рекрутеров к свободной воле часто дискредитирует само слово «волонтерство», меняет его смысл. У Гостевой А.Б. и Богомоловой Е.В., анализирующих многочисленные интервью волонтеров и руководителей волонтерских организаций, встречается фраза «случается, что волонтеров набирают принудительно, а собственно добровольцами оказываются единицы» [20]. Интересно, что понятия «волонтер» и «доброволец» здесь различаются интервьюируемыми по смыслу. Волонтер, в их понимании, привлекается к деятельности принудительно, а доброволец участвует по собственной воле.

В интервью «Радио России» ответственный секретарь Союза волонтерских организаций и руководитель добровольческого движения «Даниловцы» Ю.С. Белановский тоже крайне негативно относится к насильственному принуждению к совершению добрых дел с помощью административного ресурса: «Но, по сути по своей, это такая антиреклама. По сути, конечно, это то, что отбивает от подобных каких-то вещей. Я, например, в детстве помню, что когда учился в школе, были какие-то вещи, где преподаватели, учителя могли как-то завлечь нас по-настоящему. А где-то нам просто говорили: «Равняйся! Смирно! Иди вон там что-то такое делай». И, конечно же, отношение внутри оно было плохое. И я знаю, что подобные вещи они очень часто в институтах, они очень сильно демотивируют на будущее людей».

Для такого явления М.В. Певная предлагает специальный термин «квазиволонтерство», т.е., добровольно-принудительное волонтерство. Синецкий С.Б. на примере исторического опыта Советского Союза подтверждает, что административные инструменты категорически неприемлемы для наращивания добровольческого потенциала

[6]. Человека нельзя принуждать быть волонтером, он сам должен сделать выбор и выполнить возложенные им же самим на себя обязанности в меру своей ответственности.

4. Организованность и неорганизованность волонтерства.

В определении Д. Хопкинса говорится: «Неважно, занимается ли человек волонтерством напрямую или через различные организации» [1]. Отметим, что для большинства исследователей организованность или неорганизованность волонтерства, по сути своей, не важна, т.к. только в нескольких определениях авторы акцентировали внимание на этом [9; 12].

Ю. Белановский обращает внимание на важность системности и организованности в волонтерстве. И в данном случае, *организованность не подразумевает под собой принадлежность к какой-либо организации, а скорее, постоянность и регулярность действий.*

Особую роль в организации волонтерской деятельности в России, по мнению исследователей, играет государство. М.В. Певная показывает на основании анализа научной литературы и источников, что до середины XIX века в России добровольчество связывается с идеей «служения государству». Затем, в середине XX века суть его начинают связывать со значением «служения Родине». И только к концу XX века значение добровольчества смещается в область социальной поддержки и защиты [16].

Выводы.

Таким образом, на основе приведенных источников, мы выделили и проанализировали основные черты, присущие современному российскому волонтерству. Эти черты во многом коррелируют с западной моделью, однако, имеют свои особенности.

1. В системе таких понятий как «работа» - «досуг», волонтерство занимает промежуточную позицию и обладает качествами, присущими и той, и другой категории. В зависимости от условий и от мотивации акторов, волонтерство может смещаться как в сторону трудовой деятельности и, например, иметь характер «дегустации» профессии, профориентации, так и в сторону досуговой деятельности и быть видом хобби.

2. В традиционном понимании волонтерство является неоплачиваемым видом деятельности, однако, мы выяснили, что, во-первых, исторически это было не всегда так, и изначально под волонтером подразумевался человек, добровольно отправлявшийся на войну и за это получавший денежный гонорар. Во-вторых, стоит отметить, что волонтерство, всё-таки, в некоторых случаях подразумевает различные виды компенсации, в том числе, и в денежном эквиваленте, но при этом размер компенсации должен быть ниже, чем плата за тот же вид деятельности, выполненный профессиональным сотрудником.

3. Волонтерская деятельность, по сути своей, предполагает абсолютно добровольное участие в ней. Никакие виды административного, экономического, психологического и др. принуждения не могут быть применимы к волонтерам. Однако соблазн бесплатной рабочей силы настолько велик для некоторых руководителей, будь то коммерческая или государственная структура, что в России сложилось целое явление, которое раньше определяли как добровольно-принудительный труд, в

Литература:

1. Попов И. Чем отличается волонтер от раба?. URL : <https://zen.yandex.ru/media/id/5ae489e455876b0d25286921/chem-volonter-otlichaetsia-ot-raba-5b55ac12eae7000a8bd532e> (дата обращения 01.11.2020).

2. Носова Ю.И. Волонтерство как социально-культурный феномен: генезис и основные характеристики // Вестник КазГУКИ. 2012. № 3-1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-kak-sotsialno-kulturnyy-fenomen-genezis-i-osnovnye-harakteristiki> (дата обращения 01.11.2020).

3. Мерсиянова И.В. Концепция оценки эффективности добровольческой деятельности / И.В. Мерсиянова и [др.] // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2017. 72 с.

4. Горбулёва М.С. Добровольчество: генезис и мотивы // Вестник ТГПУ. 2015. № 5(158). С. 140–146.

5. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады), 2000. URL : http://sbiblio.com/biblio/archive/stebbins_svobvremia/ (дата обращения 04.03.2020).

6. Синецкий С.Б. Эволюция добровольчества: история становления новой социальной парадигмы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. С. 104–106.

7. Longman Dictionary of Contemporary language. London : LongmanContemporaryGroup, 2000.

8. Паршина Ю.В. Волонтерское движение и его истоки в России // Историко-педагогические и сравнительно-педагогические исследования проблем образования. 2009. С. 106–109.

9. Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. проф. Е.И. Холостовой. М. : Юрист, 1997. 417 с.

10. State of the World's volunteerism Report // Universal Values for Global Well-being. Denmark : United Nations Volunteers (UNV), 2011. 148 p.

11. Методические рекомендации по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи в субъектах РФ: документы департамента молодежной политики и общест-

настоящее время в научном дискурсе используют термин «квазиволонтерство».

4. Волонтерство подразумевает определенную организованность и систематичность. Человека нельзя назвать волонтером, если его деятельность одноразовая. Кроме того, современный волонтер, скорее всего, будет являться членом какой-либо волонтерской организации, а не заниматься индивидуальным волонтерством.

Literature:

1. Popov I. How does a volunteer differ from a slave? URL : <https://zen.yandex.ru/media/id/5ae489e455876b0d25286921/chem-volonter-otlichaetsia-ot-raba-5b55ac12eae7000a8bd532e> (date of the application 01.11.2020).

2. Nosova Yu.I. Volunteering as a socio-cultural phenomenon: genesis and main characteristics // Bulletin of KazGUKI. 2012. № 3-1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-kak-sotsialno-kulturnyy-fenomen-genezis-i-osnovnye-harakteristiki> (date of the application 01.11.2020).

3. Merciyanova I.V. Concept for evaluating the effectiveness of volunteering // Center for Civil Society and Non-Profit Sector Studies of the National Research University «Higher School of Economics». 2017. 72 p.

4. Gorbuleva M.S. Volunteerism: genesis and motives // Bulletin of the TSPU. 2015. № 5(158). С. 140–146.

5. Stebbins R.A. Free time: to the optimal leisure style (look from Canada), 2000. URL : http://sbiblio.com/biblio/archive/stebbins_svobvremia/ (date of the application 04.03.2020).

6. Sinetsky S.B. The evolution of volunteerism: the history of the formation of a new social paradigm // Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanities Sciences. 2006. P. 104–106.

7. Longman Dictionary of Contemporary language. London : LongmanContemporaryGroup, 2000.

8. Parshina Yu.V. Volunteer movement and its origins in Russia // Historical, pedagogical and comparative pedagogical studies of educational problems. 2009. P. 106–109.

9. Dictionary-handbook on social work / Ed. Prof. E.I. Bachelor. M. : Lawyer, 1997. 417 p.

10. State of the World's volunteerism Report // Universal Values for Global Well-being. Denmark : United Nations Volunteers (UNV), 2011. 148 p.

11. Methodological recommendations for the development of volunteer (volunteer) activities for the development of volunteer (volunteer) activities of youth in the constituent entities of the Russian Federation: documents of the Department of Youth Policy and

венных связей Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ. М., 2009. URL : <http://youth.minstm.gov.ru/> (дата обращения 01.11.2020).

12. Руководство МОТ по измерению волонтерского труда по официальным данным обследований рабочей силы // Johns Hopkins International Labour Organization Volunteer Measurement Project Technical Experts Group on the Measurement of Volunteer Work. Geneva, Switzerland, 2007. 129 p.

13. Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 430 с.

14. Клепикова А.А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжёлой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 406–418.

15. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Певная М.В. Волонтерство как социологическая категория: определение понятия // Вестник СГПУ. 2012. № 2(17). С. 118–126.

17. Salomon M. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future / M. Salomon, S. Sokolowski, M. Haddock // Annals of Public and Cooperative Economics 82:3 : Johns Hopkins University. USA. 2011. Wardell, F. Who is volunteer? / F. Wardell, J. Lishman, L.G. Whalley // British journal of social work. 2000. 30. P. 217–252.

18. Болотова Л.В. Организация добровольческой деятельности как аспект вузовской подготовки будущих социальных работников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Л.В. Болотова. Тамбов : ТГУ, 2007. 23 с.

19. Кудринская, Л.А. Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции : дис. ... д-ра социолог. наук / Л.А. Кудринская. М., 2006. 298 с.

20. Гостева А.Б. Стили организационного поведения среди волонтеров: Кейс Самары / А.Б. Гостева, Е.В. Богомолов // Человек. Общество. Управление. 2014. № 2. С. 19–39.

Public Relations of the Ministry of Sports, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation. М., 2009. URL : <http://youth.minstm.gov.ru/> (date of the application 01.11.2020).

12. ILO Guidelines for Measuring Volunteer Work from Official Labor Force Survey Data // Johns Hopkins International Labour Organization Volunteer Measurement Project Technical Experts Group on the Measurement of Volunteer Work. Geneva, Switzerland, 2007. 129 p.

13. Potential and ways of developing philanthropy in Russia / Ed. I.V. Mercyanova, L.I. Jacobson. М. : Ed. House of Gos. unta of the Higher School of Economics, 2010. 430 p.

14. Klepikova A.A. Volunteers of a charitable organization in a state institution for people with severe disabilities: constructs of volunteering and professionalism // Journal of Social Policy Research. 2011. Vol. 9. № 3. P. 406–418.

15. Federal Law «On Charity Work and Volunteering (Volunteering)» from 11.08.1995 № 135-ФЗ. Access from the reference and legal system «Consultant Plus».

16. Singing M.V. Volunteering as a sociological category: definition of the concept // Bulletin of SSPU. 2012. № 2(17). P. 118–126.

17. Salomon M. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future / M. Salomon, S. Sokolowski, M. Haddock // Annals of Public and Cooperative Economics 82:3 : Johns Hopkins University. USA. 2011. Wardell, F. Who is volunteer? / F. Wardell, J. Lishman, L.G. Whalley // British journal of social work. 2000. 30. P. 217–252.

18. Bolotova L.V. Organization of volunteer activities as an aspect of university training of future social workers : autoref. dis. ... edging. pedagog. sciences: 13.00.02. Tambov : TSU, 2007. 23 p.

19. Kudrinskaya L.A. Volunteer work: experience of theoretical reconstruction : dis. ... doctor sociologist. М., 2006. 298 p.

20. Gosteva A.B. Styles of organizational behavior among volunteers: Case of Samara / A.B. Gosteva, E.V. Bogomolov // Man. Society. Management. 2014. № 2. P. 19–39.

Обрывко Евгения Ивановна

старший преподаватель кафедры
общей и социальной педагогики,
Алтайский государственный
педагогический университет,
руководитель отделения по классному
руководству УМО Алтайского края
eobryvko@yandex.ru

Стародубцева Мария Александровна

магистрант,
Алтайский государственный университет
Starodubzewa@gmail.com

Саенко Арина Александровна

студентка,
Алтайский государственный университет
arina.saenko2@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ
КУЛЬТУРЫ В ВОПРОСАХ
ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА
И ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ**

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы о профилактике молодежного экстремизма, идеологии терроризма в общеобразовательных учреждениях. Обращается внимание на осведомленность граждан в данной теме, а также анализируется почему именно молодежь является «группой воздействия» потенциальных вербовщиков. Цель исследования – определение вовлеченности преподавателей и учеников в проводимые просветительские, гражданско-патриотические мероприятия. Делается вывод о недостаточном уровне правовой культуры преподавателей в вопросах профилактики экстремизма. Авторы указывают на то, что важно проводить научно-образовательные семинары для преподавателей, повышать их правовую культуру.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, профилактика экстремизма в общеобразовательных учреждениях, социальная профилактика, социальная опасность, воспитательные мероприятия, эмпирическое исследование, воспитательная работа, деформация общественных ценностей, правовое просвещение.

■ ■ ■

В обоснование актуальности нашей темы, отметим, что в 2020 году объявленный в марте локдаун фактически «выключил» многих людей из системы общественных отношений, породил

Evgeniya I. Obryvko

Senior lecturer of the Department
General and Social Pedagogy,
Altai State Pedagogical University,
Head of Classroom to the leadership
of the UMO of the Altai Territory
eobryvko@yandex.ru

Maria A. Starodubtseva

Undergraduate,
Altai State University
Starodubzewa@gmail.com

Arina A. Saenko

Student,
Altai State University
arina.saenko2@mail.ru

**ON SOME ASPECTS OF INCREASING
THE LEGAL CULTURE IN THE ISSUES
OF PREVENTING EXTREMISM
AND IDEOLOGY OF TERRORISM
IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT**

■ ■ ■

Annotation. This article discusses issues of prevention of youth extremism, the ideology of terrorism in educational institutions. Attention is drawn to the awareness of citizens in this topic, and it is also analyzed why young people are the «influence group» of potential recruiters. The purpose of the study is to determine the involvement of teachers and students in ongoing educational, civil-patriotic events. The conclusion is made about the insufficient level of the legal culture of teachers in the issues of prevention of extremism. The authors point out that it is important to conduct scientific and educational seminars for teachers, to improve their legal culture.

Keywords: extremism, youth extremism, prevention of extremism in educational institutions, social prevention, social danger, educational activities, empirical research, educational work, deformation of social values, legal education.

■ ■ ■

всплеск преступности и значительное ухудшение криминогенной обстановки в нашей стране. Почти на 41 % возросло число совершенных преступлений экстремистской направленности. Причем, как

указывает статистика, большинство из лиц, совершивших данные деяния, являются несовершеннолетними.

Вынужденная самоизоляция повлекла падение уровня обучения, вырвала молодежь из привычного им мира, привела подростков, фактически, в маргинальное состояние хрупкого баланса между нормой и патологией [1; 2]. Плюсом к этому добавилось массивное психологическое воздействие СМИ и сети «Интернет», где свободно действуют потенциальные вербовщики в экстремистские и террористические объединения. А, как известно, именно молодежь является «группой воздействия» для подобных лиц, поскольку обладает неустойчивым социально-психологическим фоном и не до конца сформированным мировоззрением [3]. Сюда добавляется и крайняя нестабильность экономической ситуации в стране, рост безработицы и инфляции.

В таких условиях обычный подростковый максимализм приобретает крайние черты, перерастающие в экстремистские настроения. Непредсказуемость действий несовершеннолетнего, его спонтанность и нередко группой характер действий обуславливает повышенную опасность подросткового экстремизма [4; 5].

Нами было проведено эмпирическое исследование – анонимное анкетирование школьников, студентов и преподавателей по вопросу их правовой осведомленности в отношении экстремизма. Опрошены были 74 человека, разделенных нами на две группы. Из них 45 человек – студенты 1–2 курса СПО (Колледж АлтГУ), ученики 9–11 классов МКОУ «Гилевская СОШ». 29 опрошенных – преподаватели Колледжа ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», МКОУ «Гилевская СОШ». Возраст респондентов первой группы 15–17 лет, возраст второй группы – 30–50 лет.

Прежде всего, респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Известно ли им, что такое экстремизм?» В группе школьников и студентов 97,8 % отвечающих сообщили, что знают этот термин, 2,2 % ответили отказом. В группе учителей и преподавателей 100 % сообщили о знании данного понятия. Можно отметить, что правовая культура нашей выборки находится на достаточно высоком уровне.

Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос о причинах экстремизма. Студенты и школьники отметили в качестве основной причины деформацию системы ценностей в обществе (35,6 %). Причем, так ответили именно студенты по большей части. 20 % считает причиной экстремизма недостаточное правовое просвещение граждан, 15,6 % отмечают недостаточную досуговую занятость детей подросткового возраста и взрослого населения. 13,3 % указали кризис школьного и семейного воспитания как фактор роста экстремистских проявлений и только 8,9% считают основным условием многонациональность населения. Это косвенно говорит об отсутствии у респондентов склонности к националистическим идеям и установкам.

Группа опрошенных педагогов также основной причиной отметила деформацию общественных ценностей (41,4 %). 27,6 % назвали причиной экстремизма недостаточную терпимость людей, нехватку толерантности. Здесь, как раз и подразумевалась многонациональность, весьма актуальная для Алтайского края, с его высоким процентом иностранных мигрантов. 17,2 % указывают на недостаточное правовое просвещение населения.

На вопрос: «Какие способы профилактики экстремизма наиболее приемлемы с Вашей точки зрения?» школьники и студенты в 62,8 % случаев указали радикальные, допускающие ужесточение уголовной ответственности за экстремизм, недопущение создания и функционирования новых религиозных и национальных объединений, тотальную цензуру. 27,9 % респондентов отметили способы, основанные на опыте зарубежных стран в профилактике экстремизма. 9,3 % опрошенных признают право на существование либеральных способов противодействия экстремизму. Укажем, что данная картина ярко отражает как раз такой признак молодежи, как максимализм, желание «выделиться из толпы». Большинство опрошенных стремятся именно к радикальным мерам разрешения проблемы, не оглядываясь на их последствия.

У взрослых респондентов картина совершенно иная. 62,1 % опрошенных указывают в качестве профилактики экстремизма способы, основанные на опыте зарубежных стран, придерживаются центристской позиции. 27,6 % за радикальные методы, и 10,3 % за либеральные рычаги воздействия, позволяющие создание и функционирование новых религиозных и национальных объединений, отсутствие всякой цензуры.

Касательно актуальности темы экстремизма для Алтайского края, обе группы респондентов согласились с тезисом, что тема скорее актуальна, чем не актуальна (42 % и 51 % соответственно).

26,7 % опрошенных школьников и студентов признали, что сталкивались с проявлениями экстремизма. Это признали и 13,7 % преподавателей. Мы видим, что тема для участников выборки не столь уж оторвана от непосредственного восприятия. Однако, здесь речь идет, чаще всего, о новостях и публикациях в СМИ.

Непосредственно отдельные факты дискриминации в отношении себя признали 11,1 % школьников и 27,6 % преподавателей. Здесь картина уже более любопытна. Свою роль, вероятно, играет и трансграничность региона, обилие транспортных потоков, проходящих через него, высокая доля трудовой миграции и, соответственно, довольно большая доля интолерантного поведения.

69 % педагогов знают о программах мероприятий по профилактике экстремизма и идеологии терроризма в их образовательных учреждениях. Однако 31 % ответил отказом, что означает не вовлеченность в подобные мероприятия практически трети педагогического состава. Это можно объяснить как большой нагрузкой, так и

неосведомленностью либо нежеланием учителей тратить время на правовое просвещение. 48,3 % респондентов – преподавателей отметили, что не участвуют в подобных мероприятиях, соответственно, не участвуют и их кураторские группы/классы.

Такой высокий процент не вовлеченных в воспитательные мероприятия просветительского и гражданско-патриотического профиля вызывает определенные опасения. Отсюда, мы можем выделить «группу риска», лиц, не знающих о проявлениях экстремизма и способных подпасть под влияние потенциальных вербовщиков. Также, 41,4 % педагогов считают мероприятия по профилактике экстремизма неэффективными.

В определенном смысле, данные мероприятия направлены исключительно на повышение правовой культуры студентов и преподавателей, и по отношению к непосредственному воздействию на обучающихся, они действительно не приносят мгновенного результата. Плюс к этому, стоит

Литература:

1. *Абрамова Г.С.* Практическая психология : учебное пособие. М. : Прометей, 2018. 538 с.
2. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / Т. Адорно; Под общей ред. д-ра филос. наук В.П. Кultyгина. М.: «Серебряные нити», 2001. 416 с.
3. *Аминов И.И.* Юридическая психология : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2014. 270 с.
4. *Андронникова О.О.* Гендерная дифференциация в психологии : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2017. 262 с.
5. *Арутюнов С.А.* Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 19–24.

отметить, что часто на такие лекции студентов и школьников загоняют «для галочки», чтобы заполнить аудитории и отчитаться о выполнении календарного плана воспитательной работы. Но даже в этом случае, нельзя просто отмахиваться от подобной работы со студентами и школьниками. А именно это мы и наблюдаем, по данным нашего опроса.

Отсюда мы предлагаем сделать упор на вовлеченности в мероприятия по профилактике экстремизма и идеологии терроризма педагогов образовательных учреждений. Мало собрать студентов на лекцию, важно проводить научно-образовательные семинары для преподавателей, повышать их правовую культуру. Важно, чтобы у педагогов выработался интерес к таким просветительским и гражданско-патриотическим мероприятиям, и тогда они начнут вовлекать в них студентов. А для этого необходима слаженная работа образовательных учреждений, правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

Literature:

1. *Abramova G.S.* Practical psychology : textbook. M. : Prometheus, 2018. 538 p.
2. *Adorno T.* Research of an authoritarian personality / T. Adorno; Under the general editorship of Doctor of Philosophy V.P. Kultygin. M. : «Silver threads», 2001. 416 p.
3. *Aminov I.I.* Legal psychology : textbook. M. : Unity-Dana, 2014. 270 p.
4. *Andronnikova O.O.* Gender differentiation in psychology : textbook. M. : Infra-M, 2017. 262 p.
5. *Arutyunov S.A.* Ethnicity is an objective reality // Ethnographic review. 1995. № 5. P. 19–24.

Омаров Ариф Омарович

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующий кафедрой строительных
материалов и инженерных сетей,
Дагестанский государственный
технический университет
o.arif@mail.ru

Магомедэминов Нажмудин Сраждинович

кандидат технических наук,
старший преподаватель
кафедры строительных материалов
и инженерных сетей,
Дагестанский государственный
технический университет
namudin@mail.ru

Раджабов Рустам Габибович

старший преподаватель
кафедры строительных материалов
и инженерных сетей,
Дагестанский государственный
технический университет
radzabovrustam67@gmail.ru

**МУСУЛЬМАНСКАЯ
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И КУЛЬТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ
ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. На основе результатов социологического исследования показано место исламской идентичности в структуре социальной идентичности дагестанской молодежи. Установлено, что молодое поколение дагестанцев обозначает важность индикатора религия в воспроизводстве этнической идентичности, кроме того, им характерно отождествление религиозного и этнического компонентов, которое выражается в форме этноконфессиональной идентичности. При этом дагестанская молодежь не демонстрирует активное религиозное поведение и ей больше присуще культовое поведение характерное когорте населения, которая по типу религиозности классифицируется как колеблющиеся.

Ключевые слова: религиозная идентичность, исламская идентичность, дагестанская молодежь, этноконфессиональная идентичность, религия, ислам.

Проблема религиозной идентичности актуализирована в рамках современной социологии религии по разным объективным и субъективным причинам, каковыми являются возрождение религии, соответственно, и религиозного сознания, которое закономерно сопровождается

Arif O. Omarov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Construction
Materials and Utilities,
Dagestan State Technical University
o.arif@mail.ru

Najmudin O. Magomedeminov

Candidate of Technical Sciences,
Senior lecturer of the Department
of Building Materials and Utilities,
Dagestan State
Technical University
namudin@mail.ru

Rustam G. Radzhabov

Senior lecturer
Department of Building Materials
and Utilities,
Dagestan State
Technical University
radzabovrustam67@gmail.ru

**MUSLIM RELIGIOUS
IDENTITY AND CULT BEHAVIOR
OF DAGESTAN YOUTH**

Annotation. On the basis of results of sociological research the place of Islamic identity in the structure of social identity of Daghestan youth is shown in the article. It is found out that young generation of Daghestanians indicates importance of religion indicator in reproduction of ethnic identity. Moreover they are characterized by identification of ethnic and religious components which is expressed in the form of ethno confessional identity. At the same time Daghestan young people do not demonstrate active religious behavior and it is more inherent in the cult behavior typical of the population cohort which by type of religiosity is classified as wavering.

Keywords: religious identity, Islamic identity, Dagestan young people, ethno confessional identity, religion, Islam.

культовым поведением с разной степенью интенсивности. Кроме того, при изучении религиозного поведения важное значение имеют и другие аспекты религиозной сферы, в частности, проблема веротерпимости и религиозной толерантности, мотивация перехода в лоно другого вероучения,

появление различного характера религиозных сект, и самое ключевое – проблема религиозного экстремизма и радикализация молодежного сознания [7].

Авторы под религиозной идентичностью понимают «отождествление индивида с какой-либо религиозной доктриной, системой догм, воззрений, определенной конфессией, группой верующих» [9]. Если обратиться к другим исследованиям, то в русле исламской религиозной общины религиозная самоидентификация является одной из ключевых социальных категорий. Так, М.М. Шахбанова на основе проведенного исследования делает вывод о том, что самоидентификация с единоверцами является очень важной для дагестанской молодежи [6, с. 191]. Так, данные на вопрос: «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» показывают превалирование, причем, с большим отрывом от иных позиций в массовом сознании молодого поколения дагестанцев республиканской идентичности – 37,7 % до 20 лет и 30,2 % в интервале 20–29 лет. Далее, респонденты подчеркивают важность религиозной идентичности, поэтому осознание представителем своей религии характерно 18,7 % опрошенных до 20 лет и 17,1 % в разрезе 20–29 лет. Суждение «представителем своего народа» отмечено 17,6 % респондентов в возрастной когорте до 20 лет и 16,7 % в интервале 20–29 лет. При этом государственно-гражданская идентичность больше выражена в установках более взрослого поколения дагестанской молодежи – одна треть в возрасте 20 – 29 лет и доля таковых существенно меньше в прослойке до 20 лет (19,1 %).

Полученные данные закономерно ставят вопрос об определении места индикатора религия в иерархии индикаторов воспроизводства этнической идентичности. Так, эмпирические данные на вопрос: «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?» показывают, что индикатор национальный язык отмечен 65,1 % опрошенных в возрастном интервале до 20 лет и 67,1 % 20–29 лет; маркер национальные традиции и обычаи выбрали 69,2 % опрошенной дагестанской молодежи до 20 лет и 65,1 % 20–29 лет; этноопределитель совместная жизнь на определенной территории отмечен 34,9 % до 20 лет и 44,6 % 20–29 лет; признак религия важна для 57,8 % опрошенных до 20 лет и 58,1 % 20–29 лет. Далее, маркер национальная литература, народное творчество, национальная музыка важна 30,1 % респондентов до 20 лет и 27,1 % 20–29 лет, на признак историческая территория моего народа указали 21,1 % до 20 лет и 26,4 % 20–29 лет. Параметр общность характера, схожесть поведения подчеркнули 23,9 % опрошенных до 20 лет и 21,7 % 20–29 лет, историческое прошлое 27,3 % до 20 лет и 31,8 % 20–29 лет. Заметная меньшая часть опрошенных указала на индикаторы национальная одежда, жилище, быт – 9,7 % до 20 лет и 15,1 % 20–29 лет.

Таким образом, данные на вопросы: «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» и «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?» демонстрируют важность для опрошенного молодого поколения дагестанцев, во-первых, осознания единства с последователями

одного вероучения, во-вторых, индикатор религия является одним из важнейших маркеров в воспроизводстве определенного типа социальной идентичности. В этой связи можно согласиться с позицией исследователей, которые подчеркивают важную роль религиозного компонента и религиозной идентичности в сознании человека, причем, по мнению авторов, данные позиции имеют особое значение для мусульманского населения. Кроме того, дагестанские исследователи подчеркивают, что дагестанским народам характерно отождествление национальной и религиозной идентичностей, что закономерно способствует формированию этноконфессиональной идентичности [8, с. 265]. Кроме того, дагестанские исследователи обозначают важную роль религиозного образования (примечательские школы, медресе, исламские институты и университеты) в формировании мусульманской идентичности [5, с. 154]. Таким образом, в рамках исследования мусульманской идентичности вырисовывается и такое понятие как «культурная религиозность», когда население, которое по типу религиозности относится к когорте «неверующие», но при этом подчеркивает свою принадлежность исламу. В этой связи, можно согласиться с позицией А.В. Малашенко: «Влияние ислама на формирование идентичности кавказцев в 1990-е гг. возросло. В наибольшей степени это характерно для чеченцев, ингушей, этносов Дагестана, а также, для карачаевцев и балкарцев. В Дагестане число тех, кто считает себя верующим, в постсоветский период колебалось в пределах от 81 % до 95 %» [4, с. 62].

Рассмотрение самого понятия «религиозная идентичность», в данном контексте исламской идентичности требует, чтобы разъяснили суть данного феномена. В первую очередь, следует отметить, что исламская идентичность является динамичным явлением, следовательно, ей характерна изменчивость:

– «мусульманская идентичность разнообразна и динамична;

– ее следует рассматривать и как состояние, и как процесс... она подвержена изменениям, поскольку именно в сфере межконфессиональных отношений модифицируются религиозные нормы и поведенческие модели» [3, с. 148], которые могут быть по-разному истолкованы в ходе социализации индивида.

Полученные на вопрос: «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» результаты показывают совершенно иное поведение опрошенных. Если в вопросе: «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» в массовом сознании опрошенной дагестанской молодежи себя проявили республиканская, исламская и национально-гражданская типы социальной идентичности, то чувство общности 51,6 % респондентов до 20 лет и 42,2 % в разрезе 20–29 лет ощущают с «представителями всех дагестанских народов» и данная позиция с заметным отрывом превалирует над иными суждениями. Далее располагается чувство общности «с людьми своей религии», разделяемое 35,3 % опрошенных до 20 лет и 29,8 % в разрезе 20–29 лет. Третье ранговое место занимает осознание единства «с представителями своего народа» и на него

указали 25,6 % в интервале до 20 лет и 24,8 % 20–29 лет, отодвинув ощущение чувства общности «с россиянами» 14,5 % до 20 лет и 26,0 % в разрезе 20–29 лет. Таким образом, можно согласиться с мнением отечественных исследователей о том, что последствия современных политических, экономических и социальных трансформаций понижают градус неопределенности культурных и этнических идентичностей, которые все чаще и в большей степени содержат «примеси» классических религиозностей. Это проявляется в том, что «люди стремятся демонстрировать принадлежность к корневым религиозным традициям своих социумов или этнических групп, причем к собственно религиозной вере это может и не иметь никакого отношения» [2, с. 112].

Далее, о значимости этноконфессиональной идентичности для дагестанской молодежи свидетельствуют эмпирические данные на вопрос: «Какое из суждений для Вас важнее?». Так, вариант ответа «для меня очень важна только моя религиозная принадлежность» отмечен 18,0 % респондентов в интервале до 20 лет и 26,4 % 20–29 лет. Далее, суждение «для меня очень важна только моя национальная принадлежность» разделяет статистически небольшая доля опрошенных в обоих возрастных интервалах – 5,2 % до 20 лет и 3,5 % 20–29 лет. Позиция, которая демонстрирует невостребованность в массовом сознании молодого поколения дагестанцев ни этнической, ни конфессиональной принадлежности, характерна 11,8 % респондентов в интервале до 20 лет и 7,8 % 20–29 лет. При этом в установках дагестанской молодежи доминирует позиция «для меня очень важны моя религиозная и национальная принадлежности», отмеченная 59,9 % респондентов в возрастном разрезе до 20 лет и 55,8 % 20–29 лет.

Таким образом, результаты опроса показывают, что для дагестанской молодежи мусульманская идентичность является одним из важнейших социальных категорий.

Далее, в рамках исследования был задан вопрос: «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?», на который 60,6 % опрошенных до 20 лет и 62,8 % в возрасте 20–29 лет придерживаются позиции «для меня очень важна моя религиозная принадлежность». Далее, 14,5 % в возрасте до 20 лет и 12,4 % 20–29 лет обозначили вариант ответа «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и суждение «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность» подчеркнула статистически незначимая доля опрошенных в обеих подгруппах – 1,0 % до 20 лет и 2,7 % в возрасте 20–29 лет.

При изучении выраженности мусульманской идентичности возникает необходимость в установлении характерного респондентам культового поведения, потому что, по мнению авторов, не всегда ярко выраженная самоидентификация и осознание чувства единства с носителями одного вероисповедания является свидетельством выраженности типа религиозности (табл. 1). Для этой цели была использована, предложенная Ф.Н. Ильясовым методика изучения религиозности населения, в основе которой лежит следующий тезис: «Для измерения религиозности применялся показатель «участие в религиозных обрядах», который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности – «вера в сверхъестественное» – суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в бога и в отдельные положения теологической доктрины» [1, с. 50].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?» (%)

Возраст	Показатель «Участие в религиозной (атеистической) деятельности»			
	Всегда участвую во всех религиозных обрядах моей религии и привлекаю других людей	Всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах моей религии	Иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии	Вообще не принимаю участия ни в каких религиозных обрядах моей религии
До 20 лет	9,3	21,1	49,5	16,6
20–29 лет	10,9	23,3	43,4	15,9
Всего:	10,5	27,4	42,9	14,3

Эмпирические данные позволяют относить опрошенное молодое поколение дагестанцев по типу религиозности к подгруппе «колеблющихся», которая «иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии». При этом только одна девятая часть в возрасте 20–29 лет демонстрирует религиозное поведение присущее когорте «убежденно верующих» и почти такая же часть в возрасте до 20 лет также придерживается данного суждения. Далее, религиозное поведение, характерное верующим (участие в главных религиозных обрядах своей религии), присуще одной четвертой части в подгруппе 20–29 лет и каждому пятому респонденту до 20 лет. При этом одна шестая часть в каждой из возрастных когорт «вообще не принимает участия ни в каких религиозных обрядах своей религии», что позволяет их

относить к типу религиозности – «убежденно неверующие» и «неверующие».

Таким образом, проведенный вторичный анализ социологического материала позволяет сделать вывод о востребованности в массовом сознании молодого поколения дагестанцев исламского типа самоидентификации, но их культовое поведение не соответствует обозначенному им месту и роли религиозного фактора в своей жизни. При подчеркивании значимости религиозного параметра, конфессиональной принадлежности дагестанской молодежи, можно утверждать, что она демонстрирует пассивное религиозное поведение, иными словами, «по мере взросления может появиться комплекс нравственно-эмоциональных переживаний, т.е., религиозное чувство и опыт,

на основе которого в более зрелом возрасте возникает осознанное стремление к знакомству с содержанием религиозной доктрины... с возрастом происходит последовательное включение индивида в религиозную деятельность вначале на

поведенческом уровне, затем – на эмоциональном, а позднее – на когнитивном» [1, с. 50], что может свидетельствовать о существовании возрастной специфики в следовании исламским правилами и постулатам.

Литература:

1. *Ильясов Ф.Н.* Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 50–55.
2. *Каргина И.Г.* Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108–115.
3. *Ляушева С.А.* Религиозная идентичность: некоторые подходы к осмыслению феномена / С.А. Ляушева, З.А. Жаде // Научные труды КубГТУ. 2018. № 10. С. 146–154.
4. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. 180 с.
5. *Рамазанов Р.О.* Причины радикализации мусульман Северного Кавказа (на материалах Республики Дагестан) // Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. Т. 1. № 2. С. 154–159.
6. *Шахбанова М.М.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.
7. *Шахбанова М.М.* Межэтническое согласие в современном дагестанском обществе: состояние и риски / М.М. Шахбанова, Р.О. Рамазанов, Д.С. Шихалиева, С.С. Муллахмедова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 247–254.
8. *Шахбанова М.М.* Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов / М.М. Шахбанова, А.М. Шахбанов // Современное состояние и пути развития юга России. Всероссийская научно-практическая конференция «Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (природа, общество, человек)». Ростов-н/Д., 2007. С. 265–267.
9. *Юрасов И.А.* Дискурсивное исследование религиозной идентичности / И.А. Юрасов, О.А. Павлова. URL : <https://doi.org/10.24158/typor.2018.7.3>

Literature:

1. *Ilyasov F.N.* Religious consciousness and behavior // Sociological researches. 1987. № 3. P. 50–55.
2. *Kargina I.G.* Key trends in study modern manifestation of religiosity // Sociological researches. 2013. № 6. P. 108–115.
3. *Lyausheva S.A.* Religious identity: some approaches to understanding phenomenon / S.A. Lyausheva, Z.A. Jade // Scientific works KubSTU. 2018. № 10. P. 146–154.
4. *Malashenko A.V.* Islamic orientations of North Caucasus. M., 2001. 180 p.
5. *Ramazanov R.O.* Causes of radicalizations of Muslims of North Caucasus (on materials of republic of Daghestan) // ActaHistorica: works on history, archeology, ethnography and social studies. 2018. Vol. 1. № 2. P. 154–159.
6. *Shahbanova M.M.* Ethnic, religious and state-civil identity of Daghestanpeople in terms of transformation of Russian society. Makhachkala : ALEF, 2016. 358 p.
7. *Shahbanova M.M.* Interethnic harmony in modern Daghestan society: condition and risks / M.M. Shahbanova, R.O. Ramazanov, D.S. Shihaliyeva, S.S. Mullahmedova // State and municipal management. Scientificnotes. 2019. № 2. P. 247–254.
8. *Shahbanova M.M.* Main state policy directions in regulation interethnic and international conflicts / M.M. Shahbanova, A.M. Shahbanov // Current state and ways of development of the South of Russia. All-Russian scientific and practical conference «System studies of the current state and ways of development of the South of Russia (nature, society, man)». Rostov-on/D., 2007. P. 265–267.
9. *Yurasov I.A.* Discursive research of religious identity / I.A. Yurasov, O.A. Pavlova. URL : <https://doi.org/10.24158/typor.2018.7.3>

Пухно Петр Сергеевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
тактико-специальной подготовки,
Краснодарский университет МВД России
inkognito13@inbox.ru

Лапсарь Маргарита Владимировна

курсант 4-го курса факультета
предварительного следствия и дознания,
Краснодарский университет МВД России
inkognito13@inbox.ru

**ИСКУССТВО КАК СОЦИАЛЬНОЕ
ЯВЛЕНИЕ В РАБОТАХ Р. ПЕТЕРСОНА,
Г. БЕККЕРА И П. БУРДЬЕ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Аннотация. Основное содержание статьи посвящено рассмотрению концепции культуры производства при исследовании сущности социологии искусства. Базу исследования составляет анализ научных работ Ричарда Петерсона, который один из первых обосновал парадигму производства и потребления применительно к социологии искусства. Также, проводится анализ противопоставленных друг другу концепций Пьера Бурдьё и Говарда Беккера. Данный подход позволяет отделить сферу искусства от традиционных понятий и выделить её специфические черты, наиболее применимые к предмету социологических наук. При сравнении концепций наряду с выделением характерных различий, приводится единая линия познания социологии искусства через призму индустриализации критериев исследования. На наш взгляд, социология искусства является одним из наиболее перспективных направлений в современной общественной науке.

Ключевые слова: социология искусства, культура, концепция, индустриализация, социум, культурсоциология, методология, символично-интеракционистское направление, символические элементы, общественная наука.

В социологии – одной из наиболее разнообразных, по нашему мнению, с точки зрения предмета познания наук, существует многолетняя традиция изучения искусства как специфической сферы человеческой деятельности. Возрождение данной традиции на современном этапе развития социологии способствует актуализации процесса познания проблемных аспектов состояния изучения социологии искусства как

Pyotr S. Pukhno

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
Tactical and Special Training,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
inkognito13@inbox.ru

Margarita V. Lapsar

4th year Cadet of the Faculty
Preliminary Investigation and Inquiry,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
inkognito13@inbox.ru

**ART AS A SOCIAL PHENOMENON
IN THE WORKS OF R. PETERSON,
G. BECKER AND P. BOURDIEU:
THE EXPERIENCE
OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Annotation. The main content of the article is devoted to the consideration of the concept of production culture in the study of the essence of the sociology of art. The research is based on the analysis of the scientific works of Richard Peterson, who was one of the first to substantiate the production and consumption paradigm in relation to the sociology of art. It also analyzes the opposing concepts of Pierre Bourdieu and Howard Becker. This approach allows us to separate the sphere of art from traditional concepts and highlight its specific features that are most applicable to the subject of sociological sciences. When comparing the concepts, along with highlighting characteristic differences, a single line of knowledge of the sociology of art through the prism of industrialization of research criteria is given. In our opinion, the sociology of art is one of the most promising trends in modern social science.

Keywords: sociology of art, culture, concept, industrialization, society, cultural sociology, methodology, symbolic-interactionist direction, symbolic elements, social science.

дискуссионного направления общественной науки.

Говоря об истории изучения искусства с точки зрения социума, мы можем выделить философский этап, исторический и, наконец, социологический. Проанализировав имеющуюся на данный момент теоретическую базу и приняв во внимание так и не решённые исследователями

проблемы, мы можем констатировать, что некоторые из направлений социологии искусства обновляются и актуализируются.

Принимая во внимания специфический характер искусства как сферы человеческой жизни, мы можем утверждать, что большинство оснований исследования социологии искусства носят как теоретический, так и эмпирический характер. Обсуждая особенности предмета исследования, мы восстанавливаем конкуренцию в теоретических логиках.

Что же послужило импульсом к актуализации дискуссий в области изучения социологии искусства? Теоретические споры возобновились после появления критических статей в отношении новой американской культуросоциологии, родоначальником которой считается Д. Александер. Анализ указанной критики невозможен без исследования предшествующих перспектив изучения социологии искусства.

Изучение любого научного вопроса, по нашему мнению, наиболее эффективно через анализ противопоставленных друг другу точек зрения. В области социологии искусства такое противопоставление связано с именами Г. Беккера и П. Бурдьё. Несмотря на некоторые практические несовместимые положения, оба учёных сходятся в ответах на базовые вопросы по основным теоретическим проблемам. Например, одну из базовых проблем данной научной области с одной стороны называют понятием «поле культурного производства», предлагаемого Пьером Бурдьё, а с другой – «мир искусства» Говарда Беккера.

Принимая во внимание научный авторитет исследователей, мы можем с уверенностью сказать, что через развитие их исследования, особенности авторского подхода были сформированы традиции теоретизирования социологии искусства. Таким образом, были созданы следующие концепции:

- 1) Беккер: символично-интеракционистское направление или теория ярлыков;
- 2) Бурдьё: стурктуралистский постмарксистский анализ или стурктурно-генетический подход.

Итак, целью нашей статьи мы видим реконструкцию теоретической базы, на которой основывается современная социология искусства, теоретический материал которой в основном исследуется с точки зрения производства культуры. Самым известным деятелем науки в этой области является Р. Петерсон, чьи положения лежат в основе идей, как Беккера, так и Бурдьё, которые не только исследуют аналогичные проблемы, но и используют, сформулированные Петерсоном, концепции.

Так как идея Петерсона получает развитие в исследованиях Бурдьё и Беккера и последующих поколениях социологов, мы можем заключить, что парадигма производства культуры является одной из наиболее перспективных направлений исследований во всей социологии искусства.

Наиболее важными задачами, реализуемыми в процессе достижения цели, является обозначение конкретных областей, которые мы можем описать в границах указанной перспективы, и тех сфер, которые выходят за рамки производства культуры.

Любое исследование начинается через определение предмета познания путём поиска ответа на вопрос: «Что мы исследуем?» Принимая во внимание специфику исследования социологии искусства, данный вопрос звучит следующим образом: «Что социологического есть в искусстве?» Рассматривая искусство как особую область человеческой деятельности, ответ на данный вопрос должен предшествовать остальным процессам познания, будь то методология или эпистемология.

Ричард Петерсон, чья научная деятельность связана с социологией с точки зрения производства, в своё время сформулировал основную, с точки зрения методологии исследования, проблему современной социологии культуры: «Каким образом проводить исследование культуры?». Также, в ряде своих работ он обосновывает важность обращения в данном вопросе к метафорике производства. Традиционное исследование культуры социологами подвергалось критике со стороны Петерсона, так как он искал способы автономизации сферы культуры и подчиненной её системе искусства, в то время, как традиционные концепции преследовали широкие, в некоторых моментах даже фундаментальные пространственные рассуждения об обществе.

Формулировка Петерсона относится к методологическим концепциям, так как учёный обосновывал необходимость обращения к эмпирическим исследованиям культуру как к инструменту познания новой социологической области. «Наступило время, – пишет Петерсон в 1976 году, – обратиться к более систематической работе в рамках культурного поворота в дисциплине [социологии] посредством построения общей социологии индуктивно через обширную эмпирическую базу» [1].

Петерсон обновляет социологические исследования 70-х годов прошлого века путём анализа понятия «культура» в различных формах и сферах человеческой жизни. Благодаря этому, в социологии культуры формулируется общая теоретическая схема познания на основании уже имеющегося теоретического материала.

Выделим три позиции, к которым сводится изучение культуры по методу Петерсона:

1. Культура представляет собой некую совокупность символических элементов, которые скрепляют социальную структуру общества посредством собственной внутренней целостности.
2. При проведении любого исследования в данной области внутреннее содержание культуры должно быть в центре внимания.
3. Любое изменение культуры не подчиняется предзаданной логике, но, всё же, происходит последовательно.

Основными характеристиками парадигмы производства Петерсона связаны с конкретными последствиями для социологического исследования искусства.

Как и любая индустрия, состоящая из процессов производства предмета и его потребления обществом, искусство (в контексте производственной парадигмы Петерсона) состоит из процесса создания культурного материала и внутреннего восприятия его индивидом. С этой точки зрения, искусство уже не рассматривается как результат труда автора, а как функциональный предмет общества.

Важно отметить, что с точки зрения эстетики искусства описанная парадигма лишает его сакральной, изначальной природы. Произведения искусства рассматриваются как товар производственной сферы, обретают свою экономическую ценность, что позволяет исследовать искусство в тесной взаимосвязи с другими сферами общественной жизни.

Социология искусства рефлексирует свой предмет посредством анализа той сферы, в которой он находится.

Обобщая краткий анализ парадигмы Петерсона, нельзя не сказать об основных элементах, характеризующих искусство как производство. К ним относятся: технология, право и законодательное регулирование, структура индустрии, организационная структура, система профессиональной занятости и рынок.

Итак, исследования Петерсона носят метатеоретический характер.

В начале нашего исследования мы затронули противопоставление концепций, разработанных Беккером и Бурдые. Основываясь на исследованиях Петерсона, на которые опирались указанные учёные, мы можем предположить, что искусство в их понимании также должно обладать двумя сторонами: производством и потреблением

Говоря о концепции Говарда Беккера, необходимо отметить, что свои исследования он строил, основываясь на аналитической философии и символическом интеракционизме. Само понятие «мир искусства» позаимствовано из работ А. Данто.

«Мир искусства» – понятие, возникающее из онтологических рассуждений о сущности искусства. Их существует большое количество, но в концепции Беккера мы видим трактовку искусства как зеркала, что применительно к произведениям искусства, следующих реалистичным представлением авторов о мире. Другая же концепция рассматривает искусство как сферу автономную, не нуждающуюся в репрезентации. Реализм в первом случае выступает как критерий, во втором – как один из большого количества инструментов или методов.

Специфической чертой такого подхода, достаточно близкого к идеям Патерсона, является

отнесение неоднозначного по своим характеристикам явления (или предмета) не к группе произведений искусства, а к более размытому понятию – миру искусства.

Одним из основных выводов Беккер делает следующее: мир искусства многогранен, он состоит из субъектов, производящих объекты, которые сам мир и определяет как объекты искусства.

Беккер утверждал, что искусство, по своей сущности, представляет собой результат деятельности людей, которые:

1. Подают идею произведения.
2. Реализуют её в объективном представлении.
3. Обеспечивают реализацию путём предоставлению необходимых материалов.
4. Воспринимают произведение искусства (аудитория/зрители).

Обычно, у большинства людей с миром искусства ассоциируются только авторы произведений. Здесь же мы видим явную взаимосвязь между концепциями Паттерсона, расширяющими понимание понятий «культура» и «искусство».

Таким образом, Беккер рассматривает искусство как результат коллективной сплочённой деятельности людей, отвергая идею о единоличной связи автора и его произведения: «Например, для того чтобы симфонический оркестр дал концерт, инструменты должны быть придуманы, сделаны и их необходимо поддерживать в надлежащем состоянии. Должна быть разработана нотная запись, сочинена музыка с помощью нотной записи, а исполнители должны научиться играть по нотным записям на инструментах. Должно быть предоставлено время и место для репетиций, размещена реклама и проданы билеты, а аудитория, способная слушать, каким-то образом понимать музыку и реагировать на представление, должна быть привлечена» [2].

Перейдём к анализу концептуального подхода к пониманию искусства с точки зрения П. Бурдые. Основными понятиями, используемыми им в своих работах, являются «габитус», «капитал», «поле», а также, исторический материал исследования искусства с точки зрения социологии. Авторский подход Бурдые основывается на марксистском понимании культуры, которая совместно с искусством представляется им обусловленным социальными предпосылками «полем». Однако при этом он не использует критично экономическую традицию Маркса в понимании искусства.

Бурдые анализирует искусство с точки зрения его взаимоотношений с другими сферами жизни человека (или «полями»), чаще всего с политикой и экономикой. Бурдые критично высказывается о традиционном эстетическом понимании искусства: «...вопрос о смысле и ценности произведения искусства как вопрос о специфике эстетического суждения, а с ним и все великие проблемы философской эстетики могут быть решены лишь

посредством обращения к социальной истории поля и одновременно к социологии условий конституирования специфических эстетических позиций, требуемых полем на каждом из этапов своего развития» [3].

Рассмотренные концептуальные подходы имеют как схожие, так противоположные стороны. Схожесть заключается в общем для них базисе исследования, основанного на концепции культуры производства, а также – на понимании сущности искусства. Различие состоит в методах и средствах к исследованию социального мира искусства. Наибольшую ценность, по нашему мнению, для дальнейших исследований социологии искусства представляет тот факт, что, рассматривая сферу искусства как индустрию или производство, мы можем говорить о развитии внутри неё традиционных общественных институтов, о поиске с её помощью решения социальных

Литература:

1. *Peterson R.A.* The Production of Culture: A Prolegomenon // *The American Behavioral Scientist*. 1976. Vol. 19. № 6.
2. *Becker H.S.* Art as a Collective Action / H.S. Becker; Ed. by C.L. Harrington, D.B. Bielby // *Popular Culture: Production and Consumption*. Blackwell Publishing, 2001.
3. *Бурдьё П.* Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного / П. Бурдьё; Пер. с фр. Ю.В. Марковой // *Новое Литературное Обозрение*. 2003. № 60.

проблем. Таким образом, социология искусства представляет собой огромное поле для исследований различных социальных явлений.

Можем констатировать, что данный подход является одним из многих в процессе познания сложной структуры и сущности социологии искусства, которая нам представляется особенной сферой жизни человека, а, следовательно, является кладезем для научных разработок, как среди социологов, так и для представителей других общественных наук.

На данном этапе наших исследований мы так же считаем, что данная статья представляет собой лишь часть масштабного исследования, посвящённого исследованию искусства с точки зрения индустрии и сферы массового потребления её продуктов.

Literature:

1. *Peterson R.A.* The Production of Culture: A Prolegomenon // *The American Behavioral Scientist*. 1976. Vol. 19. № 6.
2. *Becker H.S.* Art as a Collective Action / H.S. Becker; Ed. by C.L. Harrington, D.B. Bielby // *Popular Culture: Production and Consumption*. Blackwell Publishing, 2001.
3. *Bourdieu P.* Historical genesis of pure aesthetics. Essentialist analysis and the illusion of the absolute / P. Bourdieu; Translation from French Yu.V. Markova // *New Literary Review*. 2003. № 60.

Разин Михаил Владимирович
преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
novorossmr1974@mail.ru

Караваев Евгений Сергеевич
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Волгодонский филиал
Ростовского юридического института
МВД России
evgkaravaev@yandex.ru

Стурова Наталья Алексеевна
старший преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Волгодонский филиал
Ростовского юридического института
МВД России
sturovanatali287@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РФ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Новые условия жизни с риском заражения и критическим ростом заболеваемости Covid-19 регламентировались и продолжают регламентироваться законами, указами, постановлениями и иными подзаконными актами. По мнению авторов, период пандемии COVID-19 внес изменения в миграционную ситуацию на территории России. Особенно пострадала сфера трудовой миграции, так как ограничительные меры, принимаемые государством, оказали непосредственное влияние не только сферы бизнеса, в которых наиболее полно задействованы иностранные граждане.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, пандемия, ограничительные меры.

31 декабря 2019 года жизнь человечества разделилась на «до» и «после». Именно в этот день Всемирная организация здравоохранения была проинформирована о вспышке новой вирусной инфекции, ныне известной как COVID-19 или коронавируса. Спустя месяц, вспышка COVID-19 была признана чрезвычайной ситуацией, а в марте 2020 г. – пандемией. Начался отчет новой реальности, в которой такие понятия и явления как средства личной защиты, социальная дистанция, карантин и ограничение передвижений

Mikhail V. Razin
Lector of the Department
of Special Disciplines,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the MIA of Russia
novorossmr1974@mail.ru

Evgeny S. Karavaev
Senior lecturer
of the Department of Special Disciplines,
Volgodonsk branch Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
evgkaravaev@yandex.ru

Natalia A. Sturova
Senior lecturer
of the Department of Special Disciplines,
Volgodonsk branch Rostov law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
sturovanatali287@gmail.com

FEATURES OF THE MIGRATION SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Annotation. New living conditions with the risk of infection and a critical increase in the incidence of Covid-19 have been regulated and continue to be regulated by laws, decrees, regulations and other by-laws. The period of the COVID-19 pandemic has changed the migration situation in Russia. The sphere of labor migration was particularly affected, as the restrictive measures taken by the state had a direct impact on those business areas in which foreign citizens are most fully involved.

Keywords: migration, labor migration, pandemic, restrictive measures.

определяли весь жизненный уклад населения многих стран.

Новые условия жизни с риском заражения и критическим ростом заболеваемости Covid-19 регламентировались и продолжают регламентироваться законами, указами, постановлениями и иными подзаконными актами, среди которых такие как Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на

территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 16.10.2020 № 31 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-19 в период сезонного подъема заболеваемости острыми респираторными вирусными инфекциями и гриппом», Постановление губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» и т.д.

Предпринимаемые государством и органами управления меры не могли обойти вниманием такой вопрос, как миграция.

Можно выделить три большие группы мигрантов, которые оказались «задеты» ограничительными мерами, обусловленными пандемией вируса COVID-19: климатические мигранты /зимовщики; беженцы; трудовые мигранты.

За несколько первых месяцев 2020 года глобальные миграционные потоки претерпели значительные изменения. Закрытие национальных границ и, как следствие, введение жестких ограничений на авиаперелеты непосредственно сказались на масштабах и направлениях миграционных потоков. В связи с этим одной из наиболее пострадавшей категорией мигрантов стали климатические, а в еще большей степени — климатические беженцы [1].

Как правило, под климатической миграцией подразумевают миграцию, обусловленную ухудшением условий проживания в «точке исхода», связанную, например, с экологическими проблемами. Однако, если говорить о России, необходимо вспомнить о таком явлении как «зимовщики», то есть, граждане РФ, отбывающие в «теплые страны» на период российской зимы. Как правило, речь идет о таких странах, как Вьетнам, Камбоджа, Таиланд, Индонезия (остров Бали), Индия (остров Гоа) и так далее. В сущности, это такие же климатические мигранты, только их миграция носит временный характер. Однако «зимовщики», а также, граждане, воспользовавшиеся резким обвалом цен на туристическом рынке и отправившиеся на отдых в феврале-марте 2020 года, создали ряд трудностей и прецедентов, связанных с их возвращением.

Однако наибольшие проблемы испытал сегмент, занятый трудовыми мигрантами, так как эта категория граждан плотно связывает различные секторы экономики в России, а также же влияет на экономическую жизнь стран-доноров.

Данные статистики за 2014–2018 год показывают, что ежегодно в Россию въезжали около 600 тысяч мигрантов, в основном, из стран СНГ. Около трети въезжающих граждан прибывало из Украины, которая, таким образом, за последние годы

вышла в лидеры среди стран-доноров, что обусловлено политической обстановкой в этой стране. Около 45 % мигрантов приходится на Казахстан, Таджикистан и Узбекистан практически в равных долях [2].

Миграционную ситуацию в России в период пандемии и карантина начали анализировать и давать прогнозы уже сразу после введения ограничительных мер [3]. Эксперты разошлись в оценке ситуации: часть прогнозировала социальный взрыв, если государство будет безучастным к нуждам мигрантов, которые «застряли» в России без работы и средств к существованию по причинам, от них не зависящим, другие, основываясь на прецедентах экономических кризисов 2008–2009 и 2014 гг., скептически оценивали рост миграционной преступности [4]. Государство, собственно, предприняло те самые необходимые меры, в первую очередь, имеется в виду Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» с изменениями от 15 июня 2020 г. № 392, от 23 сентября 2020 г. № 580. В соответствии с указанными правовыми актами всем иностранным гражданам, прибывшим в визовом или безвизовом порядке были приостановлены сроки временного пребывания до 15 декабря 2020 года включительно.

Принятые меры противодействия распространению коронавирусной инфекции показали нежизнеспособность российского миграционного законодательства в чрезвычайных обстоятельствах. Это обуславливает необходимость разработки правового механизма, позволяющего оперативно реагировать на быстро меняющуюся миграционную ситуацию в нестандартных условиях [5]. Очевидно, что государство нуждается в практических рекомендациях по профилактике и минимизации рисков миграционной преступности, таких как увеличение межнациональных конфликтов, терроризм, экстремизм, трансграничная преступность, рост наркотизации общества, коррупцию, криминализацию экономических отношений, общую социальную напряженность [6]. Рост миграционной преступности обусловлен тем, что в период пандемии и карантинных мер, иностранные граждане попадают в уязвимое социальное положение.

Положение трудовых мигрантов ухудшилось повсеместно, не только в Российской Федерации. Чтобы проанализировать происходящее, Высшая школа экономики и Институт социологии ФНИСЦ РАН [7]. провели онлайн-опросы трудовых мигрантов, результатом которых стали следующие выводы:

– почти 90 % опрошенных работали в России и в предыдущем году;

– в первом полугодии 2020 г. почти 9 % из вышеуказанных 90 % не имели работы в период с января по май, пик безработицы пришелся на апрель;

– ситуация кардинально отличалась в Москве и Московской области, где были приняты самые жесткие ограничительные меры, и в других регионах страны: сокращения занятости в столичном регионе начались уже в марте, в то время, как в регионах продолжался прирост занятости;

– в столице в апреле почти 41 % респондентов остались без работы, в регионах цифра сокращенных/уволенных была вдвое меньше – 21 %;

– более высококвалифицированные сотрудники имели больше шансов на сохранение рабочего места, чем менее опытные работники, от которых избавлялись в первую очередь;

– больше всего пострадали мигранты с неурегулированным правовым статусом, неформально занятые и работающие на малых предприятиях;

– пандемия и ограничения ударили по индустрии гостеприимства – гостиницам и ресторанам, здесь без работы осталось почти 55 % ранее занятых мигрантов, менее всего пострадала строительная сфера, где «за бортом» оказалось 18,5 %.

Среди работников – граждан РФ – работу за период пандемии потеряло до 10 %, а среди мигрантов – до трети. Разница в цифрах объясняется разницей подходов: россияне столкнулись с массовыми сокращениями зарплат (стратегия борьбы с кризисами, используемая с 2000-х годов), то трудовые мигранты оказались без рабочих мест вследствие ликвидации оных (закрытие бизнеса).

Трудовые мигранты – важная часть трудового рынка России, а их трудовые доходы – важная

Литература:

1. Лукьянец А.С. Климатическая миграция в условиях пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 23–24.

2. Сивоплясова С.Ю. Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 107.

3. См. Волох В. Трудовая миграция в России во время и сразу после пандемии // Независимая газета. 2020. 16 апреля. URL : https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/kartblansh/2020-04-16/3_7846_kartblansh.html (дата обращения: 31.10.2020); Пушкарёв С. Чемодан, вокзал, патент // Российская газета. 2020. 30 апреля. URL : <https://rg.ru/2020/04/30/reg-dfo/trudovye-migranty-iz-stran-sng-stali-zalozhnikami-situacii-s-pandemiej.html> (дата обращения: 31.10.2020); Поletaев Д. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? // Российский совет по международным делам. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/> (дата обращения 31.10.2020).

часть экономики союзных государств. Вне всякого сомнения, карантинные меры и приостановка деятельности многих предприятий в России стали сильнейшим шоком не только для тех, кто находился в России, но и для тех, кто собирался приехать в нее в марте-мае [8].

Сложность миграционно-трудоустройственной ситуации в России заключается в том, что происходит выталкивание мигрантов из сферы легального бизнеса в теневую, что приводит к росту сверхэксплуатации рабочей силы. Находясь в состоянии безработицы и безденежья, без возможности вернуться на Родину, работники согласны на самые низкие ставки, на работу в опасных условиях, с низкой зарплатой, которая выплачивается на основании устных договоренностей, и все чаще – не выплачивается либо задерживается. Трудовые мигранты сейчас представляют собой очень удобную для сверхэксплуатации группу в условиях ожидаемого снижения уровня жизни стран-мигранционных доноров рабочей силы, в том числе, из-за падения потока денежных переводов из России [9].

На наш взгляд, та часть мигрантов, которая осталась по каким-либо причинам без источников дохода и не собирающиеся возвращаться домой, являются также и потенциалом для преступных схем ОПГ.

Противодействовать этому механизму можно только превентивными мерами на практическом уровне, а именно усилить профилактику. На законодательном уровне необходимо же рассмотреть сроки и механизмы возвращения данной категории мигрантов на родину.

Literature:

1. Lukyanets A.S. Climate migration in pandemic conditions COVID-19 / / Scientific review. Series 1: Economics and Law. 2020. № 3. P. 23–24.

2. Sivoplyasova S.Yu. Women's labour migration during the pandemic COVID-19 // Scientific review. Series 1: Economics and Law. 2020. № 3. P. 107.

3. See. Volokh V. Labor migration in Russia during and immediately after the pandemic // Nezavisimaya Gazeta. 2020. April 16. URL : https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/kartblansh/2020-04-16/3_7846_kartblansh.html (circulation date: 31.10.2020); S. Pushkarev. Suitcase, station, patent / S. Pushkarev // Russian newspaper. 2020. April 30. URL : <https://rg.ru/2020/04/30/reg-dfo/trudovye-migranty-iz-stran-sng-stali-zalozhnikami-situacii-s-pandemiej.html> (date of the address 31.10.2020); Poletaev D. Migration consequences of the «ideal storm»: what will be the impact of the coronavirus pandemic on migration problems? // Russian council for the international affairs. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/> (date of application 31.10.2020).

4. *Urda M.N.* Управление рисками миграционной преступности в условиях пандемии // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2020. № 3(54). С. 60–61.

5. Там же. С. 59.

6. Там же.

7. Коронавирус и трудовая миграция // Финам. – 2020. 26 июня. URL : <https://finam-ru.turbopages.org/finam.ru/s/analysis/forecasts/koronavirus-i-trudovaya-migraciya-20200626-160043/> (дата обращения 20.10.2020)

8. Там же.

9. *Поletaев Д.* Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? // Российский совет по международным делам. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealno-go-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koro-navirusa-na-problemy/> (дата обращения 31.10.2020).

4. *Urda M.N.* Managing the risks of migration crime in pandemic conditions//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. № 3(54). P. 60–61.

5. In the same place. P. 59.

6. In the same place.

7. Coronavirus and labor migration // Finam. 2020. June 26 . URL : <https://finam-ru.turbopages.org/finam.ru/s/analysis/forecasts/koronavirus-i-trudovaya-migraciya-20200626-160043/> (date of application 20.10.2020)

8. In the same place.

9. *Poletaev D.* Migration consequences of the «ideal storm»: what will be the impact of the coronavirus pandemic on migration problems? // Russian council for the international affairs. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealno-go-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/> (date of application 31.10.2020).

Реутов Евгений Викторович

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
reutovevg@mail.ru

Реутова Марина Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
reutova@bsu.edu.ru

**ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ
В СИСТЕМЕ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ
(НА МАТЕРИАЛАХ
РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация. В статье проанализированы установки и практики гражданской активности молодежи Белгородской области. Отмечено, что довольно высокий уровень участия молодежи в общественных объединениях по большей части является следствием внешней мобилизации либо использованием ресурса общественных институтов для достижения личных целей. Уровень готовности к неконвенциональной гражданской активности у молодежи, скорее, низкий. Решение общественно значимых проблем важно для молодежи, прежде всего, в контексте реализации частных интересов, что может быть использовано общественными и государственными структурами в качестве механизма актуализации ресурса общественно-политического участия молодежи.

Ключевые слова: молодежь, гражданское участие, гражданская активность, волонтерство, самоорганизация, жизненный успех.

Введение. Современное общество все в большей степени приобретает сетевой характер – как со всеми позитивными коннотациями данного понятия, так и с негативными характеристиками. Сетевое общество – это, прежде всего, социальная система, в которой отсутствует жесткая иерархическая пирамида, а группы влияния конкурируют друг с другом, заручаясь поддержкой масс. Это общество с высокой степенью

Evgeny V. Reutov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Social Technology and Public Service,
Belgorod State
National Research University
reutovevg@mail.ru

Marina N. Reutova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Social Technologies and Public Service,
Belgorod State
National Research University
reutova@bsu.edu.ru

**CIVIL ACTIVITY IN THE SYSTEM
OF MEANINGFUL ORIENTATIONS
OF YOUTH (ON THE MATERIALS
OF A REGIONAL RESEARCH)**

Annotation. The article analyzes the attitudes and practices of civic engagement of youth in the Belgorod region. It is noted that a fairly high level of youth participation in public associations is mostly a consequence of external mobilization or the use of the resource of public institutions to achieve personal goals. The level of readiness for unconventional civic engagement among young people is rather low. The solution of socially significant problems is important for young people, first of all, in the context of realizing private interests, which can be used by public and state structures as a mechanism for updating the resource of social and political participation of young people.

Keywords: youth, civic participation, civic engagement, volunteering, self-organization, life success.

сегрегации, определяемой ценностными предпочтения, статусными характеристиками и цифровой компетентностью его участников. В сетевом обществе групповые солидарности, как правило, доминируют над общегражданской идентичностью, а государство все в большей мере рассматривается, как технологическая платформа для организации коммуникации граждан и оказания им услуг. Принятие решений утрачивает четкую

субъектность, а сам процесс принятия решений во многом деинституционализируется. Такого рода трансформация социальных и политических отношений, с одной стороны, может порождать массовую фрустрацию у граждан, оказывающихся в ситуации крушения патернализма, утраты привычных ценностных ориентиров и поведенческих фреймов. С другой, она создает мощный запрос на индивидуальную и групповую субъектность, готовность к объединению и сотрудничеству ради достижения частных и коллективных целей. Технологический аспект «сетевизации» общества – то есть уход значительного объема социальных коммуникаций в виртуальное пространство – создали мощную основу для самопрезентации индивидов и групп – в том числе, в сфере гражданского участия¹.

Длительное время российское общество было структурировано по вертикали, и этот выработало специфический тип гражданской активности – «снизу вверх» – в виде апелляции к власти в рамках транслируемых этой же властью смыслов и ценностей. Носители подобной гражданской активности проходили селекцию и либо встраивались в систему государственной власти или квазиобщественных организаций (комсомол, профсоюзы и пр.), либо маргинализировывались. И когда с крушением СССР рухнула и система централизованной селекции и поощрения социальной активности граждан, а параллельно с этим сформировались новые каналы реализации частных интересов – бизнес, политика, общество стало атомизироваться, а ценности гражданского активизма и общественного участия во многом девальвировались. Для подавляющего большинства россиян в непростых социально-экономических условиях индивидуальное выживание получило однозначный ценностный приоритет по сравнению с кооперацией и общим благом.

Нынешнее поколение российской молодежи практически не испытало травму перехода от советского к постсоветскому обществу и социализировалось в условиях относительно плавной социальной динамики 2000–2010-х гг. Сетевая структура общества для молодежи воспринимается уже естественной, а быстрый переход от одной статусной позиции к другой носит характер нормы. Соответствующим образом воспринимается и наличие многих солидарностей, в том числе, ситуативных [2, с. 161–163]. Плюс к этому, начиная с середины 2000-х гг., российская власть стала активно формировать механизмы общественно-политической мобилизации молодежи в рамках лоялистских, патриотических, волонтерских и пр. движений.

Методы и организация исследования. Целью данной статьи является определение готовности молодежи к самоорганизации и распространенности соответствующих практик, места гражданской активности в системе смысложизненных ориентаций молодежи и способов ее реализации.

В эмпирической основе статьи – результаты социологического исследования, проведенного в Белгородской области АНО «Консалтинговое агентство социального мониторинга и массовых коммуникаций» в 2019 г. (N = 4812 респондентов в возрасте от 12 до 25 лет).

Результаты исследования и их обсуждение. Под гражданской активностью молодежи мы понимаем совокупность установок и практик, ориентированных на выявление и решение социальных проблем разного уровня посредством социального творчества и самоорганизации молодых людей. При этом гражданскую активность целесообразно выделять из системы общественного участия, в котором может отсутствовать «гражданский» компонент, связанный с осознанием личной ответственности (как отмечает О.Н. Яницкий, «общественное участие может быть сугубо массовым – толпою, а не личным выбором и волеизъявлением, т.е. не гражданским в строгом смысле слова» [4, с. 54]).

Включение молодежи в практики гражданской активности имеет особое значение как для развития локальных и более масштабных сообществ, для повышения эффективности социальной регуляции, так и для самой молодежи. В первом случае гражданская активность способствует аккумуляции индивидуальных и групповых ресурсов развития, росту объема социального капитала, создает базу для социальных инноваций и преобразования местного сообщества, способствует повышению эффективности государственного и муниципального управления, создавая для него конкурентную среду. Во втором – формирует у молодежи чувство социальной ответственности, повышает уровень социальной компетентности и, при определенных условиях, является социальным лифтом.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что современная молодежь ориентирована, прежде всего, на частную жизнь, и, исходя из этого, формулирует критерии жизненного успеха. Самым главным в своей жизни здоровье считают 72,69 % опрошенных, семью и ее благополучие – 72,05 %, деньги, хороший заработок – 26,29 %, любовь – 20,20 %, получение от жизни удовольствия – 17,79 %, реализацию своих таланта и способностей – 17,04 %, карьеру – 13,90 %, хорошее образование – 13,24 %, свободу, независимость от других – 11,33 %, профессионализм – 7,96 %, пользу своей стране – 5,86 %, покой – 4,48 %, веру – 3,41 %, власть – 2,27 %, славу, популярность – 1,60 %.

Польза стране, обществу в системе жизненных приоритетов находится на одном из последних мест. Но это, опять же, не следует рассматривать как социальную аномалию, а скорее – как предельно рационализированный взгляд на жизнь. Можно также предположить, что, декларируя в качестве жизненных приоритетов здоровье и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31451.

семью, часть молодых людей отдает себе отчет в том, что и здоровье, и хорошая семья отнюдь не противоречат идее общественной пользы.

Соответственно, и в перечне критериев жизненного успеха лидирует хорошая семья – так считают 65,92 % молодежи. Службу своей стране и Отечеству в качестве критерия жизненного успеха выбирают лишь 12,70 % опрошенных.

Соответствующие диспозиции свидетельствуют, прежде всего, о балансе приоритетов приватной и общественной жизни и успеха в сознании молодежи. Но тот факт, что личное находится в безусловном приоритете по отношению к общественному, в принципе, не влечет автоматически низкий уровень гражданской активности. Просто нужно понимать, что гражданская активность подавляющего большинства современной молодежи имеет в основе своей не альтруистическую мотивацию, а тесно связана с личными интересами. Когда эти интересы актуализируются, молодые люди демонстрируют высокую готовность к сотрудничеству, объединению с другими людьми – об этом говорят 90,98 % опрошенных (не готовы к этому лишь 2,78 %). Конечно, декларируемая готовность достаточно далека от реальных практик, тем не менее, наличие подобной диспозиции во многом говорит о преодолении, по крайней мере, на ментальном уровне, ситуации социальной атомизации, которая была очень влиятельным трендом еще каких-либо 10–15 лет назад [1, с. 109–115].

Косвенным свидетельством периферийности для молодежи общественной проблематики служит то, что лишь для 2,68 % опрошенных личностно важным эффектом интернет-пользования является высказывание своей позиции по общественно значимым проблемам.

Детализация установок на проявления гражданской активности говорит о следующем. Для защиты прав, реализации частных и коллективных интересов готовы:

– высказывать свою точку зрения руководству организации, в которой они работают (учатся), даже если эта точка зрения противоречит позиции руководства 65,73 % опрошенных молодых людей (не готовы к этому 20,35 %);

– открыто высказывать свою позицию в интернет-пространстве 42,73 % (не готовы – 23,25 %);

– участвовать в разрешенных акциях протеста 31,90 % (не готовы – 44,18 %);

– участвовать в неразрешенных протестных акциях 9,23 % (не готовы – 70,95 %);

– вступить в организацию, официально признанной экстремистской 5,92 % (не готовы – 77,62 %).

В данном случае, речь идет о готовности – наборе установок, которые могут при определенных условиях реализоваться, а могут – и нет. Тем не менее, опрос показал достаточно высокий уровень и реального (по самооценке) участия молодых людей в молодежных объединениях или

общественно-политических организациях – 30,49 %.

Как правило, это волонтерские (39,74 % участников), творческие (26,45 %) или спортивные (21,06 %) объединения. В меньшей мере – военно-патриотические (13,02 %), политические (10,02 %), экологические (9,48 %) или религиозные (2,25 %). Исследование, проведенное в Саратовской области также выявило, что в повседневных проявлениях гражданский активизм чаще воплощается в волонтерстве (помощи социально уязвимым группам населения) и экологических акциях [2, с. 90–100].

Доминирование волонтерства в системе общественного участия молодежи заставляет ставить вопросы о характере и мотивации этого участия. О постоянном участии в волонтерской деятельности заявили 17,10 % участников опроса, об эпизодическом – 24,50; еще 9,12 % отметили, что собираются заняться ею; 31,46 % опрошенных не исключили для себя возможность заняться волонтерством; неприятие волонтерской деятельности разделяют лишь 9,79 % опрошенных. Таким образом, потенциал волонтерства в молодежной среде находится на достаточно высоком уровне, и вопрос его актуализации состоит в поиске эффективных форм мобилизации.

Декларируемая мотивация реального или предполагаемого участия в волонтерской работе носит преимущественно альтруистический характер – это желание помочь людям – об этом заявили две трети (65,57 %) респондентов. Значимыми также являются мотивы расширения круга общения (30,00 %), приобретение опыта в новой деятельности (26,89 %), возможность решить общие для себя и для других проблемы (25,00 %), желание найти интересное занятие в свободное от учебы (работы) время (24,00 %). И в данном случае можно усмотреть определенное противоречие, которое заключается в том, что когда речь идет о жизненных приоритетах или критериях жизненного успеха, польза обществу находится на их периферии, а в мотивации волонтерской деятельности желание помочь людям – на первом месте. Но на самом деле, это противоречие снимается тем, что, во-первых, альтруистическая мотивация – это, прежде всего, декларация, причем, во многом – декларация о намерениях, поскольку звучит применительно к потенциальной или крайне эпизодической волонтерской деятельности. У штатных, если можно так выразиться, волонтеров данная мотивация смещена в сторону профессионализации и расширения кругов коммуникации. И во-вторых, волонтерская деятельность все же более предметна по своим результатам, и ее потенциальная или реальная польза для конкретных людей более ощутима, нежели долгосрочный эффект от альтруистических жизненных стратегий в целом.

Выводы. Таким образом, социологический анализ установок и практик молодежи региона дает основание для вывода о том, что гражданская активность для нее является периферийной в системе жизненных приоритетов, но вполне нормативной с точки зрения признания ее значимости и, отчасти, конкретных жизненных практик. При

этом довольно высокий уровень участия молодежи в общественных объединениях по большей части является следствием внешней мобилизации либо использованием ресурса общественных институтов для достижения личных целей. Также, для молодежи свойствен достаточно низкий уровень готовности к неконвенциональной граждан-

Литература:

1. *Бабинцев В.П.* Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии / В.П. Бабинцев, Е.В. Реутов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 109–115.
2. *Омельченко Д.А.* Молодежь и общество: в поисках новых солидарностей // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 161–163.
3. *Суркова И.Ю.* Гражданский активизм молодежи Саратовской области: социально-политическая включенность и потенциал участи / И.Ю. Суркова, В.В. Щебланова, Л.В. Логинова // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 90–100.
4. *Яницкий О.Н.* Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть. 2015. № 2. С. 53–60.

ской активности. Решение общественно значимых проблем важно для молодежи, прежде всего, в контексте реализации частных интересов и данный мотивационный механизм необходимо задействовать общественным и государственным структурам для актуализации ресурса общественно-политического участия молодежи.

Literature:

1. *Babintsev V.P.* Self-organization and «atomization» of youth as actual forms of socio-cultural reflection / V.P. Babintsev, E.V. Reutov // Sociological studies. 2010. № 1. P. 109–115.
2. *Omelchenko D.A.* Youth and Society: In Search of New Solidarities // Sociological Research. 2016. № 2. P. 161–163.
3. *Surkova I.Yu.* Civic activism of the youth of the Saratov region: socio-political involvement and the potential for participation / I.Yu. Surkova, V.V. Scheblanova, L.V. Loginova // Sociological studies. 2020. № 8. P. 90–100.
4. *Yanitskiy O.N.* Social activism in Russia: yesterday and today // Power. 2015. № 2. P. 53–60.

Ситникова Виктория Владимировна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы,
Амурский государственный университет
Vasileva_elena_1997@mail.ru

Васильева Елена Владимировна
магистрант кафедры социальной работы,
Амурский государственный университет
Vasileva_elena_1997@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ НАДОМНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В данной статье рассматривается сущность надомного социального обслуживания граждан пожилого возраста: актуальность, дается основное определение, а также анализируются основные цели, которые стоят перед социальными работниками. Основной упор в статье делается на рассмотрении организационных основ данной профессиональной деятельности социальных работников. В рамках организационных основ авторы рассматривают основные положения, по которым осуществляется контроль полноты и качества предоставляемых социальных услуг гражданам. Приводится перечень документов, которые необходимы для постановки на надомное социальное обслуживание, описываются причины, по которым может быть прекращено оказание социальных услуг.

Ключевые слова: граждане пожилого возраста, надомное социальное обслуживание, организационные основы надомного социального обслуживания.

Надомное социальное обслуживание на сегодняшний день играет огромную роль в социальной защите пожилых граждан, это связано с тем, что оно, в первую очередь, направлено на удовлетворение базовых потребностей пожилых людей.

Социальное обслуживание на дому – одна из самых оптимальных форм предоставления социальной помощи гражданам пожилого возраста в рамках адаптационного процесса. В организационном и экономическом плане этот вид услуг наиболее эффективен и целесообразен. Это связано с тем, что пожилые люди находятся у себя дома и им не нужно адаптироваться к новым жилищным условиям, а также нет необходимости создавать специальные помещения, в которых

Victoria V. Sitnikova
Candidate of Social Sciences
Associate Professor
of the Department of Social work,
Amur State University
Vasileva_elena_1997@mail.ru

Elena V. Vasilyeva
Master student
of the Department of Social work,
Amur State University
Vasileva_elena_1997@mail.ru

ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS OF HOME-BASED SERVICES FOR THE ELDERLY

Annotation. The scientific article examines the essence of home-based social services for elderly citizens: relevance, gives the main definition, and analyzes the main goals that social workers face. The main focus of the article is on the organizational basis of this professional activity of social workers. Within the framework of the organizational framework, the authors consider the main provisions that control the completeness and quality of social services provided to citizens. The list of documents that are necessary for placing on home-based social services is provided, and the reasons why the provision of social services may be discontinued are described.

Keywords: elderly citizens, home-based social services, organizational foundations of home-based social services.

будет реализоваться социальное обслуживание [4].

Надомное социальное обслуживание граждан пожилого возраста ставит перед собой разнообразные цели. Одной из основных целей данного вида деятельности является оказание социальных услуг гражданам пожилого возраста на дому, кроме того, определяются виды и формы оказания помощи. Помимо этого, в рамках реализации надомного социального обслуживания специалисты должны способствовать повышению жизненного уровня пожилых людей, а также, следить за тем, чтобы им услуги оказывались качественно, а пожилые люди чувствовали себя в социальном плане защищенными.

Надомное социальное обслуживание граждан пожилого возраста является сложной и многогранной сферой человеческой деятельности. В связи с этим, перед рассмотрением организационных основ надомного социального обслуживания целесообразно проанализировать, какие требования предъявляются специалистам в данной области [9].

Совет по образованию США разработал 9 профессиональных требований к социальным работникам, работающим в системе надомного социального обслуживания:

- 1) уметь распознать и дать оценку ситуации, которая сложилась в семье пожилого человека;
- 2) разработать план, который будет способствовать улучшению благосостояния пожилого человека, а также обеспечить его выполнение;
- 3) проконсультировать граждан пожилого возраста, по вопросам имеющихся социальных служб, которые могут быть ему полезны для адаптации к современным условиям и обеспечить взаимосвязь между этими учреждениями и гражданами пожилого возраста;
- 4) защищать те категории граждан пожилого возраста, которые наиболее уязвимы или страдают от дискриминации;
- 5) способствовать эффективному и гуманному действию систем, которые оказывают пожилым людям социальные услуги, а также предоставлять ресурсы и возможности;
- 6) принимать активное участие в создании систем социальных услуг, возможностей и ресурсов, которые будут наиболее справедливыми, чувствительными и обоснованными при распределении социальных услуг между их получателями. А также способствовать устранению тех систем, которые не попадают под данные требования;
- 7) уметь оценить эффективность своей проделанной работы;
- 8) постоянно совершенствоваться в профессии, тем самым увеличивая свою базу профессиональных знаний при соблюдении стандартов и этических норм профессии;
- 9) содействовать совершенствованию социальной службы, которая занимается реализацией надомного социального обслуживания [1].

Данные сформулированные требования по отношению к социальному работнику, деятельность которого направлена на реализацию надомного социального обслуживания, оказали влияние на становление надомного социального обслуживания не только в США, но и в Российской Федерации.

Надомное социальное обслуживание пожилых людей реализуется по средствам оказания им социальных услуг в соответствии с территориальным перечнем социальных услуг, которые

гарантированы государством. Данный вид профессиональной деятельности реализуется на временной (до 6 месяцев) или на постоянной основе. Все социальные услуги, которые гарантированы государством, предоставляются гражданам пожилого возраста бесплатно, также социальные услуги могут предоставлять за счет частичной и полной оплаты [5].

Для всех граждан, которые находятся на надомном социальном обслуживании, создается индивидуальный план обслуживания и составляется график посещения. Индивидуальный план и график посещения утверждается директором социального учреждения и согласуется с гражданином пожилого возраста, которому предоставляют социальные услуги. Во время каждого посещения пожилого человека социальный работник ведет журнал социального обслуживания и ежемесячно предоставляет его заведующему отделением по надомному социальному обслуживанию для осуществления контроля.

Осуществление контроля полноты и качества, предоставляемых гражданам социальных услуг, реализуется посредством осуществления проверок как заведующим отделением по надомному социальному обслуживанию, так и руководителем учреждения социального обслуживания. Во время проверок составляется акт, который оформляют в журнале проверок качества социального обслуживания [7].

Для постановки на надомное социальное обслуживание гражданам пожилого возраста необходимо предоставить в учреждение такие документы, как:

1. Заявление на прием на надомное социальное обслуживание.
2. Паспорт гражданина РФ.
3. Вид на жительство, сведения о регистрации (данные документы необходимы для людей без гражданства и иностранных граждан).
4. Медицинская справка о необходимости в получении социальных услуг, а также об отсутствии медицинских противопоказаний.
5. Акт обследования жилищных условий пожилого человека.
6. Сведения о размере пенсии.
7. Справка о составе семьи пожилого человека.
8. Если гражданин пожилого возраста проживает совместно с членами своей семьи, то необходимы справки о доходах каждого из члена семьи.
9. При наличии у гражданина пожилого возраста инвалидности предоставляется справка об инвалидности.
10. Договор, который заключается между социальным учреждением и гражданином пожилого возраста [6].

После предоставления всех необходимых документов в одиннадцатидневный срок руководство социальным учреждением принимает решение о постановке пожилого человека на постоянное или временное надомное социальное обслуживание или об отказе в постановке на обслуживание. Любое из принятых решений сообщается гражданину пожилого возраста в письменной форме. В случае невозможности постановки на социальное обслуживание гражданина ставят на очередь. В последствие постановка на социальное обслуживание на дому осуществляется в порядке очередности.

После постановки на надомное социальное обслуживание граждане пожилого возраста знакомятся со списком социальных услуг, которые им будут оказывать. Помимо этого, пожилые люди знакомятся с правилами и условиями предоставления социальных услуг, а также, с правилами поведения граждан пожилого возраста, которые были приняты на надомное социальное обслуживание [3].

Следует также отметить, что пожилому человеку может быть отказано в постановке на социальное обслуживание по ряду причин: нет оснований для предоставления услуг; были предоставлены неполные или недостоверные сведения; у пожилого человека есть медицинские противопоказания к социальному обслуживанию на дому.

Гражданина пожилого возраста могут снять с надомного социального обслуживания по следующим причинам:

1. Гражданин лично написал заявление об отказе от надомного социального обслуживания.
2. Закончился срок действия договора на надомное социальное обслуживание.
3. У гражданина пожилого возраста были выявлены медицинские противопоказания.
4. Были нарушены договорные условия оплаты за предоставленные социальные услуги.
5. Возникли условия, при которых есть угроза здоровью и жизни социального работника.
6. Смерть пожилого человека [7].

Граждане пожилого возраста снимаются с надомного социального обслуживания приказом руководителя учреждения, которое осуществляет реализацию надомного социального обслуживания.

Литература:

1. *Басов Н.Ф.* Социальная работа : учеб. пособие для бакалавров / Н.Ф. Басов и [др.]. Электрон. текстовые данные. М. : Дашков и К, 2015. 352 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/10976.html> (24.10.2020).
2. *Ерусланова Р.И.* Технологии социального обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов на дому : учеб. пособие для бакалавров.

В каждом учреждении, реализующем надомное социальное обслуживание граждан пожилого возраста, присутствуют информационные стенды, на которых размещается следующая информация:

1. Информация о порядке предоставления государственных социальных услуг.
2. Приводится информация о перечне документов, которые необходимо предоставить для постановки на надомное социальное обслуживание.
3. Помимо перечня необходимых документов, на информационных стендах размещают требования и образцы оформления данных документов.
4. Размещается информация о графике приема граждан по интересующим вопросам.
5. Информация об условиях предоставления социальных услуг и оснований, по которым они предоставляются.
6. Приводится полный список социальных услуг, которые гарантированы государством.
7. Кроме списка гарантированных социальных услуг, приводится перечень дополнительных услуг, которые может предложить отделение по надомному социальному обслуживанию.
8. Также, на информационных стендах размещают информацию об государственных стандартах, на основании которых осуществляется реализация надомного социального обслуживания; основания для отказа в постановке на надомное социальное обслуживание; медицинские противопоказания к надомному социальному обслуживанию и т.д. [2].

Помимо информационных стендов необходимую информацию могут предоставить и сотрудники социального учреждения. Сотрудники могут проконсультировать устно или письменно. Информирование граждан может осуществляться при помощи телефонной связи, почтовой связи, а также при помощи СМИ и печатных раздаточных материалов [8].

Таким образом, надомное социальное обслуживание граждан пожилого возраста является на сегодняшний день востребованной формой предоставления социальных услуг нуждающимся. Вместе с тем, надомное социальное обслуживание представляет собой в организационном плане сложную систему.

Literature:

1. *Basov N.F.* Social work : textbook for bachelors / N.F. Basov and [oth.]. Electron. text data. M. : Dashkov and K, 2015. 352 p. URL : <http://www.iprbooks.hop.ru/10976.html> (24.10.2020).
2. *Eruslanova R.I.* Technologies of social services for elderly people and disabled people at home : textbook for bachelors. Electronic text data. M. : Dashkov

Электрон.текстовые данные. М. : Дашков и К, 2015. 167 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/4440.html> (01.11.2020).

3. *Мусина-Мазнова Г.Х.* Инновационные методы практики социальной работы : учеб. пособие для магистров / Г.Х. Мусина-Мазнова и [др.]. Электрон. текстовые данные. М. : Дашков и К, 2015. 316 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/52279.htm> (24.10.2020).

4. *Павленок П.Д.* Теория, история и методика социальной работы. Избранные работы : учебное пособие. Электрон. текстовые данные. М. : Дашков и К, 2015. 592 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/10986.html> (01.11.2020).

5. *Акимов Ю.А.* Российская энциклопедия социальной работы / Ю.А. Акимов [и др.]. М. : Дашков и К, 2017. – 1032 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/60257.html> (23.10.2020).

6. *Сахарова Т.Н.* Геронтопсихология : учебник / Т.Н. Сахарова, Е.Г. Уманская, Н.А. Цветкова. Электрон. текстовые данные. М. : Московский педагогический государственный университет, 2016. 352 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/72489.html> (23.10.2020).

7. *Сафронова В.М.* Прогнозирование и моделирование в социальной работе : учеб. пособие / В.М. Сафронова. М. : Academia, 2015. 218 с.

8. *Холостова Е.И.* Социальная работа с пожилыми людьми : учебник для бакалавров / Е.И. Холостова Электрон. текстовые данные. М. : Дашков и К, 2015. 339 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/10974.html> (24.10.2020).

9. Энциклопедия социальных практик поддержки пожилых людей в Российской Федерации. Электрон. текстовые данные. М. : Дашков и К, 2016. 552 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/60349.html> (24.10.2020).

and K, 2015. 167 p. URL : <http://www.iprbookshop.ru/4440.html> (01.11.2020).

3. *Musina-Maznova G.Kh.* Innovative methods of social work practice : textbook for masters / G.Kh. Musina-Maznova and [oth.]. Electron. text data. M. : Dashkov and K, 2015. 316 p. URL : <http://www.iprbookshop.ru/52279.htm> (24.10.2020).

4. *Pavlenok P.D.* Theory, history and methods of social work. Selected works : textbook. Electron. text data. M. : Dashkov and K, 2015. 592 p. URL : <http://www.iprbookshop.ru/10986.html> (01.11.2020).

5. *Akimov Yu.A.* Russian encyclopedia of social work / Yu.A. Akimov and [oth.]. Electron. text data. M. : Dashkov and K, 2017. 1032 p. URL : <http://www.iprbookshop.ru/60257.html> (23.10.2020).

6. *Sakharova T.N.* Gerontopsychology : textbook / T.N. Sakharova, E.G. Umanskaya, N.A. Tsvetkova. Electron. text data. M. : Moscow State Pedagogical University, 2016. 352 p. URL : <http://www.iprbookshop.ru/72489.html> (10.23.2020).

7. *Safronova V.M.* Forecasting and modeling in social work : textbook. allowance. M. : Academia, 2015. 218 p.

8. *Kholostova E.I.* Social work with older people : textbook for bachelors. Electron. text data. M. : Dashkov and K, 2015. 339 p. URL : <http://www.iprbookshop.ru/10974.html> (24.10.2020).

9. Encyclopedia of social practices for supporting older people in the Russian Federation. Electron. text data. M. : Dashkov and K, 2016. 552 p. URL : <http://www.iprbookshop.ru/60349.html> (24.10.2020).

Сумачев Алексей Витальевич

доктор юридических наук,
профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации МВД России,
Тюменский государственный университет
alekssumachev@mail.ru

Alexey V. Sumachev

Doctor of Law,
Professor,
Tyumen Institute for Advanced Training
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Tyumen State University
alekssumachev@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

SOCIO-LEGAL NATURE OF CORRUPTION IN EDUCATION

Аннотация. В статье для определения социально-правовой природы коррупции в сфере образования первоначально указывается на формы ее проявления в высших учебных заведениях. Далее констатируется, что атмосфера коррупции в системе высшего образования приводит не только к снижению уровня профессиональной подготовки специалистов, но и к девальвации норм морали и нравственности, а также к деградации и распаду общества. Предлагается комплекс мер по предупреждению коррупционных проявлений в сфере высшего образования.

Ключевые слова: сфера образования, коррупция, формы коррупции, общественная опасность, предупреждение.

Annotation. In order to determine the socio-legal nature of corruption in the field of education, the article initially indicates the forms of its manifestation in higher education institutions. It is further stated that the atmosphere of corruption in the higher education system leads not only to a decrease in the level of professional training of specialists, but also to the devaluation of moral standards, as well as to the degradation and disintegration of society. Proposed a set of measures to prevent corruption manifestations in the sphere of higher education.

Keywords: education, corruption, forms of corruption, public danger, prevention.

Прежде всего, заметим, что практически каждый из нас хоть раз в жизни слышал (а может и сталкивался) о тех или иных проявлениях коррупции в сфере образования (новости, слухи между студентами, рассказы друзей и др.). В части определения социально-правовой природы коррупции в сфере образования стоит указать, как, в основном, проявляется себя коррупция в высших учебных заведениях. Коррупция здесь, как правило, выражается в следующих формах:

- 1) при сдаче экзаменов и зачетов – вымогательство взятки со стороны преподавателей, подстрекательство к взяточничеству со стороны студентов, злоупотребление служебным положением;
- 2) при получении различных благ - поездки, курсы, стажировки студентов на внеконкурсной основе или при отсутствии соответствия необходимым критериям;
- 3) при назначении стипендий, пособий, грантов – выдача или получение на основании доводов или критериев, не являющихся первостепенными и определяющими;
- 4) в форме служебного подлога – подделка ведомостей, зачетных книжек, внесение в них недостоверных сведений.

Преподавательская деятельность представляет собой тесное взаимодействие преподавателя и обучаемого, основанное не только на правовых предписаниях, регулирующих образовательную деятельность, но и на некоторых правилах межличностного общения, обусловленных нравственно-этическими установками, как педагога, так и студента. Вместе с тем, можно констатировать, что в системе высшего образования практически сформировался явный «рынок», а оценка за экзамен (зачет) в полной мере стала своеобразным «товаром». Высшее образование, как и знания, теряют свой статус и значимость, ведь теперь знания не ценятся, а ценится лишь «размер кошелька». Родители пойдут на многое, лишь бы их ребенок получил долгожданную «корочку» под название «диплом», которая поможет их ребенку устроиться на престижную работу и занимать достойную должность. Другой вопрос: Сможет ли этот ребенок оправдать «проплаченную корочку»? И здесь возникают сомнения и даже страх, когда такой «специалист» начнет исполнять свои функции в сфере медицины, юриспруденции и иных жизненно-важных областях.

Так, Портал для молодых специалистов «Career.ru» 13–20 января 2014 г. провел опрос среди 2436 российских студентов и выяснил, что пятая часть студентов готова дать взятку, лишь бы успешно сдать текущую сессию. Среди опрошенных 69 % отказались бы от заманчивой

перспективы заплатить деньги, из них 10 % обратились бы с жалобой на преподавателя, предложившего им подобное. Несмотря на все это, статистика вырисовывается довольно печальная. Так, по результатам опроса, 22 % студентов признались, что давали взятки в вузе, при этом за последние 2 года ситуация не изменилась. В большинстве случаев студенты «выкладывали» деньги за положительную оценку на экзамене (12 %) или зачете (13 %), около 2 % респондентов заплатили за свое поступление, а 1 % – за то, чтобы сохранить свой статус студента, когда над ними нависла угроза отчисления. При этом многие из опрошенных студентов сообщили, что давали взятки не по своей инициативе, а под давление руководства вуза, а именно, 42 % признались, что преподаватель вынудил их расплатиться за хорошую учебу рублем. В то же время, треть из тех, кто давал «на лапу», указал, что сам проявил такую инициативу, потому что довел ситуацию до критической точки; 28 % решались на подкуп, угождая другим студентам (им не хотелось как-то выделяться из общей массы); 26 % опрошенных – просто лень было готовиться. В среднем размер взятки, согласно ответам респондентов, составил около 5000 р. Также, отмечается, что в сравнении с 2012 г. отношение студентов к взяткам стало более либеральным: так, если 2 года назад, строго против коррупции в вузах выступали 65 % студентов, то на сегодняшний день таковых осталось 59 % (на 6 % меньше). Каждый четвертый из опрошенных признался, что не видит в этом ничего предосудительного, а 2 % уверены, что без взяток в вузе вообще невозможно учиться [1].

Негативное последствие взяточничества остро отражается на студентах, которые в последующем начинают воспринимать взяточничество, как нормальное явление. «Покупка» оценок и дипломов формирует представление о том, что за деньги можно купить что угодно. Также, у обучающихся пропадает какая-либо мотивация к учебе. Студентам проще «купить экзамен», а не сдавать его самостоятельно.

Таким образом, атмосфера коррупции в системе высшего образования приводит не только к снижению уровня профессиональной подготовки специалистов, но, что не менее важно, к девальвации норм морали и нравственности. А это, в свою очередь, приводит к деградации и распаду общества.

Соответственно, необходим комплекс мер по предупреждению коррупционных проявлений, прежде всего, при проведении государственных аттестационных и экзаменационных мероприятий. Так, М.А. Грибков совершенно справедливо предлагает при проведении государственных аттестационных и экзаменационных мероприятий привлекать специалистов сторонних высших учебных заведений в целях более объективной оценки знаний выпускников [2, с. 84].

Литература:

1. Радио Свобода © 2014 RFE/RL, Inc. URL : <http://www.svoboda.org/content/article/25248655.html> (дата обращения 01 ноября 2020 г.).

Также, целесообразно широко распространять объективную информацию о том, что «дают» дипломы различных вузов. Рейтинги вузов, основанные на данных о зарплатах и местах работы их выпускников, понизят котировки тех институтов, которые торгуют своими дипломами, и наоборот, укрепят репутацию по-настоящему «сильных» учебных заведений. В частности, Е.А. Музалевская отмечает: «Определение стоимости диплома и престижности того или иного вуза должно происходить рыночным путем. В развитых странах каждый вуз отслеживает последующую биографию своих выпускников, размещая данные об их зарплате в первые пять лет после окончания вуза в открытом доступе в интернете. Так и формируется рейтинг вузов, определяемый не министерством, а рынком. Кроме того, в западных странах активно работают ассоциации выпускников, которые следят за работой своего вуза, составляют его программы, берут оттуда людей к себе на работу, будучи капитанами промышленности. В России же ассоциации выпускников раз в год собираются, чтобы выпить» [3].

Получение диплома – это одна из важнейших ступеней становления человека, его дальнейшего существования и личного благополучия. Окончание университета с получением «цветного листочка со штампом», подтверждающим профессиональные навыки, принято с давних времен отмечать с широким размахом. Для студента, получившего диплом о высшем образовании, это грандиозный праздник, который в последующем он старается отмечать каждый год на встрече выпускников, как лишний повод отпраздновать.

Российские бизнесмены уже сейчас начинают понимать необходимость подготовленных, квалифицированных кадров, а потому, так или иначе начинают влиять на программы, присматриваются к различным вузам. В нынешней демографической ситуации, когда в скором времени количество выпускников будет равняться количеству мест в вузах, учебные заведения будут вынуждены сражаться за студентов. Тогда сами вузы будут создавать ассоциации выпускников и публиковать данные об их дальнейшей карьере.

Преодоление коррупции в России во многом осложняется тем, что в системе образования коррупция стала нормой жизни, а в некоторых случаях и единственной возможностью получить номинально бесплатные услуги, которые государство обязано предоставлять своим гражданам. И здесь мы абсолютно солидарны с В.Л. Римским в том, что без преодоления коррупции именно в системе образования, невозможно надеяться на существенное снижение общего уровня коррупции в нашей стране [4, с. 385], так как это противостоит естественная модель поведения формируется одновременно с пониманием выпускника окружающего социума, правильного существования, взаимодействия с ним.

Literature:

1. Radio Liberty © 2014 RFE/RL, Inc. URL : <http://www.svoboda.org/content/article/25248655.html> (date of application November 01, 2020).

2. *Грибков М.А.* Профилактика коррупции в сфере высшего образования // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. № 9. С. 83–85.

3. *Музалевская Е.А.* Проявления коррупции в системе образования. URL : <https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Mazulevskaja/> (дата обращения 01 ноября 2020).

4. *Римский В.Л.* Коррупция в системе образования // Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа / В.Л. Римский Под ред. Г.А. Сатарова. М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2013. 752 с.

2. Gribkov M. A. Prevention of corruption in higher education // MIR (Modernization. Innovations. Development). 2011. № 9. P. 83–85.

3. *Muzalevskaya E.A.* Manifestations of corruption in the education system. URL : <https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Mazulevskaja/> (date of application November 01, 2020).

4. *Rimsky V.L.* Corruption in the education system // Russian corruption: level, structure, dynamics: experience of sociological analysis / V.L. Rimsky; Ed. by G.A. Satarov. M. : Foundation «Liberal Mission», 2013. 752 p.

Тертышникова Анастасия Геннадьевна

кандидат социологических наук,
ассистент кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
tertyshnikova-ag@rudn.ru

Ларина Татьяна Игоревна

кандидат социологических наук,
ассистент кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
larina-ti@rudn.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: В РОССИИ И ДОМА

Аннотация. РУДН, являясь самым интернациональным вузом страны, обладает уникальной возможностью изучать представления студентов из различных стран мира. Данный обзор кратко знакомит читателей с результатами социологического опроса иностранных студентов РУДН, посвященному изучению их представлений о безопасности нахождения в России по сравнению с родным регионом. Описаны основные направления понимания студентами терроризма, его причин, черт террориста, студенты оценили безопасность в России и способность властей их защитить. Данная информация может быть полезна службам других вузов, где обучаются иностранные студенты.

Ключевые слова: безопасность; терроризм; студенчество; иностранные студенты; СМИ.

Ситуация в современном мире такова, что почти в каждом выпуске новостей мы видим репортаж о случаях проявления социального насилия. Это стало одной из важнейших проблем современной изменчивой действительности. Растет беспокойство граждан, связанное с их неуверенностью в собственной безопасности. Можно сказать, что мир, в котором мы живем, полон событий и явлений, носящих как положительный, так и негативный, а порой и ужасающий характер. Говоря об ужасающих явлениях, нельзя не упомянуть терроризм, который получил широкое распространение в XXI веке. Терроризм, в основном, взят на вооружение радикально настроенными группировками или же некоторыми слоями населения тех или иных стран, которые пытаются привлечь внимание мирового сообщества. Террористическая активность и характер ее проявлений, ее стремительное развитие, прямо говорят о высокой степени актуальности террористической угрозы. Количество совершающихся терактов непрерывно растет и большинство специалистов отнюдь не прогнозируют их снижения в ближайшем будущем, именно поэтому изучение

Anastasia G. Tertyshnikova

Candidate of Sociological Sciences,
Assistant of the Department of Sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
tertyshnikova-ag@rudn.ru

Tatiana I. Larina

Candidate of Sociological Sciences,
Assistant in the Department of Sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
larina-ti@rudn.ru

SAFETY THROUGH THE EYES OF FOREIGN STUDENTS: IN RUSSIA AND AT HOME

Annotation. RUDN University is the most international university in the country, and as the result it has a unique opportunity to study the ideas of students from different countries of the world. This review briefly acquaints readers with the results of a sociological survey of foreign students of RUDN University, dedicated to the study of their ideas about the safety in Russia in comparison with their native region. The main directions of understanding by students of terrorism, its causes, terrorist features are described, also students assessed the security in Russia and the ability of the authorities to protect them. This information can be useful to the services of other universities where foreign students study.

Keywords: Safety; terrorism; student community; foreign students; mass media.

вопросов безопасности представляет собой одну из самых острых и актуальных проблем на сегодняшний день. По данным Фонда «Общественное мнение», страх террористических атак с 2015 года не покидает сознание россиян, хотя и не находится на первой позиции (не более трех ответов на вопрос «Если говорить о ситуации в России, то что из перечисленного прежде всего вызывает у вас лично тревогу и опасения?» 12 % ответов в 2015 году, 19 % – в 2016 году, 17 % – в 2017 году, 16 % – в 2018 году, 12: – в 2019 году) [5].

Терроризм относится к количеству самых небезопасных и труднопрогнозируемых явлений нашего времени. По сравнению с другими типами насилия, собирать данные о терроризме затруднительно, поэтому возрастает интерес научного сообщества к открытым базам о подобных действиях [7]. Гораздо более простым с точки зрения аналитики является изучение представлений о терроризме, которые могут лежать в основе и стимулировать циркуляцию в обществе этнических стереотипов и ксенофобских настроений.

Терроризм, как утверждают аналитики, – малая модель войны, которую начинает и прекращает по своему усмотрению, как правило, сам инициатор боевых действий. Образовательные учреждения страны становятся полноправным институтом противодействия террору, ксенофобии, экстремизму. Конечно, определенный опыт профилактики радикализма и социального насилия накоплен, и он достаточно результативен. Однако системная угроза, какой является современный терроризм, развивается, приобретает все более устрашающие черты и формы [4, с. 2].

Хочется отметить, что представители антитеррористических ведомств констатируют: в настоящее время инициатива перешла к молодому поколению исламистов. Террористы по всему миру становятся все моложе, в большинстве случаев это люди до 29 лет, и данный показатель постоянно снижается [1, с. 89]. В этой связи, подчеркнём, что молодежь, в силу своего особого положения, подвергается рискам в значительно большей степени, чем другие социальные группы, поэтому важна не только профилактическая работа по вопросам экстремизма и терроризма, но и изучение представлений студенчества о терроризме и террористах.

В то же время, известны случаи, когда террористами – смертниками становятся социально благополучные люди. Например, в журнале, издаваемым «Аль-Каидой», подробно описываются биографии шахидов и приводится интервью одного из смертников, который опровергает то, что молодые люди становятся смертниками в результате депрессии и бедности: «Я понимаю, что означает операция самопожертвования. Я студент из состоятельной семьи. У меня нет проблем с психикой и т.д. Я могу закончить обучение и стать врачом» [1, с. 137]. Неоднородность портрета террориста дополнительно актуализирует работу с социальными представлениями.

Психологически, терроризм – продолжение радикализма, экстремизма и фанатизма. Поэтому очень важно вести действенную работу по предупреждению появления этих явлений в обществе, особенно в среде молодого поколения, вовремя распознавать экстремистские настроения, фанатизм и радикализм, принимать необходимые меры воздействия и пресечения.

География террористических актов, прокатившихся по всему миру за последние несколько лет, отчетливо продемонстрировала, что ни один регион мира, ни одно государство не застраховано от жестоких действий экстремистов. На сегодняшний день наблюдается большой наплыв частых террористических актов. В большинстве террористических актов была обнаружена связь с группировками исламского государства. Из этого следует, что, большая часть террористических нападений выпала на период большого наплыва эмигрантов в связи с войной в Сирии. Но из-за того, что Европа всегда держалась за образец толерантного общества, на сегодняшний день это является большой проблемой. Эта проблема

затрагивает коренных жителей и сами европейские государства в целом. Терпимость ко всем, кто отличается от тебя, как представителя того или иного большинства. В разумных пределах она необходима для мирного сосуществования людей в современном обществе, но на определённом этапе представляет угрозу.

На базе Российского университета дружбы народов в 2019 году было проведено исследование, посвященное вопросу представлений иностранных студентов о безопасности в России. В первую очередь, речь идет о безопасности в области террористических угроз. РУДН как площадка изучения студенчества очень интересен, поскольку гораздо информативнее получить оценки одних и тех же событий представителями разных стран – и такая возможность есть в РУДН. Изучение сознания студенчества как наиболее реактивной силы общества, в то же время, наиболее подверженной влиянию современных средств массовой информации, чрезвычайно актуально [2].

В ходе анкетирования было опрошено 417 студентов из различных регионов. Выборка квотная, квоты по регионам. Распределение по регионам выглядит следующим образом: Латинская Америка – 32 респондента (7,6 % генеральной совокупности), Африка – 85 человек (20,4 %), Ближний и Средний Восток – 43 человека (10,3 %), Азия – 96 человек (23 %), СНГ – 120 человек (28,9 %), Европа – 41 человек (9,8 %).

Первый вопрос, который был задан респондентам, касался определения понятия «терроризм». Для чуть более четверти опрошенных терроризм – это «преступление против нации, народа». Второй по значимости ответ – «вид войны» (19,2 %) и третий – «способ запугивания» (18,1 %). Отметим, что 81,5 % всех респондентов узнают о произошедших террористических актах через СМИ, каждый десятый – от своих знакомых, друзей, родителей, а 6,1 % – в университете. Следующий вопрос, который был задан респондентам, звучал следующим образом: «Оцените свой уровень страха перед угрозой теракта в Вашем родном регионе по сравнению с Россией?». Говоря обо всех респондентах, отметим, чуть меньше половины респондентов не чувствуют разницы в ощущении страха перед терактами между своим родным регионом и Россией. Второй по значимости ответ дали треть ответивших – «по сравнению с Россией в родном регионе чувствуется безопасность и спокойствие», и каждый пятый в России чувствует себя безопаснее, чем в родном регионе». Ситуация идентична для студентов из Африки, Азии, Ближнего Востока и СНГ. А четверть студентов из Европы и треть из Латинской Америки считают, что в России безопаснее, чем в своем родном регионе в отличие от студентов других регионов. Стоит отметить, что число женщин, которые чувствуют себя безопаснее в своем родном регионе по сравнению с Россией больше, чем число таковых среди мужчин (36,6 % против 26 %) (рис. 1). Такие результаты также могут опровергать некоторые устоявшиеся мнения о безопасности.

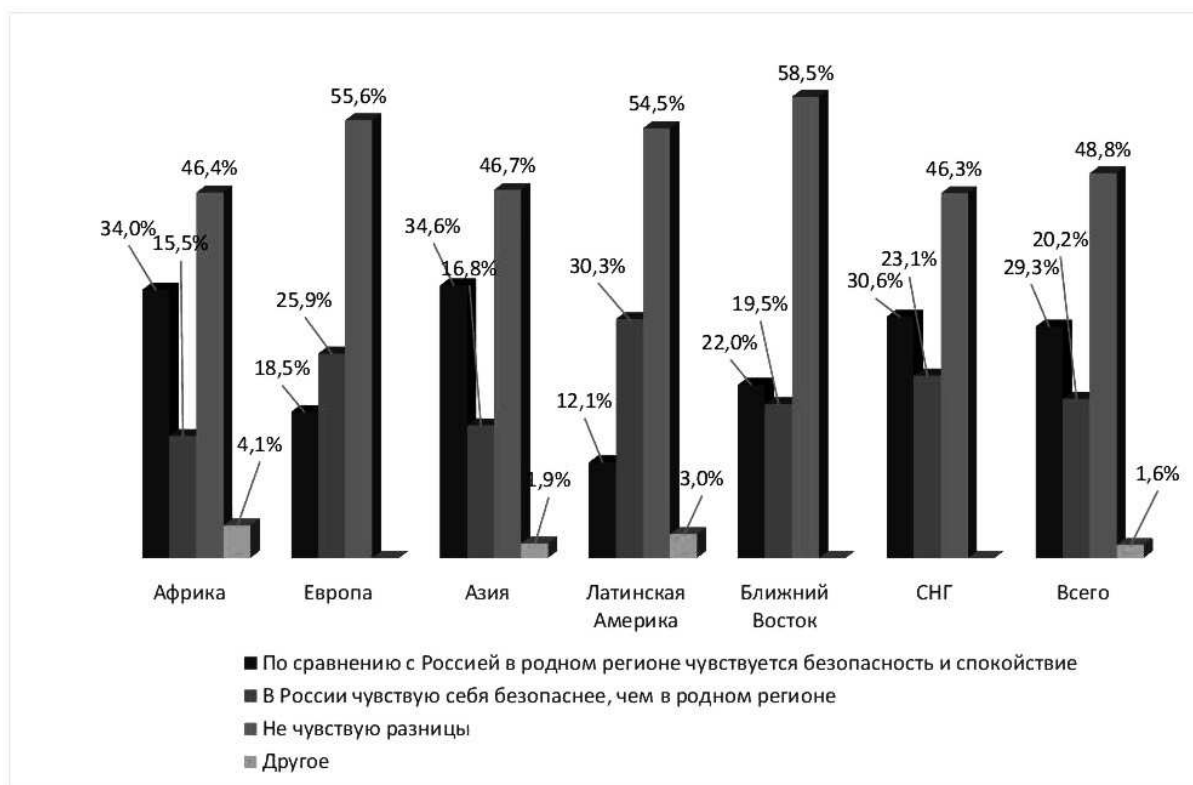

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: Оцените свой уровень страха перед угрозой теракта в Вашем родном регионе по сравнению с Россией. Распределение по региону

Топ-3 основных причин терроризма, по мнению опрошенных, выглядит следующим образом: религия (53,6 %), личные причины террористов (34,4 %) и причины «столкновение цивилизаций», а также – «невозможность быть услышанными другими методами» набрали по 26,7 % ответов. Больше половины студентов из Африки (63,2 %), Латинской Америки (53,1 %), Ближнего Востока (55,0 %), СНГ (56,0 %) решили, что главной причиной совершения терактов является религия, почти половина студентов Азии (46,2 %) решили также. Студенты из Европы видят причиной как «религию», так и «агрессивную политику США и некоторых стран Европы». Студенты из Африки считают второй главной причиной терроризма, после религии, «личные причины террористов» (37,9 %), студенты из Азии – «агрессивную политику США и некоторых стран Европы» (32,7 %), из Латинской Америки в равной степени – «столкновение цивилизаций» (40,6 %), «агрессивную политику США и некоторых стран Европы» (40,6 %), «личные причины террористов» (40,6 %), студенты ближнего Востока и стран СНГ – «личные причины террористов» (35 % и 36 % соответственно) (рис. 2).

Говоря о предотвращении террористических актов сотрудниками правоохранительных органов, нужно отметить принимаемые в тех или иных странах меры. Так, согласно данному опросу, респонденты, чаще всего, наблюдают в родном регионе «патрулирование полицейских в наиболее многолюдных местах в городе» (50,9 %). За этим ответом следует «осмотр багажа в главных транспортных узлах городов» (36,5 %). На третьем месте – «проверка документов у подозрительных лиц в многолюдных местах» (34,5 %). Идентичная ситуация у респондентов из Африки

и Азии. Студенты из Европы также, отмечают патрулирование полицейских в наиболее многолюдных местах в городе, но при этом 44,8 % говорят дополнительно о наличии рамок-детекторов запрещенных предметов в местах массового скопления людей». Абсолютно равный процент тех, кто отмечает варианты «тщательный осмотр посетителей торговых центров и других многолюдных замкнутых помещений», «осмотр багажа в главных транспортных узлах городов и проверку документов у подозрительных лиц в многолюдных местах» (по 37,9 % соответственно). У студентов из Латинской Америки на втором месте находится вариант «тщательный осмотр посетителей торговых центров и других многолюдных замкнутых помещений» (51,5 %). У респондентов из Ближнего Востока второе место занимают два варианта ответа: «тщательный осмотр посетителей торговых центров и других многолюдных замкнутых помещений» и «ограждение многолюдных территорий от проезда несанкционированных транспортных средств» (27,3 %). Студенты из СНГ на втором месте отмечают проверку документов у подозрительных лиц в многолюдных местах (38,6 %). Ответ – «не знаю» выбрали чаще остальных студенты из Ближнего Востока (22,7 %).

Стоит отметить, что иностранные студенты в большинстве своем полны уверенности, что российские власти смогут защитить население России от новых террористических актов: абсолютно и скорее уверены в этом 63,6 % опрошенных. 18 % скорее не уверены в этом и 5,2 % – совершенно не уверены и еще 13,3 % затрудняются ответить. Если посмотреть распределение по регионам, то самый высокий процент тех, кто скорее

и абсолютно не уверен в способности властей защитить от новых терактов и поэтому приехали из Европы (27,5 %). Чуть более четверти студентов из Азии также выразили неуверенность. И примерно каждый пятый студент из всех остальных регионов. Отметим интересный момент, именно студенты из Европы наряду со студентами из

Латинской Америки чувствуют себя в России безопаснее, чем дома, но, в то же время, демонстрируют сомнения в способности властей России защитить их. Данный вопрос следует изучить более глубоко, возможно, подключив к проблеме изучение стереотипов о государстве.

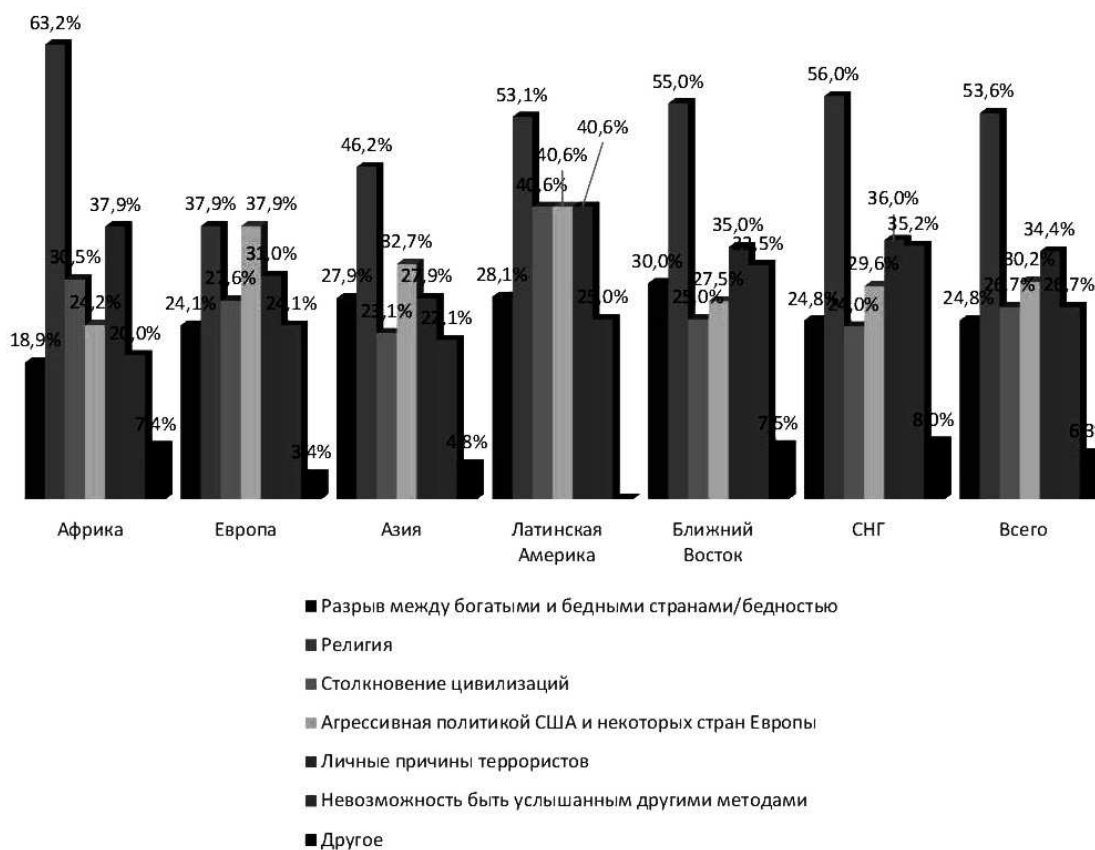

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, каковы основные причины терроризма?» Распределение по региону

69,8 % всех ответивших беспокоит сложившаяся ситуация с террористическими актами, они боятся за жизнь и здоровье близких. В разрезе по регионам видно, что студенты из СНГ, Ближнего Востока и Африки больше других переживают из-за ситуации с террористическими актами. Примерно треть студентов из Европы относятся к этому нейтрально.

Характерные черты терроризма, в первую очередь, предстают ассоциациями с насилием среди

студентов абсолютно всех регионов, на втором месте – религиозный фанатизм, и только студенты из Европы на вторую позицию поместили утрашение, что также легко объяснить новейшей историей терроризма в этом регионе. Также, отметим, что только студенты из Европы в Топ-3 черт вынесли приверженность к крайним взглядам. Борьбу за власть как черту терроризма выделили африканские студенты, что тоже является яркой отличительной чертой от других регионов. (табл. 1).

Таблица 1

Топ-3 характерных черт терроризма по версии студентов разных стран

Африка	Европа	Азия	Латинская Америка	Ближний Восток	СНГ	Все респонденты
Насилие	Насилие	Насилие	Насилие	Насилие	Насилие	Насилие
Религиозный фанатизм	Утрашение	Религиозный фанатизм	Религиозный фанатизм	Религиозный фанатизм	Религиозный фанатизм	Религиозный фанатизм
Борьба за власть	Приверженность к крайним взглядам	Утрашение	Утрашение	Утрашение	Утрашение	Утрашение

Большее половины иностранных студентов, вне зависимости от региона, полностью и скорее согласны с тем, что террористической деятельностью занимаются люди с психическими отклонениями. Наибольший процент несогласных с данным утверждением – студенты из Европы (21,4 %). Также, более половины респондентов (54,5 %) полагают, что, в первую очередь, психические отклонения являются мотивом совершения террористических актов. Вторым по значимости ответ – приверженность к определенной идеологии (38,4 %). На третьем месте «стремление ощутить власть» – 28,5 %. Самыми непопулярными ответами, по мнению студентов, являются «любовь к острым ощущениям» и «самореализация». В разрезе по регионам видно, существенных отличий в ответах нет. Вне зависимости от того, откуда приехал студент, психические отклонения – ключевая причина, которая заставляет людей совершать террористические акты. Отметим, что для почти трети студентов из Латинской Америки несколько большее значение, чем для студентов других регионов имеет мотив, связанный со стремлением достичь материального благополучия.

Взаимосвязь вероисповедания и терроризма – вопрос, который так и не нашел однозначного ответа у исследователей данной темы. Причина это или оправдание? Респондентам был задан вопрос: «Считаете ли Вы, что вероисповедание, является одной из главных причин совершения терактов?» По мнению 39 % ответивших на данный вопрос, вероисповедание – одна из главных причин совершения терактов. Почти треть с данным утверждением не согласны и 33,6 % затруднились ответить. Студенты из стран Африки (42,3 %), Азии (39,8 %), Латинской Америки (44,8 %), Ближнего Востока (41,7 %) и СНГ (36,0 %) уверены, что вероисповедание является главной причиной

Литература:

1. Меркулов П.А. Распространение идеологии терроризма в молодежной среде: современные реалии и направления противодействия // Управленческое консультирование. 2019. № 5(125).
2. Пузанова Ж.В. Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студентов РУДН) / Ж.В. Пузанова, Н.П. Нарбут, Т.И. Ларина, А.Г. Тертышникова // Вестник РУДН. Серия Социология. Вып. 20. № 2. С. 292–306.
3. Нечитайло Д. Террористы-смертники и движение джихада // Ближний Восток и современность. М., 2009. № 40. С. 120–139.
4. Пузанова Ж.В. Метод незаконченных предложений в исследовании социальных представлений (на примере образа террориста) / Ж.В. Пузанова, А.Г. Тертышникова. М., 2015. № 4. С. 1–4.
5. Тревоги и опасения: повседневная жизнь, страна, мир // Фонд «Общественное мнение». 16.04.2019. URL : <https://fom.ru/Nastroeniya/14194>
6. Чурилов С.А. Противодействие идеологии терроризма в образовательной организации

совершения терактов, но студенты из стран Европы (37,5 %) считают, что вероисповедание – это не основная причина. В то же время, студентам было предложено согласиться или не согласиться с высказыванием: «Не каждый мусульманин террорист, но каждый террорист – мусульманин». 29,3 % всех ответивших с данным высказыванием абсолютно не согласны и еще 23,3 % скорее не согласны, а 28,4 % полностью и скорее согласны с утверждением. Наибольший процент тех, кто полностью согласен, приехали из Азии (19,8 %). Скорее согласен каждый пятый студент из Европы и Ближнего Востока. Среди абсолютно не согласных 40,2 % ответов студентов из СНГ и по 33,3 % студентов из Латинской Америки и Ближнего Востока. Исходя из полученных данных, мы можем прийти к выводу о том, что вопрос взаимосвязи религии и терроризма достаточно спорный и вызывающий трудность в однозначной интерпретации.

В заключении хочется отметить, что иностранные студенты в большинстве своем чувствуют себя в России в безопасности и считают, что власти смогут защитить население России от новых террористических актов. Но вне зависимости от родной страны проблема терроризма затрагивает всех и каждого, поэтому представляется достаточно важным вопрос детального изучения не только вопросов безопасности, но и понимания терроризма, его причин, а также мотивов террористов.

Реализовывая весь спектр работ по профилактике идеологии терроризма, университеты становятся важным звеном в реализации государственной молодежной политики [6, с. 15]. Наш опыт может стать полезным службам воспитательной работы вузов, в которых обучаются иностранные студенты.

Literature:

1. Merkulov P.A. The spread of the ideology of terrorism among the youth: modern realities and directions of counteraction // Administrative Consulting. 2019. Vol. 125. № 5.
2. Puzanova Zh.V. Typology of historical memory about the World War II: methodological aspects of the study (on the example of the RUDN students) / Zh.V. Puzanova, N.P. Narbut, T.I. Larina, A.G. Tertyschnikova // RUDN Journal of sociology. Vol 20. № 2. P. 292–306.
3. Nechitailo D. Suicide Terrorists and the Jihad Movement // Middle East and Modernity. 2009. № 40. P. 120–139.
4. Puzanova Zh.V. The method of unfinished sentences in the study of social representations (on the example of the image of a terrorist) / Zh.V. Puzanova, A.G. Tertyschnikova. 2015. № 4. P. 1–4.
5. Anxieties and fears: everyday life, country, world // Public Opinion Foundation. 04/16/2019. URL : <https://fom.ru/Nastroeniya/14194>
6. Churilov S.A. Counteracting the ideology of terrorism in the educational organization of higher

высшего образования: концептуальное видение // Обзор. НЦПТИ. 2020. № 1(20).

7. Gary La Free & Laura Dugan Introducing the Global Terrorism Database, Terrorism and Political Violence, 19:2. 2007. P. 181–204.

education: a conceptual vision // Obzor NCPTI. 2020. № 1(20).

7. Gary La Free & Laura Dugan Introducing the Global Terrorism Database, Terrorism and Political Violence, 19:2. 2007. P. 181–204.

Тюнь Андрей Петрович
кандидат социологических наук,
начальник комендантского отдела,
Краснодарский университет МВД России
tyun77@inbox.ru

ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИЦИИ

Аннотация. В современном обществе проблема организации правопорядка имеет высокую актуальность. При этом прослеживается взаимосвязь между характером социального восприятия правоохранительных органов в гражданской среде и степенью эффективности правоохранительной деятельности. В российском обществе характер социального восприятия полиции является неблагоприятным, в связи с чем актуализируется вопрос о преодолении негативных стереотипов восприятия сотрудников правоохранительных органов и повышении доверия к ним. В статье анализируются механизмы распространения негативных представлений о сотрудниках полиции, а также определяются факторы преодоления складывающейся тенденции. Изучаются принципы подтверждения и опровержения исходных представлений о сотрудниках полиции в процессе взаимодействия с ними. Доказывается, что личные качества сотрудников полиции являются одним из ключевых факторов формирования общественного мнения о них. Обосновывается высокая значимость гуманитарного аспекта подготовки сотрудников полиции в ведомственных учебных заведениях, как фактор преодоления негативных тенденций социального восприятия полиции.

Ключевые слова: полиция, общество, общественное мнение о полиции, доверие к полиции, правопорядок, ведомственные вузы.

Современное российское общество находится в переходном состоянии, что сопровождается рядом кризисных тенденций в различных институциональных сферах. Повышается уровень конкуренции, растет социальная конфликтность, наблюдаются тенденции роста преступности. Все это в совокупности определяет необходимость выстраивания эффективной системы противодействия складывающимся негативным тенденциям, одним из ключевых элементов которой является формирование эффективной правоохранительной деятельности.

Andrey P. Tyun
Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Commandant Department,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
tyun77@inbox.ru

THEORETICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PROBLEMS OF CULTURE FORMATION OF RELATIONSHIPS OF CIVIL SOCIETY AND POLICE

Annotation. In modern society, the problem of organizing law and order is of high relevance. At the same time, there is a relationship between the nature of the social perception of law enforcement agencies in the civilian environment and the degree of effectiveness of law enforcement. In Russian society, the nature of the social perception of the police is unfavourable, and the issue of overcoming negative stereotypes of the perception of law enforcement officials and increasing confidence in them is being updated. The article examines the mechanisms for disseminating negative ideas about police officers, as well as the factors for overcoming the emerging trend. The principles of confirming and refuting the initial ideas about police officers in the process of interaction with them are being studied. It is proved that the personal qualities of police officers are one of the key factors in the formation of public opinion about them. The high importance of the humanitarian aspect of police training in departmental educational institutions is justified as a factor in overcoming negative trends in the social perception of the police.

Keywords: police, society, public opinion about the police, trust in the police, law and order, departmental universities.

Рассматривая вопрос о факторах эффективного противодействия преступности, нельзя обойти вниманием такой аспект, как зависимость между характером социального восприятия полиции в гражданской среде и степенью ее эффективности. Это связано со следующими факторами:

– готовность населения обращаться в правоохранительные органы в случаях столкновения с фактами правонарушений;

– готовность членов общества содействовать следственной деятельности;

– склонность населения к отказу от противоправной модели активности, связанная с идеей неотвратимости наказания (или, напротив, представление о возможности безнаказанного осуществления правонарушений).

Как становится видно, во многом, от того, каким образом представители гражданской сферы оценивают правоохранительные органы, зависит то, насколько они эффективны. Вместе с тем, в настоящее время можно констатировать серьезную проблему, связанную с нарушением доверия к правоохранительным органам со стороны гражданского населения: согласно проведенным социологическим опросам, менее половины от числа опрошенных доверяют полиции в вопросах защиты их законных прав и интересов [4]. Одновременно с этим обнаруживаются тенденции негативной стереотипизации сотрудников полиции, в результате которой население не просто невысоко оценивает профессиональные качества полицейских, но и испытывает опасения, связанные со страхом должностных злоупотреблений в свой адрес. Все это в совокупности актуализирует вопрос о необходимости регулятивных мер, направленных на создание благоприятных отношений между сотрудниками правоохранительных органов и представителями гражданской сферы.

Существует несколько измерений рассмотрения вопроса о факторах формирования отношения к правоохранительным органам в общественной среде. Среди них:

- анализ социокультурных механизмов трансляции устоявшихся представлений о сотрудниках правоохранительной сферы;
- анализ принципов получения и репрезентации личного опыта взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов;
- анализ механизмов верификации и фальсификации исходных представлений о правоохранительных органах в процессе взаимодействия с ними;
- исследование механизмов интерпретации социального опыта взаимодействия с сотрудниками полиции в общественной среде.

Поскольку мы ориентированы на разрешение вопроса о предпосылках установления благоприятного социального взаимодействия между членами общества и сотрудниками правоохранительной сферы, необходимо определить основные принципы репрезентации как позитивных, так и негативных моделей социального восприятия правоохранительных органов. Это тем более важно, что область социальной коммуникации не является однородной и, по факту, в ней сталкиваются и репрезентируются различные, вплоть до диаметрально противоположных, позиции. Это, к слову, необходимо учитывать в рамках анализа общественного мнения о полиции, различая присутствие и даже доминирование негативных стереотипов восприятия правоохранительных органов с повальным принятием членами общества данных представлений. Иными словами, в

социальном пространстве присутствуют как механизмы распространения позитивных представлений о полиции, так и механизмы репрезентации негативных образов сотрудников правоохранительных органов, и для понимания общей картины целесообразно, для начала, определиться с общей спецификой указанных процессов.

Что касается механизмов трансляции в социокультурном пространстве представлений о сотрудниках правоохранительных органов, в первую очередь, следует обратить внимание на то, что в современном мире преобладающим механизмом социального познания является не личный опыт, но приобретение знаний, полученных ранее другими людьми. Еще М. Маклюэн обращал внимание на то, что одной из основных тенденций развития общества становится смещение в сторону опосредованного познания [3]. Данный тезис подтверждается и в рамках теоретических работ А. Шютца, обратившего внимание на роль коммуникативного окружения познающего субъекта, как одного из основных источников сведений об окружающем мире [5]. По факту, представленный принцип заключается в том, что люди зачастую заимствуют знание друг у друга, причем, что характерно – в ряде случаев это заимствование производится некритически, без проверки достоверности, логичности и т.д. По факту, одним из серьезных социокультурных процессов становится распространение мнений определенного толка, а также трансляция социального опыта (зачастую устаревшего) в процессе коммуникативного взаимодействия членов общества. Последнее (а именно давность транслируемого опыта) имеет очень большое значение в рамках межпоколенной воспитательной деятельности. Поясняя данное положение, отметим, что социальная ситуация может со временем существенно меняться, и опыт, актуальный десять или двадцать лет назад, как основание определенного взгляда на социальную действительность, в настоящее время может способствовать суждениям, не соответствующим положению вещей.

Возвращаясь к вопросу о репрезентации моделей представления правоохранительных органов, стоит обратить внимание на то, что в условиях преобладания опосредованного социального познания над прямым, реализуемым через личный опыт, система транслируемых в социокультурном пространстве идей и представлений приобретает во многом самостоятельный характер, поскольку люди, не имеющие достаточного личного опыта для составления суждений об определенных сферах общественной жизни, формируют его со слов других людей, и в дальнейшем транслируют в ходе коммуникативного процесса. Таким образом, даже не взаимодействуя ни разу с сотрудниками правоохранительных органов, члены общества формируют устойчивые представления о них. И в этом плане как позитивные представления о сотрудниках правоохранительной сферы, так и негативные стереотипы их восприятия могут существовать в социокультурном пространстве и активно распространяться от одного участника общественных отношений к другому.

Следует отметить, что анализ механизмов распространения устойчивых культурных моделей восприятия определенных социальных групп и институтов может привести к неправомерному выводу о том, что данные представления существуют совершенно независимо от реальной практики общественных отношений. Подобного рода суждение опирается на то, что многие члены общества формируют первоначальное мнение о различных явлениях общественной жизни опосредованно, без опоры на личный опыт их восприятия. Вместе с тем, включенность в социальный процесс предполагает закрепление сложившихся представлений, или, напротив, их опровержение в ходе получения личного социального опыта. Для понимания данного аспекта, целесообразно обратиться к вопросу о верификации (подтверждении) или фальсификации (опровержении) исходных представлений в ходе социальной практики индивидуального субъекта.

Первоначальные знания об определенной сфере общественной жизни формируют исходные представления и ожидания социального субъекта, а также задают способ его интерпретации получаемого опыта. При этом здесь действует принцип социального конструирования реальности, то есть такой интерпретации приобретаемого опыта, которая подводит его под исходные представления [1]. Иными словами, в процессе социального познания члены общества стремятся подтвердить существующие на уровне их мировоззрения представления. Это является еще одним серьезным доводом в пользу высокого значения социокультурного аспекта восприятия правоохранительных органов. Однако, ключевым фактором закрепления исходных представлений, или же их пересмотра, является область социальной практики, и в данном случае присутствует момент вариативности, поскольку личный опыт может в корне противоречить исходным представлениям социального субъекта. Подобного рода фальсифицирующий опыт выступает в качестве основания пересмотра исходных представлений; при этом, как отметил еще Т. Кун, опыт, который не вписывается в систему мировоззрения, приобретает высокую степень актуальности и зачастую ложится в основу его пересмотра, иными словами – поиска таких мировоззренческих оснований, которые могли бы способствовать объяснению полученного опыта [2]. И здесь имеет место очень важный принцип: поскольку опыт, не соответствующий исходным ожиданиям субъекта, ставит под вопрос его мировоззрения, таковой опыт является для него актуальным и значимым и, следовательно, обладает существенно большим потенциалом актуализации в коммуникативном процессе, нежели рядовой, вписывающийся в исходное мировоззрение субъекта опыт. По этой причине опровержение негативных ожиданий на практике ложится в основу встречных по отношению к рассмотренным выше информационных процессов, направленных на развенчание социальных мифов и стереотипов. Как результат, происходит постепенное уравнивание негативных стереотипов позитивными представлениями, а наличие альтернативных точек зрения на один и тот же вопрос в социокоммуникативной среде

существенно затрудняет не критичное принятие негативных моделей восприятия конкретного института или социальной группы. Однако справедливо и обратное: подтверждение негативных ожиданий на личном опыте становится основанием для активного продвижения сформировавшихся представлений в ходе коммуникативного процесса. Таким образом, мы приходим к пониманию того, что область социального восприятия и социальной практики тесно связаны между собой, и потому конечный характер социального восприятия правоохранительных органов в гражданской среде является совокупным результатом информационно-коммуникативных процессов и реальной практики взаимодействия населения с полицией. Это обстоятельство (с учетом раскрытого выше значения личного опыта в формировании социальных представлений) свидетельствует о чрезвычайно высоком значении того, каким образом сотрудники правоохранительных органов выстраивают взаимодействие с гражданским населением в настоящее время. И здесь мы можем выделить следующие аспекты социального восприятия правоохранительных органов, формируемых через их функциональную деятельность:

- косвенное определение эффективности правоохранительных органов через рассмотрение уровня правопорядка в обществе;

- личная оценка эффективности правоохранительных органов, сформированная в процессе взаимодействия с ними;

- оценка корректности и профессионализма сотрудников правоохранительных органов, формируемая в ходе взаимодействия с ними.

По первому пункту следует отметить, что оценка эффективности правоохранительной деятельности через рассмотрение уровня криминогенной обстановки представляет собой один из широко распространенных способов социальной оценки полиции. В частности, подобного рода ход мысли характерен для жертв преступной деятельности, которые частично возлагают ответственность за случившееся с ними на правоохранительные органы. Несмотря на то, что определенные основания у подобного рода суждений существуют (особенно применительно к сфере организованной преступности), в целом, далеко не всегда у правоохранительных органов существуют возможности для предупреждения преступлений. Кроме того, во многом эффективность данного аспекта правоохранительной деятельности зависит от действия гражданского населения, что зачастую упускается из виду в ходе ее оценки.

Что касается второго аспекта, а именно личной оценки эффективности правоохранительных органов, речь идет, прежде всего, о результатах деятельности, осуществляемой по факту обращения граждан в полицию. Иными словами, в данном случае анализируется функциональный аспект правоохранительной деятельности на примере конкретного случая (раскрыто ли дело, предотвращено ли преступление, насколько быстро отреагировали сотрудники полиции и т.д.).

Что касается третьего аспекта, а именно оценки корректности и профессионализма сотрудников правоохранительных органов, следует отметить, что он является одним из наиболее важных в силу того, что в социальной среде нередко различают идеализированную социальную функцию и ее носителей, что может порождать противоречивый подход, при котором социальный субъект позитивно относится к полиции «какой она должна быть», как институту, но может негативно оценивать качества полицейских, как хранителей правоохранительной деятельности. Отдельно следует отметить, что опыт взаимодействия с полицией – это всегда опыт взаимодействия с конкретными сотрудниками, которые могут проявить себя как в позитивном ключе, так и, напротив, способствовать закреплению негативных моделей восприятия полиции. Собственно говоря, те самые нарушения в деятельности сотрудников полиции, которые ложатся в основу негативных стереотипов восприятия правоохранительных органов – это всегда частные проявления непрофессионализма, некомпетентности, некорректности, склонности к должностным злоупотреблениям и т.д. И, напротив, позитивные проявления деятельности сотрудников правоохранительных органов имеют место в том случае, когда эти сотрудники обладают положительными личностными качествами, ответственно выполняют свои должностные обязанности, проявляют внимание к обратившимся к ним членам общества, реализуют конструктивные модели взаимодействия с ними. Все это в совокупности приводит нас к пониманию того, что

Литература:

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М., «Медиум», 1995.
2. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; Перев. И.З. Налётова. М., 1975.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
4. Общественное мнение о полиции. Официальный сайт МВД РФ. URL : <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения 11.09.2020).
5. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

одним из ключевых факторов преодоления негативных способов социального восприятия сотрудников полиции является наличие у последних позитивных личностных качеств – профессионализма, конструктивной служебной мотивации, умения корректно взаимодействовать с гражданским населением. И в этом плане актуализируется вопрос о необходимости воспитания указанных личных качеств, что может быть реализовано на уровне ведомственных учебных заведений.

На наш взгляд, одним из ключевых факторов успешного формирования позитивных личностных качеств сотрудников правоохранительных органов является гуманитарный аспект их профессионального обучения, поскольку повышение культурного уровня сотрудников полиции, формирование у них развитых ценностных ориентаций, связанных с областью профессиональной деятельности, обучение практикам коммуникации с гражданским населением в совокупности определяет то, как они будут взаимодействовать с представителями гражданской сферы и какое впечатление о себе сформируют. В этом плане акцент на гуманитарной составляющей профессионального образования сотрудников правоохранительных органов, на наш взгляд, является одним из эффективных способов регулирования их отношений с населением и, как следствие, обладает существенным потенциалом разрешения сложившейся проблемы негативного социального восприятия правоохранительных органов в гражданской среде.

Literature:

1. Berger P. Social construction of reality / P. Berger, T. Lukman. M., «Medium», 1995.
2. Kuhn T. The structure of scientific revolutions / T. Kuhn; Transl. I.Z. Naletova. M., 1975.
3. McLuhan M. Understanding media: external human extensions. M., 2003.
4. Public opinion about the police. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <https://мвд.рф/publicopinion> (date of application 09/11/2020).
5. Schutz A. Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology. M. : Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.

Федотов Константин Владимирович
аспирант,
Московский городской
педагогический университет
Fedotovkv90@gmail.com

Прудникова Олеся Александровна
аспирантка,
Московский городской
педагогический университет
Prudnikova_o@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ВОСПИТАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. Термин «социальное управление» свойственно применять относительно тех отношений, в которых имеется совместная деятельность, обеспечивающая упорядоченное воздействие на её участников с целью достижения поставленной цели в сфере социального развития, причем характеризуется наличием субъекта и объекта управления. Причем, объект управления подчиняется субъекту, и его сознательно-волевое поведение изменяется под определенными действиями субъекта в рамках определенного механизма. В нашем случае речь идет об образовательной среде и системе семейно-ориентированного воспитания, которая на сегодняшний день является актуальной, в силу того, что основная проблема педагогов любого образовательного учреждения – создание комфортных условий для ребенка, чтобы, в дальнейшем, он смог применять полученные знания в жизни, тем самым развиваясь и формируя свои индивидуальные нормы и понятия, становясь индивидом.

Ключевые слова: семейно-ориентированное воспитание, педагог, система образования, социальное управление, комфортное взаимодействие, развитие личности ребенка.

Жизнь любого человека устроена так, что семья играет важную и значимую роль. Причем, жизнь устроена так, что сначала играет роль семья, в которой человек родился, а затем семья, которую он создал сам. Семья, в которой рождается человек, имеет более значимое место в формировании личности как индивида. Обусловлено это тем, что те нормы и привычки, которые преобладают у родителей, ребенок перенимает в свою жизнь и применяет при создании своей семьи. Таким образом, формируются какие-то семейные ценности, традиции и обычаи. Помимо семьи, в которой родился человек, на формирование его

Konstantin V. Fedotov
Graduate student,
Moscow City Pedagogical University
Fedotovkv90@gmail.com

Olesya A. Prudnikova
Graduate student,
Moscow City Pedagogical University
Prudnikova_o@mail.ru

SOCIAL MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF FAMILY-ORIENTED EDUCATION IN AN EDUCATIONAL INSTITUTION

Annotation. The term social management is usually applied to those relations in which there is a joint activity that provides an orderly impact on its participants in order to achieve a goal in the field of social development, and is characterized by the presence of a subject and object of management. Moreover, the control object is subordinate to the subject, and its conscious-volitional behavior changes under certain actions of the subject within a certain mechanism. In our case, we are talking about the educational environment and the system of family-oriented education, which is currently relevant, due to the fact that the main problem of teachers of any educational institution is to create comfortable conditions for the child. So that in the future they can apply their knowledge in life, thereby developing and forming their individual norms and concepts, becoming an individual.

Keywords: family-oriented education, teacher, education system, social management, comfortable interaction, development of the child's personality.

личности влияет его окружение и школа. Ведь именно школа считается вторым домом для любого ребенка, а преподавательский состав отчасти выступает как родитель. Именно поэтому актуально изучить социальное управление в системе семейно-ориентированного воспитания в образовательном учреждении. Причем, стоит отметить, что не только школа, но и детские сады имеют значимое влияние на формирование семейных ценностей.

Социальное управление это вид управления, в процессе которого осуществляется воздействие

на общество или социальные группы (в нашем случае – учеников), с целью упорядочения их деятельности, повышения уровня организованности социальной системы [5].

Таким образом, преломляя данный термин на образовательную сферу, получаем, что субъектами управления выступают: преподавательский состав и родители, а объектом управления – дети. Соответственно цель – семейно-ориентированное воспитание.

Воспитание имеет многовековую историю формирования и развития, но в нашей статье речь не об этом. Лишь кратко констатируем, что с педагогической точки зрения под воспитанием принято понимать следующее:

– целенаправленно создавать условия для развития и саморазвития человека;

– управлять процессом развития (формирования) личности с помощью создания необходимых для этого условий;

– целенаправленно проводить занятия с целью формирования ценностных ориентаций.

Воспитательная деятельность заключается в том, чтобы реализовать воспитательный процесс в образовательных учреждениях путем социального партнерства педагогов-родителей-детей. При взаимодействии педагогов и детей ставится цель ориентация детей на саморазвитие и формирование ценностей, тем самым создавая систему ценностей.

В последние 15 лет тенденция развития общества характеризуется тем, что образование перешло к педагогике сотрудничества и стержнем развития личности являются ценностные ориентации. Семейные ценности, исходя из вышесказанного, играют неотъемлемую роль при формировании и становлении личности индивидом.

Рассмотрим, каким образом школа и её педагогический состав справляются с задачей социального управления в системе семейно-ориентированного воспитания? Вопрос о взаимодействии школы и семьи является одновременно новым и старым в силу того, что проблема о воспитании и роли семьи и школы исследовалась в дореволюционные времена.

Такие исследователи, как Н.К. Крупская, Б.З. Вульф, Ю.К. Бабанский и многие другие авторы посвятили свои труды изучению роли взаимодействия школы и семьи [1]. В более узких направлениях роль взаимодействия школы и семьи раскрывалась путем идейно-политических (Т.П. Дусова), нравственных (Л.Д. Бобылева), эстетических (Н.Н. Савина) исследований [4]. Все эти исследования и полученные разработки позволили к 1970 годам сформировать систему «школа-семья-общественность-производство», которая соединяла в себе социальные институты школу и семью в воспитательной форме.

Однако в настоящее время данная система не играет роли и не применяется в современном

образовательном процессе при воспитании детей. В настоящее время уклон делается на творческие направления, причем у образовательных учреждений преобладает свобода выбора при реализации программ воспитания. Следствием глобального развития и приоритета на наполнение детей знаниями, школу перестали воспринимать как систему воспитательного процесса, лишь как учебное заведение, в котором система семейно-ориентированного воспитания практически отсутствует. Чтобы избежать в дальнейшем полного отсутствия воспитательного процесса со стороны педагогов, необходимо объединить семьи и социальные институты.

Повышенное активное участие семьи в образовательном процессе, на мой взгляд, неотъемлемая часть развития школы. Стоит отметить, что стремительное развитие инноваций и наличие высокооплачиваемых платных школьных услуг лишь обостряет проблему воспитательного процесса в школе и увеличивает риск отстранения родителей от школьной жизни.

Традиционный семейный уклад разрушается, снижается жизненный уровень и социальная защищенность большинства семей, и чрезмерная занятость родителей и повышенная напряженность в семьях, подтверждаются социально-педагогическими данными, которые говорят о нарастании процесса разрушения семьи в ее традиционном понимании, о ее кризисе. На основании вышеизложенного можно выделить основные причины возникновения кризиса разрушения семьи и её традиций [7]:

– увеличение числа разводов;

– постоянные ссоры и конфликты внутри семьи;

– наличие 1–2 детей в семье;

– социализация ребенка проходит на достаточно низком уровне.

Помимо основных причин кризиса, как следствие, повышается уровень насилия и числа детей в сиrotских домах.

Все эти факторы, соответственно, сказываются на общем состоянии и здоровье детей, на их нравственном и психологическом развитии.

Учитывая интересы каждой личности, школа должна стать базой хранения человеческих отношений, став источником для формирования ценностей и образцом социального взаимодействия.

Стоит обратить внимание на то, что решение проблемы заключается в построении нового взаимодействия с семьей на этапе первого класса, когда ребенок вступает в адаптационный период. Только совместная работа педагогов и родителей послужит успешным результатом прохождения адаптации ребенка к школьному процессу. В тот момент, когда ребенок видит, что его родители занимаются его обучением, он осознает свою значимость, с легкостью преодолевая трудности и стремясь к успеху. Именно в этот момент педагогический состав школы обязан создать

такие условия, чтобы у ребенка не возникало стереотипов о том, что семья – это всего лишь замкнутый мир, а школа и перемены между уроками – два других различных мира со своими ценностями и традициями [6]. Другими словами, современные школы должны создать общий язык и общее поле действий, где все происходит развитие и формирование личности детей посредством вовлечения родителей в воспитательный и общеобразовательный процессы.

Причем, разделение ответственности за его развитие и образование устанавливается партнерством школы и семьи. Непосредственно раннее развитие и первоначальное образование наиболее значимо для формирования личности ребенка. Именно поэтому для осуществления поддержки детей многим родителям необходимо пройти специализированную подготовку и одобрение педагогического состава. При этом каждый педагог должен осознавать, что активное участие родителей послужит наилучшему результату его деятельности в классе [3].

Партнерство семьи и школы можно условно разделить на два вида [2]:

- Внешкольное сотрудничество;
- Образовательно-просветительскую деятельность.

Относительно внеклассного после учебного сотрудничества по схеме школа-дети-родители стоит отметить, что формы их проявления напрямую зависят как от каждого педагога (и они разнообразны), так и от интересов и увлечений детей и их родителей.

Что касается второго направления, то здесь акцент делается на организации родительского всеобуча, индивидуальных консультаций, встреч с психологами, опытными родителями, тем самым, они изучают различные типы семей с целью улучшения построения взаимных отношений с ними. Создание социальной цепочки, в центре которой ребенок и его интересы, способствует реализации амбиций и творческого потенциала ребенка.

На основании вышеизложенного следует, что родители и педагоги воспитывают одних и тех же детей, именно поэтому они должны взаимодействовать меж собой, используя различные формы социального партнерства. Успеха, возможно, добиться за счет взаимного союза родителей и педагогов, с проявлением ответственности и доверия, уважения и понимания. Именно поэтому современная система образования более открытая социально-педагогическая система, в которой наблюдается стремление к широкому социальному взаимодействию, диалогу и межличностному общению.

Основные цели, которые должна ставить перед собой образовательная программа, чтобы педагоги могли сопровождать семьи, заключаются в том, чтобы:

- содействовать повышению уровня родительской компетентности в вопросах воспитания детей;

– выработать единый взгляд школы и семьи на сам процесс воспитания, чтобы создать оптимальные условия для развития личности ребенка.

Идей такой программы является следующая установка: каждый ребенок – формирующаяся личность, при этом он индивидуален и должен сохранить её, пройдя процесс воспитания и образования, раскрыв свойственные ему таланты и способности с формированием определенных норм и традиций. Для решения насущной проблемы нами предлагается следующее:

Выделить направления, по которым будет осуществляться взаимное партнерство школы и семьи.

Создать прогнозируемую модель выпускника общеобразовательного учреждения, повышающую преемственность воспитания в семье и школе с целью формирования и развития личности учащихся.

Выделить основные проблемы, с которыми столкнутся при взаимодействии педагога и родители.

Создать мотивационную программу с наличием стимулов для реализации общеобразовательной программы.

Определить этапы и уровни развития общеобразовательной программы с детальным описанием в методических и научных статьях.

Исследуя данный вопрос с точки зрения родителей, необходимо отметить, что родители проявляют глубокий интерес к установлению партнерства со школой в силу того, что они осознают сложности, с которыми сталкиваются дети различных возрастов по причине индивидуальности психологического и биологического развития личности.

Основой семейно-ориентированного воспитания в образовательном учреждении является программа, в результате которой разные типы активности ребенка педагога включают каждого ученика в активную творческую деятельность разного плана. Необходимо регулярно исследовать уровень развития детей путем проведения социальных и психологических опросов, что способствует корректной и разработке более современной и совершенной программы воспитания и образования.

Причем, стоит отметить, что психологические опросы необходимо проводить совместно с родительским составом детей, чтобы сформировалась реальная картина семейных установок и взаимоотношений. Соответственно, от тщательности и продуманности занятий, их разнообразных форм проведения, своевременной информированности самих родителей напрямую зависит степень успешности педагогического сопровождения семьи. Необходимо помнить о том, что образовательное учреждение – социальный институт, который управляет ребенком, формируя у него семейно-ориентированные ценности, нормы и традиции, а этому способствует социальное партнерство родителей и педагогов.

Литература:

1. *Градинарова А.Е.* Влияние неблагополучной семьи на развитие и воспитание ребёнка // Молодой ученый. 2020. № 4(294). С. 284–286. URL : <https://moluch.ru/archive/294/66872/> (дата обращения 14.11.2020). «Ребенок из неблагополучной семьи: записки детского психолога».
2. *Венгер А.Л.* Психологическое обследование младших школьников / А.Л. Венгер, Г.А. Цукерман. М. : Владос-Пресс, 2007.
3. Воспитание школьников // Теоретический и научно-методический журнал. Изд. : Школьная Пресса, 2018. № 1. С. 86.
4. *Михайлова Н.Н.* Социальное партнёрство: педагогическая поддержка субъектов образования. / Н.Н. Михайлова, И.В. Хромова. М. : Пробел-2000, 2018. С. 552.
5. *Абульханова К.А.* Психолого-педагогические проблемы современного социума : коллективная монография / К.А. Абульханова, Я.А. Баскакова, Н.П. Болотова и [др.]; Под ред. Е.А. Левановой, А.В. Мудрика; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО МПГУ. М. : МПГУ, 2019. 297 с.
6. *Сухомлинский В.А.* Родительская педагогика. URL : <https://nsportal.ru/node/21540/2011/10/sukhomlinskiy-va-roditelskaya-pedagogika> (дата обращения 13.11.2020).
7. *Тихомирова Е.И.* Социальная педагогика. Самореализация школьников в коллективе. М. : Academia, 2018. 206 с.

Literature:

1. *Gradinarova A.E.* The influence of a dysfunctional family on the development and upbringing of a child // Young scientist. 2020. № 4(294). P. 284–286. URL : <https://moluch.ru/archive/294/66872/> (call date 14.11.2020). «A child from a disreputable family: notes by a child psychologist».
2. *Wenger A.L.* Psychological examination of younger students / A.L. Wenger, G.A. Tsukerman. M. : Vldos-Press, 2007.
3. Education of schoolchildren // Theoretical and scientific-methodical journal. Publ. : School Press, 2018. № 1. P. 86.
4. *Mikhailova N.N.* Social partnership: pedagogical support of educational subjects / N.N. Mikhailova, I.V. Khromova. M. : Space-2000, 2018. P. 552.
5. *Abulkhanova K.A.* Psychological and pedagogical problems of modern society: collective monograph / K.A. Abulkhanova, Ya.A. Baskakov, N.P. Bolotov, [etc.]; Ed. by E.A. Levanova, A.V. Mudrik; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, FGBOU VO MSGU. M. : Moscow State Pedagogical University, 2019. 297 p.
6. *Sukhomlinsky V.A.* Parental pedagogy. URL : <https://nsportal.ru/node/21540/2011/10/sukhomlinskiy-va-roditelskaya-pedagogika> (date of treatment 11/13/2020).
7. *Tikhomirov E.I.* Social pedagogy. Self-realization of schoolchildren in a team. M. : Academia, 2018. 206 p.

Хараева Леорена Ахмедовна

доктор педагогических наук,
профессор,
научный руководитель
кафедры английского языка,
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Берберова
elena_goverdovskaya@vial.ru

Говердовская Елена Валентиновна

доктор педагогических наук,
профессор,
заместитель директора
по непрерывному образованию,
заведующая кафедрой
гуманитарных дисциплин и биоэтики,
филиал Волгоградского
государственного медицинского
Университет Минздрава России
elena_goverdovskaya@mail.ru

Каспаров Аскер Робертович

кандидат социологических наук,
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
mr.kasparov.01@mail.ru

**ЗДОРОВЬЕПОРОЖДАЮЩАЯ СИЛА
НАЦИОНАЛЬНОГО ЭТИКЕТА**

Аннотация. Как отмечают авторы статьи, наши предки оставили нам бесценное наследие – этикетную этнокультуру. По признанию исследователей, цельность и гуманистическая направленность адыгского этикета оказала значительное влияние на этикетную культуру народов Северного Кавказа, в связи с чем, сегодня не без основания рассматривают существование целостной системы Кавказского этикета. Данная статья посвящена социокультурному анализу здоровьепорождающего потенциала национального этикета на примере многовековой традиции адыгского народа.

Ключевые слова: этикет, этикетная этнокультура, адыгская культурная традиция, адыгский этикет, здоровьепорождающий потенциал, социология культуры.

Наши предки оставили нам бесценное наследие – этикетную этнокультуру, наиболее всесторонне и, в то же время, скрупулезно разработанную в системе адыгского этикета. По признанию исследователей, цельность и гуманистическая направленность адыгского этикета

Leorena A. Haraeva

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor,
Scientific Director
of the Department of English,
Kabardino-Balkar State University
named after Kh.M. Berberov
elena_goverdovskaya@mail.ru

Elena V. Goverdovskaya

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor,
Deputy Director for Continuous Education,
Head of the Department
of Humanities and Bioethics,
Piatigorsky Medical
and Pharmaceutical Institute,
branch of the Volgograd State Medical
University of the Russian Ministry of Health
elena_goverdovskaya@mail.ru

Asker R. Kasparov

Candidate of Sociological Sciences,
Senior lecturer of the Departments
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
mr.kasparov.01@mail.ru

**HEALTH-BORN POWER
OF NATIONAL ETIQUETTE**

Annotation. As the authors note, our ancestors left us an invaluable heritage – etiquette ethnoculture. According to the researchers, the integrity and humanistic orientation of Adig etiquette had a significant impact on the etiquette culture of the peoples of the North Caucasus, and therefore, today, not without reason consider the existence of a holistic system of Caucasian etiquette. This article is devoted to sociocultural analysis of the health-saving potential of national etiquette on the example of the centuries-old tradition of the Adig people.

Keywords: etiquette, etiquette ethnoculture, Adig cultural tradition, Adig etiquette, health-reaching potential, sociology of culture.

оказала значительное влияние на этикетную культуру народов Северного Кавказа, в связи с чем, сегодня не без основания рассматривают существование целостной системы Кавказского этикета (Э.С. Абдулаева, А.М. Гутов, А.М. Малкандуев, Х.Г. Тхагапсоев, Л.А. Хараева).

Согласно общему подходу, этикет – это система принципов и норм общения, выражающих взаимное уважение и признание [1, с. 10]. Однако влияние этикета на нашу жизнь куда более универсально, чем просто быть сводом правил и норм общения (поведения). Этикет, как известно, выполняет такие важные для человека и общества функции, как регулятивная, познавательная, коммуникативная, идентификационная, эстетическая, назначение которых определять вектор поведения человека и его взаимоотношения в обществе.

На фоне дестабилизирующих социальных процессов, происходящих в настоящее время в культурной сфере общественной жизни, социальная сущность этикета как социокультурного института привлекает к себе особое внимание. Его целенаправленный анализ позволяет говорить еще об одной удивительной и столь актуальной сегодня функции этикета – способности защищать здоровье и благополучие человека и порождать его жизненные силы.

В настоящее время, когда состояние духовного, психического здоровья человека и общества стало одной из наиболее острых социальных проблем, которая не столь успешно решает официальная медицина, когда не помогают операции и дорогостоящие таблетки, а у людей появляется надлом в душе и ощущение безысходности, в следствие чего, их взор обращается к основам культуры, адаптирующей человека к условиям социальной среды. Культура как первопричина условий жизнедеятельности человека и его самоощущений создает свои институты, среди которых следует особо выделить этикет как мощный физический и духовный потенциальный источник сил человека.

В психологии здоровья [3] выделяются несколько типов культурных предписаний, помогающих человеку обрести душевное равновесие. Один тип – это идеи и образы, которые помогают человеку преодолеть ограниченность собственного опыта, увидеть ситуацию «с точки зрения вечности»; они предполагают духовное прозрение, ощущения мира как целого, его глубинных закономерностей и смыслов. Огромным целительным свойством в этом отношении обладает искусство.

Другой тип предписаний культуры направлен на сохранение приемов, позволяющих регулировать психическое состояние индивида: от древней йоги до аутогенной тренировки.

Наиболее интересным и неожиданным нам представляется третий тип культурных предписаний, который включает процедуры, связанные с гармонизацией внутреннего мира личности через организацию его социального поведения. К ним относятся обряды, ритуалы, правила этикета [3, с. 227].

По иронии судьбы, именно этикет мы нередко активно пытаемся отбросить сегодня как явление прошлого, ненужное и несоответствующее духу нового времени с его лозунгами «предприимчивости», «успеха», «конкурентоспособности», забывая о том, что именно здесь таятся ключи к

реальному успеху, счастью и здоровью. Широко известна, например, адыгская пословица «Хабзэ здэцимылэм, насып щылэккым» («Там, где нет этикета, нет счастья»).

Будучи порождением и воплощением ментальности этноса, этикет представляет собой реализацию индивидуальной и социальной сущности человека, которая, в конечном итоге, определяет его психологическое благополучие. Уникальная специфика социокультурного феномена этикета заключается в том, что он отражает не только внешне заданные этнокультурные факторы, но и внутренние условия поведения [4, с. 156]. Если менталитет есть внутренняя основа психики и поведения, то этикет есть его внешнее проявление, и это делает понятным решающую роль этикета в реализации внутренних установок, желаний, культурных особенностей личности в нормах и правилах поведения.

Характеризуя этикет, авторы часто соотносят его с религией. Во всех случаях следует отметить, что религия и этикет не противостоят друг другу, а вступают в продуктивное взаимодействие, в процессе которого этикет удачно встраивается в каноны религии, образуя в широком смысле этого слова «религию здравосмыслия», которая, по терминологии Уильяма Джеймса, означает кодекс нравственной дисциплины плюс психическая гигиена (Шри Йогендра) [5, с. 175].

Таким образом, этикет можно рассматривать как религию здравосмыслия, охватывающую все стороны человеческого бытия, начиная от физического, нравственного и духовного до отношения к высшему, на вершине которого находится Бог, Абсолют. Осознание последнего факта есть необходимое условие мотивации и смыслов поведения человека.

С самого начала человек в рамках этикета возвышался над своими низшими потребностями и приобретал социальную значимость.

Веками выработанный этикет, определяя внешнее социальное взаимодействие людей, в то же время регулирует внутреннюю психическую организацию индивида, поскольку он, как известно, характеризуется единством внешней и внутренней деятельности. Это означает, что соблюдение норм этикета способствует поддержанию здорового образа жизни и, соответственно, здоровой психики. Так, человек, знающий и соблюдающий нормы этикета, является, по словам Х.Г. Тхагапсоева, «мобилизованной личностью» [2], который всегда владеет ситуацией и может с честью выйти из любых коллизий и затруднительных положений в общении с окружающими людьми. Успешная реализация своей социальной роли, в соответствии с принципами этикета, приносит человеку чувство глубокого морального удовлетворения. Между тем, сегодня повсюду признают, что психическое состояние удовлетворения – один из самых влиятельных факторов, улучшающих здоровье и увеличивающих продолжительность жизни [5, с. 175].

С другой стороны, человек, не соблюдающий нормы этикета, теряет нити общения, перестает получать от него удовольствие, поскольку перестает соотносить цели и средства общения. Как и манипулятор, у которого расходятся истинные мотивы и средства общения, человек, пренебрегающий этикетом, рискует утратить свою социальную сущность и оказаться изолированным в своей среде. Только в соблюдении общепринятых норм взаимодействия таится возможность сохранения своей человеческой идентичности. Субъект, считающий себя выше этикета, как правило, не получает социального одобрения. Существует очень точное образное сравнение, что нарушение норм этикета сродни нарушению правил техники безопасности жизни.

Поднимаясь над низшими потребностями в рамках этикета, субъект постигает нравственные и духовные высоты, получает эстетическое удовольствие, что вызывает чувство комфорта, защищенности и самоуважения. Каждый, кто наблюдает человека, виртуозно владеющего этикетом, может отметить его внешнее преображение.

Реализация всех принципов этикета, направленных на контроль взаимодействия с окружающими людьми, разрешение возникающих проблем и достижение положительных результатов вызывает чувство удовлетворения, благополучия и укрепления жизненной силы. Например, следование принципу сдержанности в этикете дает возможность одержать самую важную победу – победу над собой путем подавления и вытеснения порывов недоброжелательности, нетерпимости, агрессивности, освобождая, таким образом, себя от разрушительных для своего здоровья негативных чувств по отношению к другому. Недаром в народе говорят «умеющий сдерживать свой гнев доживет до старости».

Анализируя этикет с точки зрения его положительного воздействия на активного субъекта этикетной культуры, следует неразрывно, вместе с этим, иметь ввиду его благотворительное влияние и на адресата этих воздействий. В этом плане, исполнение норм этикета подобно благодеянию: оно есть благодеяние (псапэ) как для

Литература:

1. *Бгажноков Б.Х.* Антропология морали. Нальчик : Изд. Отдел КБИГИ, 2010.
2. *Никифоров Г.С.* Психология здоровья : учебник для вузов. СПб., 2006.
3. *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб. : Астерион, 2008.
4. *Хареева Л.А.* Этносоциокультурная детерминация педагогического общения в условиях двуязычия. Волгоград, 2000.
5. *Шри Йогендра.* Йога. Личная гигиена. София, 2000.

того, для кого это делают, так и для того, кто это делает. В этих случаях различаются лишь исходные установки. Так, этикет порождает у адресата эмпатическое чувство, основанное на благодарности за признание его достойной уважительного обхождения личностью. Возможно, именно такой широкий охват воздействия представляет собой особую силу этикета. В нем, как и в альтруизме, гармонично взаимодействуют два начала: отношение к другому и отношение к себе. Причем, последнее не менее выражено, чем отношение к другому. В связи с этим, нам представляется, что, выполняя нормы этикета в отношении к другому человеку, субъект демонстрирует желательность такого же отношения по отношению к нему самому.

Характеризуя этикет в целом, следует говорить о глубоко гуманистическом предназначении его сущности. Человеколюбивая направленность этикета заключается во всех его принципах, следование которым порождает энергию здоровья, благополучия и счастья. Какой бы принцип этикета мы ни брали – принцип чести, отношение к старшим, женщине, гостю, соседу и др., – везде мы видим его направленность на оптимальную организацию социальной жизни, которая связана с подъемом физических, нравственных и духовных сил человека.

В заключение мы приводим высказывание Б.Х. Бгажнокова, одного из самых глубоких исследователей адыгского этикета: «...Именно мораль многократно увеличивает жизненные силы и возможности человека и общества. Она придает их существованию отчетливо осознаваемый смысл и определенную направленность, что способствует эффективной внутренней организации и наиболее полной самореализации» [110].

Принципы этикета не закрепощают современного человека, поскольку их назначение упорядочивать жизнь человека в обществе, то они при необходимости определенных внешних видоизменений сохраняют способность адаптировать современное общество к новым условиям, не затрагивая при этом своей культурной сущности и исходной направленности.

Literature:

1. *Bgazhkov B.H.* Anthropology of Morality. Nalchik : Publishing house KBIGI Division, 2010.
2. *Nikiforov G.S.* Health Psychology. Textbook for universities. SPb., 2006.
3. *Thagapsoev H.G.* Caucasian culture: features of genesis and development trends. SPb.: Asterion, 2008.
4. *Harayeva L.A.* Ethnosociocultural determinism of pedagogical communication in the conditions of bilingualism. Volgograd, 2000.
5. *Shri Yogendra.* Yoga. Personal hygiene. Sophia, 2000.

Шагина Инна Рудольфовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна
старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
t.sm.2019@bk.ru

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ НА СТЕПЕНЬ РАЗДРАЖЕНИЯ У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, РАБОТАЮЩИХ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация. В статье был проведен анализ факторов, влияющих на раздражительность у преподавателей при дистанционном обучении. Были проанализированы факторы, которые сопутствуют дистанционному образованию в период пандемии. В исследовании приняли участие 350 преподавателей 65 кафедр Астраханского государственного медицинского университета. Приведены результаты анкетирования преподавателей, работающих дистанционно, отмечены достоинства и недостатки при использовании дистанционных образовательных технологий. Среди главных недостатков и факторов влияния на степень раздражения в зависимости от стажа работы в университете, у преподавателей отмечается проверочная работа. Авторами было установлено: чем больше стаж преподавания в вузе, тем больше раздражают ограниченность в общении и удаленность.

Ключевые слова: медицинский вуз; дистанционное обучение; форма обучения; дистанционные образовательные технологии; педагогическая деятельность; коронавирусная инфекция; раздражители.

Inna R. Shagina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
Physics, Mathematics
and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Alia S. Kubekova
Senior lecturer of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
t.sm.2019@bk.ru

ANALYSIS OF FACTORS OF INFLUENCE ON THE DEGREE OF IRRITATION IN TEACHERS OF A MEDICAL UNIVERSITY WORKING REMOTE

Annotation. The article analyzes the factors affecting the irritability of teachers in distance learning. The factors that accompany distance education during a pandemic were analyzed. The study involved 350 teachers from 65 departments of the Astrakhan State Medical University. The results of a questionnaire survey of teachers working remotely are given, the advantages and disadvantages of using distance educational technologies are noted. Among the main disadvantages and factors of influence on the degree of irritation, depending on the length of service at the university, the teachers noted test work. The authors found that the longer the teaching experience at the university, the more annoying limited communication and remoteness.

Keywords: medical school; distance learning; form of training; distance learning technologies; pedagogical activity; coronavirus infection; irritants.

Введение. Внезапно начавшаяся пандемия коронавирусной инфекции охватила все основные стороны жизнедеятельности народонаселения нашей страны, в том числе сферу образования [1; 2; 3]. Высшие учебные заведения перешли на дистанционный формат обучения. С конца марта 2020 года Астраханский государственный медицинский университет также перешел на дистанционную форму обучения, и у преподавателей значительно увеличилась учебная нагрузка в связи с подготовкой заданий и тестов для образовательного портала вуза. Преподаватели университета активно использовали социальные сети и различные мессенджеры для взаимодействия с обучающимися, а также, для незамедлительного получения обратной связи [5; 7; 8]. Образовательные учреждения оказались в непривычной и кризисной ситуации, для многих преподавателей такая форма передачи учебной информации оказалась новой, и подобный опыт работы был применен впервые [4; 9; 10], что, в свою очередь, повлекло у педагогов вузов психологические трудности. Е.В. Куликовой [6] было установлено, то, что качество дистанционного обучения ниже очного, а полученных практических навыков недостаточно. В настоящее время проведено минимизированное количество исследований, посвященных изучению психологических факторов, влияющих на степень раздражения у преподавателей при дистанционном формате обучения в период пандемии коронавируса, поэтому была проведена исследовательская работа с целью прогнозирования негативных последствий.

Цель исследования заключалась в оценке факторов, влияющих на степень раздражения у преподавателей, работающих дистанционно в период пандемии коронавируса.

Материалы и методы. Анкетный опрос был проведен в июне 2020 года в Астраханском государственном медицинском университете. В исследовании приняли участие 350 преподавателей 65 кафедр Астраханского государственного медицинского университета. Преподавателям была предложена анкета «Факторы, влияющие на степень раздражения у преподавателей, работающих в дистанционном режиме», включающая 33 вопроса (23 вопроса закрытого типа, 7 вопросов полукрытого типа и 3 открытых вопроса). Анкета включает несколько блоков, которые направлены на раскрытие психологических проблем, возникающих в период самоизоляции. Анкета была создана при помощи Microsoftforms, распространялась с помощью корпоративной электронной почты каждой кафедры. Анкетирование было анонимное. Результаты социологического исследования были подвергнуты качественному и количественному анализу. Результаты исследования представлены в таблице.

Результаты и обсуждение. По результатам анкетного опроса у преподавателей со стажем до 5 лет ведущим фактором, влияющим на уровень раздражительности, является проверочная работа – 67,0 % (табл. 1). На втором месте по значимости определяется нерациональность рабочего времени (34,0 %). Увеличенный учебный день (31,0 %) является раздражающим фактором для педагогических работников со стажем до 5 лет. Из числа опрошенных педагогических работников со стажем 5–10 лет – 77,0 % отмечают, что фактором раздражения является проверочная работа обучающихся. Нерациональность времени является неоспоримым раздражающим фактором (71,0 %). Преподаватели отмечают напряжение зрения – 68,0 %. Перегруженность учебным процессом (62,0 %) также отмечают преподаватели.

Таблица № 1

Показатели, влияющие на степень раздражения у преподавателей (%)

Раздражители		Стаж работы в вузе			
		1–5 лет	5–10 лет	10–15 лет	Более 15 лет
1	Компьютер	29	43	79	40
2	Телефон	27	41	85	45
3	Удаленность	21	52	88	62
4	Отсутствие диалогов	25	34	76	76
5	Проверочная работа	67	77	92	89
6	Некачественная связь	24	53	93	88
7	Ограниченность общения	25	47	88	73
8	Увеличенный учебный день	31	44	82	81
9	Перегруженность	28	62	77	67
10	Нерациональность времени	34	71	89	89
11	Утомляемость от гаджетов	19	58	92	92
12	Напряжение зрения	26	68	94	94

Преподаватели со стажем 10–15 лет фактором раздражения при реализации образовательного процесса отмечают некачественную связь (93,0 %) и нерациональное распределение времени (89,0 %). У педагогических работников со стажем свыше 15 лет при дистанционном формате обучения, главным раздражителем психоэмоционального состояния является напряжение зрения

(94,0 %) в связи с увеличением продолжительности работы за компьютером. Повышенную утомляемость от гаджетов испытывают педагогические работники со стажем как 10–15 лет, так и со стажем свыше 15 лет (92 %). Нерациональность использования времени (89,0 %) и утомляемость от проверочной работы (89,0 %) также является раздражителем для педагогов свыше 15 лет.

Заключение. По результатам проведенного анкетного опроса, преподаватели в зависимости от стажа работы в вузе отмечают – чем больше стаж преподавания в вузе, тем больше раздражают ограниченность в общении, нерациональное

распределение времени и удаленность. С целью снижения негативных факторов для преподавателей необходимо организовать образовательный процесс с учетом выявленных показателей.

Литература:

1. Андреев А.А. Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // Открытое образование. 2013. № 5. С. 40–46.

2. Богданова А.В. Актуальные вопросы оценки качества дистанционных учебных курсов / А.В. Богданова, Е.Ю. Коновалова // АНИ: педагогика и психология. 2016. № 4(17). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-otsenki-kachestva-distantsionnyh-uchebnyh-kursov> (дата обращения 30.09.2020).

3. Дмитриева Е.Н. Содержание оценки качества дистанционного обучения в вузе / Е.Н. Дмитриева, Г.В. Курицына // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23913> (дата обращения 29.09.2020).

4. Касьяненко Е.Ф. Дистанционное и мобильное обучение в медицинских вузах: проблемы и перспективы / Е.Ф. Касьяненко, Л.Н. Рубцова, И.Д. Димов, В.Ю. Богомолова // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29216> (дата обращения 29.09.2020).

5. Клименских М.В. Особенности восприятия дистанционного обучения студентами и преподавателями вуза / М.В. Клименских, Н.А. Корепина, А.С. Шека, О.С. Виндекер // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27421> (дата обращения 24.10.2020).

6. Куликова Е.В. Анализ факторов, сопутствующих дистанционному обучению в вузе // Вестник СИБИТа. 2017. № 4(24). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-soputstvuyuschih-distantsionnomu-obucheniyu-v-vuze> (дата обращения 24.10.2020).

7. Куровский В.Н. Профессиональная подготовка будущих педагогов-психологов на основе дистанционных образовательных технологий в педагогическом вузе / В.Н. Куровский, А.С. Сейтбатталова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. № 11. С. 7–12.

8. Марчук Н.Ю. Психолого-педагогические особенности дистанционного обучения // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 75–85.

9. Насибуллов Р.Р. Дистанционное обучение как инновационная технология // Актуальные вопросы современной педагогической науки: сб. науч. работ Республик. науч.-практ. конф. Казань, 2012.

Literature:

1. Andreev A.A. Distance learning and distance educational technologies // Open education. 2013. № 5. P. 40–46.

2. Bogdanova A.V. Topical issues of assessing the quality of distance learning courses / A.V. Bogdanova, E.Yu. Konovalova // ANI: pedagogy and psychology. 2016. № 4(17). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-otsenki-kachestva-distantsionnyh-uchebnyh-kursov> (date of application 09/30/2020).

3. Dmitrieva E.N. The content of the assessment of the quality of distance learning at the university / E.N. Dmitrieva, G.V. Kuritsyna // Modern problems of science and education. 2015. № 6. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23913> (date of application 09/29/2020).

4. Kasyanenko E.F. Distance and mobile learning in medical universities: problems and prospects / E.F. Kasyanenko, L.N. Rubtsova, I.D. Dimov, V.Yu. Bogomolova // Modern problems of science and education. 2019. № 5. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29216> (date of application 09/29/2020).

5. Klimenskikh M.V. Features of the perception of distance learning by students and university teachers / M.V. Klimenskikh, N.A. Korepina, A.S. Sheka, O.S. Vinderker // Modern problems of science and education. 2018. № 1. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27421> (date of application 10/24/2020).

6. Kulikova E.V. Analysis of the factors accompanying distance learning at the university // Vestnik SIBIT. 2017. № 4(24). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-soputstvuyuschih-distantsionnomu-obucheniyu-v-vuze> (date of application 10/24/2020).

7. Kurovsky V.N. Professional training of future educational psychologists on the basis of distance educational technologies in a pedagogical university / V.N. Kurovsky, A.S. Seytbatallava // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2009. Iss. № 11. P. 7–12.

8. Marchuk N.Yu. Psychological and pedagogical features of distance learning // Pedagogical education in Russia. 2013. № 4. P. 75–85.

9. Nasibullov R.R. Distance learning as an innovative technology // Actual problems of modern pedagogical science: collection of articles. scientific. works of the Republics. scientific-practical conf. Kazan, 2012.

10. *Шелудько Ю.Е.* Отношение преподавателей разных возрастных групп к дистанционному обучению как фактор, влияющий на успешность его внедрения в учебный процесс // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 4(34). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-prepodavateley-raznyh-voznastnyh-grupp-k-distantsionnomu-obucheniyu-kak-faktor-vliyayuschiy-na-uspeshnost-ego-vnedreniya-v> (дата обращения 24.10.2020).

10. *Sheludko Yu.E.* The attitude of teachers of different age groups to distance learning as a factor influencing the success of its implementation in the educational process // Bulletin of KSPU name V.P. Astafieva. 2015. № 4(34). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-prepodavateley-raznyh-voznastnyh-grupp-k-distantsionnomu-obucheniyu-kak-faktor-vliyayuschiy-na-uspeshnost-ego-vnedreniya-24-v> (date of application 2020).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.11.2020
Подписано в печать 23.11.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 6,7
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 55

e-mail: id.yug2016@gmail.com